

НА Б О ЕВОМ ПО С ТУ

ЖУРНАЛ ВНУТРЕННИХ ВОЙСК МВД РОССИИ

№8
август
2005

**КАЛГАН — НАДЕЖНЫЙ ЩИТ
ПРАВОПОРЯДКА**

ГОРЯЧИЙ ХЛЕБ ХАНКАЛЫ

РУССКАЯ МУЗЫКА В АЛЬПАХ ЗВУЧАЛА

...На верность Родине и спецназу

9 июля в сквере у памятника "Воинам внутренних войск" состоялась торжественная церемония — приведение к военной присяге военнослужащих из числа молодого пополнения. 143 человека — солдаты отряда специального назначения "Русь" — по-настоящему стали защитниками Отечества.

Только что присягнувшие на верность Отечеству и спецназу почтили память братишек, погибших в результате теракта в Махачкале.

Капитан
Вячеслав ГРЕКОВ
Фото Владимира НИКОЛАЙЧУКА

НА БОВОМ ПОСТУ

Учредитель — МВД России

Издатель — Главное командование
внутренних войск

Журнал зарегистрирован в Министерстве
печати и информации Российской Федерации.
Регистр. № 01420.

Главный редактор КИСЛЫЙ Ю.П.

Редакционная коллегия: АРИБЖАНОВ Р.М.,
АРТЮХОВ Е.А., АШУРКОВ И.А. (Феофан),
БАННИКОВ А.Ю. (зам. главного редактора — ответст-
венный секретарь), БЕЛЬСКИЙ В.Ю., ВИННИК В.В.,
ДУРКАЧ Р.П., ЕРМАКОВ П.И., КАРПОВ Б.В.,
КОЛЕСНИКОВ С.С., ЛЕВКОВИЧ В.Г.,
ПАНЧЕНКОВ В.В., ПОРТНОВ С.А.,
СЕНОКОСЕНКО Л.Ф., СКРЯБИН В.Н., СОФРОНОВ И.Е.,
СТЕПАНОВ А.Р. (зам. главного редактора),
СЫЧЕВ В.А., ТОНКОНОГОВ В.П., ШИШОВ А.Г.
(зам. главного редактора), ЮРЧЕНКО С.П.

Художественное оформление БОРОДИН В.В.

Верстка ВИНОВАТОВА О.К.

Корректоры БОГДАНОВА Е.А., ГАВРИЛОВА Е.Ю.

Журнал имеет приложения:
газету "Ситуация"
и сборник учебно-методических материалов
"Войсковой вестник".

При перепечатке материалов ссылка на наш журнал
обязательна.

Редакция вправе сокращать и литературно обрабаты-
вать принятые к публикации тексты. Редакция может
публиковать материалы, не разделяя точку зрения ав-
торов. Рукописи не рецензируются и не возвращают-
ся. За достоверность фактов, имен собственных, не-
разглашение тайны отвечают авторы публикаций, за
достоверность рекламных объявлений — рекламода-
тели, за качество печати — типография. Переписка с
читателями ведется только на страницах журнала.

Сдано в набор 17.06.2005. Подписано к печати 25.07.2005.
Формат бумаги 60х90 1/8. Общий тираж изданий 15 000.
Печать офсетная. Усл.печ. л. 8. Зак. № 475

Отпечатано в типографии ОАО "Красный пролетарий"
127473, Москва, Краснопролетарская, 16

Адрес редакции: 111250, Москва, Красноказарменная, 9а
Телефоны для справок: 361-81-71, 361-82-57
E-mail: a_u_bannikov@mail.ru

© Журнал «На боевом посту», 2005

На 1-й странице обложки

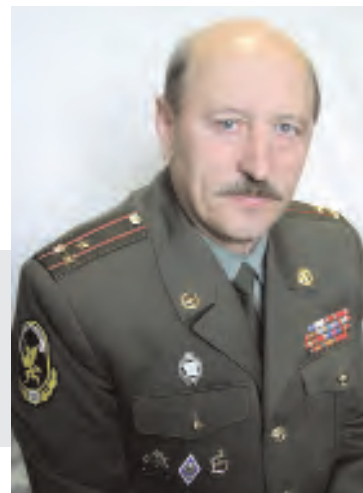

Фото Николая Петелина

Индекс

для подписки через агентство "Роспечать"
— 73 175

ПЕРВАЯ Колонка

Полковник
Евгений
АРТЮХОВ,

начальник отдела
литературы

Не знаю, как вы, а я с детства люблю рыцарские романы и во-
обще время Средневековья. Прежде всего за то, что человек в нем
значил куда больше, чем сейчас. Брали верх его сила, мужество,
искусство владения мечом, копьем, щитом... Много, очень мно-
гое зависело на поле боя от него самого. Не было такого страшно-
го, а по сути, подлого оружия, как пулемет, артиллерийское ору-
дие, танк, я уж не говорю о системе залпового огня, о ракетах с
ядерными боеголовками, способных смести целую армию...

Время не остановишь. Более того — принято считать, что чело-
вечество смеясь расстается со своим прошлым. Но как же это
горько сознавать!

В преддверии 60-летия Великой Победы меня просто потряс-
ли рассуждения московских старшеклассников, опубликованные
в "Литгазете". Вот некоторые образчики: "Если бы мы сразу сда-
лись немцам, сохранились бы наши люди и наши города в целос-
ти и сохранности. Не было бы никакой разрухи", "Если Сталин и
все руководство СССР были мерзавцами и негодяями, как сейчас
говорят, если Советский Союз был империей зла, отвратительной
тоталитарной страной, зачем было за него и его вождей вое-
вать?", "Солдаты защищали завоевания революции, которая те-
перь признана сбоем цивилизации", "Те, кто в ту войну бездумно
защищал козлов и монстров, сейчас почему-то требуют для себя
почета, уважения и льгот".

Откуда эти ребята? Кто и какой "альтернативной" историей
задурил им мозги? Под каким "плюралистическим соусом" им по-
напихали смердяковщины? Сколько угодно можно задавать себе
подобные вопросы. Не менее страшно и другое: уже сами педаго-
ги заявляют, что вырастает поколение, которому глубоко безраз-
лично, что было до них. По-животному выжить, а там любой це-
ной стать богатым, здоровым и счастливым — вот задача.

Я понимаю, что это нравственное уродство. Что его необходи-
мо лечить. Что люди с такими установками на жизнь никогда не
будут ни патриотами своего Отечества, ни нормальными защит-
никами его. Однако я не врач и не социолог, чтобы выписывать
спасительные рецепты своему больному обществу. Хотя один из
них, думаю, знаю.

Если, путь прорубая отцовским мечом,
Ты соленые слезы на ус наматал,
Если в жарком бою испытал что почем, —

Значит, нужные книги ты в детстве читал! — так в фильме "Бал-
лада о рыцаре Айвенго" поет народный бард Владимир Высоцкий.

Именно мудрая книга учила и вооружала наших отцов-фрон-
товиков в трудных тридцатых-сороковых годах прошлого века.
Не оставила заботой наше послевоенное поколение. Выручит и
идуших нам на смену. Вот только не следует уповать на то, что всё
разрешится само собой. Надо и прививать молодежи любовь к
серьезному чтению, и помогать ей с лодией в книжном море. Наш
журнал стремится внести свою лепту в это важное и благородное
дело, отводя до трети своего объема литературе, открывая серию
книг для солдатских библиотек сборником повестей и рассказов
"На войне и рядом с нею".

**Мы чаще сверху видим облака,
Порой не просто к цели добираться.
Зато не даром на подъем легка
Наших внутренних войск авиация!..**

Из песни авиаторов внутренних войск

**12 августа
День Военно-воздушных сил**

Стр. 8

Стр. 28

Стр. 43

СОДЕРЖАНИЕ

ИНТЕРВЬЮ НОМЕРА

“Без внутренних войск мы работать не можем” **4**

ТРАГЕДИЯ

Вечная память братишкам **8**

ГОРЯЧИЙ РЕГИОН

Точку поставили гранаты **10**

Дождь на чужой стороне **11**

СЛУЖБА

Калган — надежный щит правопорядка **13**

Таланты военного бортинженера **16**

Пятый. Оперативный. Уникальный **19**

Начпрод с “синим поясом” **22**

ВОИНСКОЕ ВОСПИТАНИЕ

“Сыктывкарский вальс” для учебного полка **23**

БЛЕСК ВОЕННОЙ МЫСЛИ

“В службе честь” **25**

ТЫЛ

Без тыла нет победы! **26**

28 Горячий хлеб Ханкалы

ИСТОРИЯ

32 Против войск Гоминьдана

ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЕ — 60 ЛЕТ

34 История Ольги Сарбей

37 Три года в боях и рейдах

КОЛЛЕГИ

41 Войны и миры Олега Смирнова

КУЛЬТУРА

43 Русская музыка в Альпах звучала

ЛИТЕРАТУРА

46 Выезд на происшествие

58 Открытые лица

60 Удав

КНИЖНАЯ ПОЛКА

64 Приглашение к разговору

В августе 2005 года столица Татарстана Казань отмечает свое 1000-летие. В юбилейных торжествах примут участие главы государств СНГ, некоторых стран дальнего зарубежья, руководители всех субъектов Российской Федерации, десятки и сотни тысяч гостей и туристов.

Проведение такого рода мероприятий, безусловно, требует усиленной работы правоохранительных структур, служб обеспечения безопасности граждан и VIP-персон.

Накануне праздника нашему корреспонденту удалось встретиться с заместителем министра внутренних дел Республики Татарстан, начальником милиции общественной безопасности генерал-майором милиции Рафилом Нугумановым и поговорить с ним о ходе подготовки частей внутренних войск МВД России и органов внутренних дел к службе во время проведения праздничных мероприятий, посвященных 1000-летию Казани.

Визитная карточка.

Нугуманов Рафил Габтрафикович родился 1 июля 1949 года в селе Салтыганово Апастовского района ТАССР. Службу в правоохранительных органах начал в 1970 году милиционером Кировского РОВД Казани. В 1973 году закончил Елабужскую специальную школу милиции, а затем Казанский филиал Юридического заочного института МВД СССР. На протяжении трех лет возглавлял Агрызский РОВД, затем Альметьевский и Чистопольский ГРОВД. Занимал ответственные посты в центральном аппарате МВД РТ. В 1993 году назначен на должность заместителя министра внутренних дел Республики Татарстан, начальника милиции общественной безопасности МВД РТ. Специальное звание — генерал-майор милиции. Почетный сотрудник МВД России. Заслуженный юрист Республики Татарстан. Неоднократно выполнял оперативно-служебные задачи на территории Чеченской республики. Награжден орденом Мужества, медалями и именным оружием.

Николай Петелин

Заместитель министра внутренних дел Республики Татарстан, начальник милиции общественной безопасности МВД РТ Рафил Нугуманов:

“Без внутренних войск мы работать не можем”

— Мы стоим на пороге довольно значимого в истории и общественно-политической жизни страны события. Казань на период торжеств соберет много гостей, в том числе высокопоставленных, и не только из России, но и из-за рубежа. На ваш взгляд, товарищ

генерал, силы правопорядка готовы обеспечить безопасность граждан в праздничные дни?

— Руководством МВД России перед нами поставлена серьезная и ответственная задача — обеспечить охрану общест-

венного порядка, не допустить терактов. Ее мы должны выполнить в любом случае. Как вы правильно отметили, гостей ожидается очень много. Среди них и высшие должностные лица стран Содружества независимых государств, которые придут к нам не только на праздник, но

и на ежегодный саммит, и главы субъектов Федерации России, и иностранные делегации. Я уже не говорю о рядовых гражданах, которые в эти дни побывают в Казани.

Основная нагрузка, конечно же, ляжет на плечи сотрудников милиции и военнослужащих внутренних войск, которые будут обеспечивать общественный порядок в местах массовых гуляний. Всего определено 68 таких объектов, из них около 20 — так сказать, повышенного внимания, их посетят первые лица.

К организации и несению службы подразделений милиции и части внутренних войск, дислоцированные в Казанском гарнизоне, в целом готовы. Об этом свидетельствуют результаты службы по охране правопорядка во время проведения ежегодного Сабантуя. В празднике только в Казани участвовало более 140 тысяч человек. Незадолго до того торжественно открыли самую большую и, пожалуй, красивую в Европе соборную мечеть Кул-Шариф. Приезжали представители мусульманской диаспоры России, послы и министры государств, население которых исповедует ислам, имамы и муфтии. Охрану общественного порядка в те дни и обеспечение безопасности граждан на этих мероприятиях можно смело назвать генеральной репетицией службы в юбилейную декаду.

Мобилизации личного состава на успешное решение поставленных задач способствует и то, что уже с 1 июля милиция Татарстана работает по усиленному варианту.

В МВД России для руководства правоохранительными и антитеррористическими силами создан оперативный штаб. Кроме того, образованы антикризисный центр под руководством премьер-министра республики, межведомственный штаб, куда вошли представители всех силовых ведомств. Президент ведь поставил задачу достойно провести 1000-летие Казани не только и не столько перед милицией Татарстана, а перед МВД России и всеми причастными к организации праздника структурами.

— Рафил Габтрафикович, вы сказали, что Сабантуй, открытие новой мечети стало, по сути, генеральной репетицией предстоящей службы. А проводились ли в период подготовки к торжествам какие-либо специальные учения и тренировки, направленные на отработку возможных действий в случае обострения обстановки?

— Да. Но прежде скажу, что накануне 1000-летия в городе пройдет еще одно мероприятие, где личный состав органов внутренних дел и внутренних войск будет действовать в реальной, а не в учебной обстановке. Это открытие Благовещенского собора на территории Казанского кремля, на которое мы пригласили Патриарха Московского и Всея Руси Алексия II. В нем тоже примут участие тысячи и тысячи православных верующих не только из Татарстана, но и со всей России.

А учения и тренировки мы проводим практически ежемесячно начиная с конца прошлого года. Тематика разная, например, в апреле и мае этого года под руководством министра внутренних дел Республики Татарстан генерал-лейтенанта милиции Асгата Сафарова состоялись совместные с УФСБ, ГУ МЧС России по Республике Татарстан, министерством здравоохранения Татарстана двусторонние двухступенные командно-штабные и тактико-специальные учения по теме: "Управление силами и средствами органов внутренних дел во время проведения праздничных мероприятий, посвященных 1000-летию основания г.Казани". В них участвовали, в том числе, командование и военнослужащие казанского специального моторизованного полка, отряда спецназначения внутренних войск. Они работали на реальных объектах проведения праздничных мероприятий: в кремле, на Ярмарочной площади, в культурно-развлекательном комплексе "Пирамида", на площади Свободы, маршрутах движения VIP-персон и других. Вводные, которые были специально разработаны "нападающей стороной", дали воз-

можность силам правопорядка максимально проявить и проверить себя и сегодняшнюю готовность к обеспечению безопасности торжеств. Посредники, наблюдавшие за ходом учений, признали действия сотрудников ОВД и военнослужащих правильными, в большинстве случаев адекватными реально складывающейся оперативной обстановке.

— Судя по всему, взаимодействие с внутренними войсками у вас налажено. Части Казанского гарнизона постоянно привлекаются и к патрульно-постовой службе, и к обеспечению правопорядка при проведении массовых мероприятий. На период празднования 1000-летия города здесь будет создана значительная группировка внутренних войск. Какую роль в охране правопорядка в юбилейную декаду им отводит руководство МВД Татарстана?

Очень большие надежды мы возлагаем на внутренние войска, вместе с которыми нам предстоит нести службу в эти дни. Еще в декабре 2004 года в Казани побывал и встретился с президентом Татарстана Минтимером Шаймиевым главнокомандующий внутренними войсками генерал-полковник Николай Рогожкин. На встрече присутствовали командующий войсками Приволжского округа ВВ МВД России генерал-лейтенант Михаил Змеев, секретарь совета безопасности РТ Венер Салимов, министр внутренних дел республики генерал-лейтенант милиции Асгат Сафаров.

Обсуждались вопросы подготовки к обеспечению общественной безопасности во время празднования 1000-летия Казани. Главнокомандующий заверил руководство республики в том, что войска имеют опыт участия в подобных мероприятиях и справятся с поставленными задачами в полном объеме. Тогда же было принято решение о создании на период юбилейных торжеств почти двухтысячной группировки внутренних войск и о включении в штаб руководства началь-

Из архива редакции

август 2005

Из архива редакции

5

ника главного штаба генерал-лейтенанта Сергея Бунина, о размещении и питании военнослужащих подразделений и частей, прибывших из других регионов.

Военнослужащие будут нести службу на всех без исключения объектах праздника, в аэропорту, на охрану которого, конечно же, сил милиции не хватит, маршрутах движения высоких гостей и официальных делегаций.

Сегодня без внутренних войск мы работать не можем. Тут ведь вот что еще важно понимать: чтобы собрать и подготовить к выполнению задач милицейское подразделение, нужно в лучшем случае несколько часов, а войска уже через полчаса после поступления сигнала готовы выполнить любую задачу.

Мы возлагаем большую надежду на использование техники внутренних войск: вертолетов, катеров, специальных водометных машин, аппаратуры видеонаблюдения с места событий.

Очень верим в спецназ, ребят, которые, образно говоря, готовы пройти огонь, воду и медные трубы. Во всех учениях по антитеррористической тематике войсковые спецназовцы составляли костяк, основную ударную силу в разрешении чрезвычайных ситуаций.

Не только в праздники, но и в будни без внутренних войск мы обойтись не можем. Взять, к примеру, специальную моторизованную воинскую часть, которой командует полковник Анатолий Завгороднев. Его подчиненные пять дней в неделю несут патрульно-постовую службу, в том числе при проведении целевых мероприятий по массовой отработке криминогенных районов города, а также объектов железнодорожного, воздушного и водного транспорта. Зная, что войны этой части нам очень нужны, мы им помогаем.

Горрайотделы внутренних дел своими силами доставляют личный состав к месту службы и обратно. Сотрудники МВД республики, а также УВД Казани проводят еженедельные занятия по служебной подготовке и тематические инструктажи.

Без других частей войск гарнизона мы тоже не обходимся. Например, казанский отряд специального назначения, которым командует полковник Сергей Жуковский, тоже иногда привлекается к охране общественного порядка. Как правило, при проведении крупных массовых мероприятий: Сабантуя, Дня города, футбольных матчей, выборов.

Даже с батальоном по охране одного из важных госпредприятий в Казани, где командиром майор Руслан Садреев, мы взаимодействуем по вопросам охраны правопорядка. Личный состав этой части помимо выполнения основных задач используется для обеспечения общественного порядка при проведении крупных массовых мероприятий на территории Кировского района Казани.

— Товарищ генерал, наверняка МВД республики отслеживает развитие общественно-политической ситуации в Татарстане накануне юбилея Казани. На ваш взгляд, есть в регионе, так сказать, темные силы, способные сорвать проведение праздничных мероприятий?

— К сожалению, сегодня в стране покойствия нет. Обстановка в республике тоже не из простых, но она контролируема и управляема. Хорошо накануне праздника поработала криминальная милиция. Была разоблачена деятельность нескольких организованных преступных групп, члены которых сейчас осуждены.

Всплеска преступности нет. Наблюдается некоторый рост преступлений, но это связано с последней установкой МВД и Генпрокуратуры о регистрации всех без исключения преступлений. Нам запретили готовить отказные материалы.

Есть опасение по преступности, связанной с ваххабизмом. Более 30 человек организации Хизбутахри-аль-ислами сейчас уже осуждены. Но, к сожалению, мы отмечаем некоторую тенденцию к развитию негативных течений экстремистского толка.

В 2005 году в Бугульме при их непосредственном участии был взорван газопровод. Это преступление раскрыто. Оно связано исключительно с деятельностью ваххабитов. Взрыв линии электропередачи в Телячинском районе, которая питает Казань, тоже дело их рук.

Но мы работаем. Например, в настоящее время министерством внутренних дел и прокуратурой Республики Татарстан проводятся оперативно-розыскные и следственные мероприятия в рамках уголовного дела, возбужденного в отношении членов ОПГ "Квартал". Уже задержано 26 лидеров, похищенных людей, вымогательства, грабежи и разбои, поджоги, незаконное хранение огнестрельного оружия.

В ночь с 13 на 14 июня 2005 года в садовом обществе "Водозабор" в пригороде Казани сотрудниками уголовного розыска был изъят арсенал оружия, принадлежащий членам этой группировки. Там и автоматы, и пистолеты, от ПМ до "Вальтера" и ТТ, охотничьи ружья, 2 радиоуправляемых взрывных устройства, гранаты Ф-1 и РГД, 12 тротильных шашек, патроны различного калибра.

Словом, без дела не сидим.

Надеюсь, общими усилиями с внутренними войсками, другими силовыми ведомствами задачу, поставленную президентом Владимиром Путиным и министром Рашидом Нургалиевым, выполним. Достойное празднование юбилея столицы Татарстана обеспечим.

**Беседовал полковник
Ринад АРИБЖАНОВ**

Николай Петелин

Николай Петелин

НА Боевом посту

Владимир Ефименко

В НОМЕР
Официально

В ЦЕНТРЕ ВНИМАНИЯ МОРАЛЬНЫЙ ФАКТОР

24 июня состоялось расширенное заседание военного совета ГКВВ МВД России, на котором присутствовали командующие войсками округов, их заместители по работе с личным составом, помощники командующих и командиров частей, непосредственно подчиненных главнокомандующему внутренними войсками по правовой работе, начальники авиационных отделов (отделений) округов, а также начальники военных образовательных учреждений высшего профессионального образования ВВ МВД России.

Одним из основных вопросов, рассмотренных на военном совете, было состояние морально-психологического обеспечения служебно-боевой деятельности внутренних войск и повышение ее эффективности. С докладом выступил заместитель главнокомандующего внутренними войсками МВД России генерал-лейтенант Сергей Топчий.

— Морально-психологическое обеспечение служебно-боевой деятельности внутренних войск как вид обеспечения существует около 15 лет и является одним из важнейших направлений работы органов военного управления, которое, образно говоря, характеризует социальное здоровье войск, — сказал заместитель главкома. — Оценить его можно, в первую очередь, через морально-психологическое состояние личного состава, а также по качеству выполнения служебно-боевых задач, состоянию воинской дисциплины и правопорядка в войсках. Три года назад, 1 марта 2002 года, на военном совете Главного командования была принята целевая программа совершенствования МПО, рассчитанная на период до 2005 года.

Сегодня можно констатировать, что многого удалось добиться. Практически по всем направлениям МПО заметны позитивные изменения. При подготовке к празднованию 60-летия Победы весь прошлый и нынешний год информационно-воспитательная и культурно-досуговая работа была нацелена на патриотическое воспитание личного состава. Состоялись эмоционально насыщенные мероприятия в рамках акций “Долг памяти” в Приволжском и “Долг совести” в Московском округах внутренних войск. Примечательно, что юбилею Великой Победы предшествовали значительные события в культурной жизни войск — присуждение гранта Президента Российской Федерации Академическому ансамблю песни и пляски, награждение премией МВД России ансамбля песни и пляски Приволжского округа внутренних войск.

Важными для организации морально-психологического обеспечения войск являются переход с 2004 г. к активному использованию в системе общественно-государственной подготовки обучающихся мультимедийных программ, создание при ГКВВ телерадиостудии, открытие официального интернет-сайта внутренних войск, заметный рост содержательного и оформительского уровня центральных изданий — журнала “На боевом посту”, сборника “Войсковой вестник”, газеты “Ситуация”.

Пристальное внимание командование войск уделяет и вопросам социальной защищенности военнослужащих и членов их семей. Для оказания материальной помощи пострадавшим при выполнении служебно-боевых задач изыскиваются значительные финансовые средства из внебюджетных источников. Всего за период с 1999 по 2005 год войсками получено около 253 млн. рублей. Значительная часть этой сум-

мы израсходована на протезирование и репротезирование военнослужащих, получивших боевые травмы в Чечне.

Важнейшим направлением морально-психологического обеспечения служебно-боевой деятельности войск является работа по укреплению воинской дисциплины. Как отметил генерал-лейтенант Сергей Топчий, за последние годы по отдельным направлениям в ней отмечены положительные тенденции.

Наметилась устойчивая динамика сокращения числа небоевых потерь и происшествий в целом по войскам, в соединениях и воинских частях Объединенной группировки войск (сил) на территории Северо-Кавказского региона. В ОГВ(с) эту тенденцию удалось сохранить и в первом полугодии текущего года, в течение которого в сравнении с аналогичным периодом 2004 года количество преступлений, происшествий, небоевых потерь сократилось.

Однако о некотором благополучии в вопросах воинской дисциплины и правопорядка можно говорить лишь применительно к незначительному количеству соединений и воинских частей. Общая картина по войскам оставляет желать лучшего. Основными причинами негативных проявлений в воинских коллективах стали ухудшение морально-деловых качеств военнослужащих, проходящих службу по призыву, недостаточная профессиональная подготовленность офицеров структур по работе с личным составом и несоответствие организационного построения данных структур современным требованиям в рамках существующей численности.

Для более продуктивной работы офицеров в этих направлениях присутствующий на заседании военного совета заместитель Генерального прокурора Российской Федерации — главный военный прокурор генерал-полковник юстиции Александр Савенков предложил объединить усилия командования войск и прокурорских работников.

— Так, — сказал он, — при выявлении фактов призыва военнослужащих, не годных по каким-либо причинам к военной службе, следует немедленно сообщать об этом в военную прокуратуру. Офицеры ГВП будут выезжать в войсковые части для дальнейшего детального разбирательства, после чего будем применять соответствующие меры воздействия к должностным лицам. Кроме этого для оказания действенной помощи на местах целесообразно формировать группы офицеров внутренних войск и военной прокуратуры для их совместной работы в тех частях, которые считаются неблагополучными. Подобная практика довольно продуктивно применяется в Министерстве обороны. В целях повышения юридической образованности выпускников военных учебных учреждений внутренних войск не лишним будет привлекать сотрудников военной прокуратуры для проведения дополнительных занятий среди курсантов.

Главкомандующий внутренними войсками и члены военного совета поддержали эти и некоторые другие предложения. В ближайшее время они найдут отображение в приказах и директивах.

На заседании также были рассмотрены вопросы состояния авиации и определены меры по повышению эффективности ее применения. Обсуждались различные аспекты материально-технического, тылового, а также проблемы кадрового обеспечения летного и обслуживающего персонала. Заместители главкома и начальники управлений приняли к сведению информацию и доложили о перспективах реализации высказанных предложений.

В заключение главнокомандующий внутренними войсками МВД России генерал-полковник Николай Рогожкин вручил государственные и ведомственные награды и подарки отличившимся офицерам и генералам.

**Подготовил капитан
Вячеслав ГРЕКОВ**

**Список
военнослужащих внутренних войск,
погибших в результате теракта
в Махачкале 1 июля 2005 года:**

капитан Ульчик Дмитрий Петрович;
ефрейтор Ермошин Алексей Юрьевич;
сержант Барков Владислав Михайлович;
ефрейтор Каюмов Рустам Фаритович;
рядовой Орынчук Виталий Дмитриевич;
рядовой Сорокин Егор Сергеевич;
рядовой Поспелов Иван Павлович;
рядовой Апсит Павел Александрович;
рядовой Чухарев Сергей Вячеславович;
рядовой Мустафаев Мусса Джабраилович.

ВЕЧНАЯ ПАМЯТЬ БРАТИШКАМ

С раннего утра на аэродроме "Чкаловский" было многолюдно. Генералы, офицеры, солдаты ждали своих боевых товарищей из командировки, для которых она стала последней. Даже слепившее солнце не могло скрыть слезы отчаяния на глазах родных и близких, скорбь на мужественных лицах спецназовцев...

На военном аэродроме "Чкаловский" прошла траурная церемония прощания с военнослужащими внутренних войск МВД России, погибшими в результате террористического акта 1 июля в Махачкале.

Проститься с погибшими военнослужащими пришли главнокомандующий внутренними войсками МВД России генерал-полковник Николай Рогожкин, члены военного совета, генералы и офицеры Главного командования, сослуживцы, бойцы и ветераны подразделений специального назначения и разведки внутренних войск МВД России.

— Гибель наших товарищей — это большая трагедия и боль для всех военнослужащих внутренних войск, — сказал в своем выступлении генерал-полковник Николай Рогожкин. — Сегодня нам необходимо найти в себе силы и мужество пережить тяжелую утрату. Российский народ верит в нас, и мы выполним все задачи до конца. Вечная память павшим!

После отдания воинских почестей тела погибших воинов правоохранительной авиацией внутренних войск МВД России были отправлены к местам погребения.

**Старший лейтенант
Сергей ДЮЛЬДИН**
Фото
Владимира НИКОЛАЙЧУКА

НА Боевом посту

Сергей Портнов

ТОЧКУ ПОСТАВИЛИ ГРАНАТЫ

Сергей Портнов

Адресные проверки, прикрытие действий инженерной разведки, участие в крупных специальных операциях по уничтожению больших бандитских отрядов, ликвидация мелких групп, специализирующихся на подрывах боевой техники, так называемых "фугасников" и особо опасных бандитов — это ежедневная и трудная работа подразделений спецназа в Чечне. Они рискуют жизнью не ради браввады, а потому что это их работа. И делают они ее хорошо, так как, во-первых, по-другому нельзя, а во-вторых, иначе они не умеют. И случай из жизни отряда спецназа "Русь" — лучшее тому подтверждение.

Сидя на броне БТРа, рядовой Степан Богодухов сказал своему другу и земляку Феде Губанову:

— Слышь, братишка, как-то не по себе мне!

Бывает такое чувство на войне, когда человек опасность ощущает, где-то на подсознательном уровне чувствует, что воздух вокруг дрожит от напряжения. Хотя ничего необычного в этом выезде не было. Главная задача — найти и захватить главаря боевиков, курировавшего всю террористическую деятельность в этом районе Чечни. "Показчик" из числа местных жителей дал информацию, что "смотрящий" с ближайшим окружением пришел на отдых и в настоящий момент скрывается в селе. Времени на размышления не оставалось, и командование группировки приняло решение ликвидировать банду силами одной из групп отряда "Русь".

Выехали еще затемно. Необходимо было обеспечить эффект внезапности. Двигались крайне осторожно — опасные участки проходили на большой скорости, чтобы свести к минимуму риск попадания в засаду или возможность подрыва.

Когда-то Степан представлял себе войну совсем по-другому. Навянный фильмами про Великую Отечественную войну романтический настрой растаял, как предрассветный туман в родных горах Алтая, после того как первый раз попали "под раздачу". Тогда было впечатление, что бандиты знали об операции, проводимой спецназовцами, и тщательно подготовились к встрече.

При движении через населенный пункт на одной из улиц колонна попала под обстрел. Степан сразу и не понял, что завязался бой. Поначалу действовал скорее автоматически, ведя огонь по всполохам автоматных очередей, мелькающих то здесь, то там. Пули свистели совсем рядом, и боец спешно менял позицию, продолжая огрызаться короткими очередями. Все окружающее происходило словно в тумане, как будто это был сон или новая увлекательная компьютерная "стрелялка", только слишком реальная... Нет, он не боялся. Потому что трусом никогда не был, а скорее, наоборот, считал себя даже чуть-чуть отчаянным.

В себя привели только четкие команды командира группы. А отсутствие суеты и слаженные действия сослуживцев придали еще и уверенности. Степан скатился в придорожную канаву, выбрал удобную позицию и стрелял, как на стрельбище. Только после боя он почувствовал отвратительный запах нечистот из канавы, смешанный с пороховой гарью, заметил, что разбил в кровь локти. В этот момент вся романтика войны и растворилась, уступив место осознанию факта, что жив. Тогда все закончилось благополучно: группа не понесла потерь и смогла изрядно потрепать бандитов.

Но это было тогда, а сейчас боец видел, как к сараю подошел один из офицеров ОМОНа и, заглянув внутрь, не стал заходить. Идя следом за ним, Степан решил проверить строение тщательней и, крикнув Федьке: "Прикрой!", вошел в постройку. Дверь за собой не закрыл — мало ли что.

В сарае было полно сена. Внимание привлекло то, что с края переворошен. Подойдя к этому месту, боец изготовился к ведению огня и носком ботинка откинул пучок сена в сторону. Ему в глаза смотрело черное отверстие пистолетного ствола.

...С реакцией у Степана все в порядке. Спецназовец прыгнул в противоположный угол сарая и, совершив кувырок, с колена дал длинную очередь из автомата. Тут же в помещение ворвался Федя Губанов и помог другу выскочить из пылающего сарая. Для полной уверенности в том, что боевик уничтожен, в сарай закинули две гранаты.

На звуки стрельбы прибежали командиры группы и его заместитель. Блокировав строение со всех сторон, спецназовцы выжидали некоторое время и снова вошли внутрь. Обгоревший труп бандита лежал в углу. В правой руке он держал АПС, что свидетельствовало о высоком статусе убитого. Это и был главный объект "охоты". Ради него спецы и прочесывали это село в течение уже нескольких часов.

**Капитан
Максим ГОВОРИН**

Фамилии изменены

ДОЖДЬ НА ЧУЖОЙ СТОРОНЕ

...В глубине полей, превращенных гусеницами бронетехники в раскисшие грязевые болота, палаточные городки выделяются малахитовыми пятнами брезента да косыми струйками сизого дымка, тянущегося из труб "буржук". Над головой удручающе-рваными лоскутами скучиваются до предела напитанные влагой вспухшие облака. Промозглость вгрызается в самое нутро, как и тогда, пять лет назад...

Весна 2000 года. Вход в Веденское ущелье, буквально на днях отвоеванный у "духов", удерживают армейцы. У трассы Шали — Автуры на важных участках вдоль взгорья сосредоточены внутренние войска.

В гостевой палатке лабинской части, куда нас разместили по приезду, сидит очолевший майор и тоскливо разглядывает форсунку. Его изящные и длинные, как у пианиста, пальцы нервно отбивают дробь по блестящей поверхности черной, пошитой из добротной кожи папке.

— На солярке?.. — еще на что-то надеясь, спрашивает он у вошедшего с нами солдата.

— Так точно.

...Ночью, открыв глаза, с ужасом поняла — не дышу. В горло как будто вбили кол. С трудом повернула отяжелевшую, кажущуюся чужой голову. У противоположной стены, сидя на кровати, майор также судорожно открывал рот, словно вытащенная из воды рыба. Он, как и я, буквально задышался в пропитанной парами солярки палатке.

...Почему нахлынули воспоминания пятилетней давности? Да потому что сегодня я вновь стою на той же шалинской трассе, под тем же колючим про-

Николай Петелин

мозглым дождем, вместе с офицерами и бойцами, проводящими спецоперацию в Белгатое.

— Подрыв “инженерки” в Герменчуках, один “трехсотый”, — докладывает коменданту района офицер штаба.

— На въезде в поселок... — Полковник Виктор Бабушкин задумывается. — И через двадцать минут после нас. Да, похоже, ждали богородских саперов.

С тех пор как по Чечне распозлась минная война, инженерную разведку на всех трассах подстерегают те, кто днем, растворившись в толпе, утрачивает облик врага. А невидимый противник всегда наносит удар первым — по волчьему закону бандитской (не поворачивается язык произнести — партизанской) войны, который во всеобщей текучести остается константой без погрешности.

...В 2000-м активно работали снайперы. Базу лабинцев, куда за полдень мы вернулись с рекогносцировки из Шали, одолевала мучительно-тягостная тишина. От этой ненормальности засосало где-то под ложечкой.

— Снайпер часового снял, ранен серьезно паренек. Из лесопосадки стреляли, — придала внезапная новость.

Щупальца страха сжали спазмом и отпустили.

В ту весну войска продвигались в глубь Чечни. Заставы обустроивали ползком. У Автуров, на юго-восточном направлении по руслу Хулхулау, окопы рыли лежа, по уши увязая в грязи. Как только начинал гудеть экскаватор, по нему немедленно открывали огонь вражеский минометчик и снайпер. Интенсивность обстрелов в те дни достигала пяти раз в день...

Тогда “духов” загоняли в горы, и имелось такое понятие, как “линия фронта”. За прошедшие годы оно приняло столь тусклые очертания, что теперь, стоя на трассе у Белгатоя, мы вряд ли осознавали, на чьей стороне находимся — своей или противника.

— Выезды из поселка под контролем блокпостов, обеспечена поддержка ангарской бронетехникой. Действуем по плану. И чтобы мышь не прошмыгнула! — тем временем нарезает задачи комендант.

С 4.00 местность вокруг Белгатоя заблокировали армейцы. В лесопосадке, на заслонах встали братишки-взвэшники. По замыслу, с исходного рубежа — участка федеральной трассы Ростов — Баку, милиционеры под прикрытием комендачей сплошным поиском, с запада на восток, должны зачистить поселок. По единому плану группировки спецоперация сегодня проводится не только в Шалинском, но и в Грозненском (сельском) районе.

— На рожон не лезть, — на ходу инструктирует командиров групп полковник Виктор Бабушкин. — При обострении обстановки выходить на связь, блокировать дом и ждать подмогу.

За оцеплением, на трассе скучают истомленные ожиданием водители. Бродят туда-сюда, негромко переговариваясь по-

чеченски, зыркают недобрым взглядом в сторону “неверных”. На рынок народ то-ропится, а там своя философия — кто успел, тот и в доле.

Тем временем на командном пункте офицеры штаба корпят над картой.

— В случае прорыва из селения пойдут на северо-запад, где лесные посадки в Грозненский район уходят, — ползет красная стрелка из-под карандаша подполковника Александра Вдовина. — А там взводный опорный пункт при поддержке минометной батареи территорию контролирует. Юг прикрыли армейцы. По всем щекотливым направлениям четко сработали. Разведка дело знает.

Накануне вездесущие разведчики добыли-таки информацию, откуда курьеры оружие и боеприпасы поставляют. В самом районе бандиты рыскают вокруг объектов нефтяной промышленности недалеко от Мескер-Юрта да охаживают трех состоятельных “дамочек” — добычу, переработку и реализацию нефтепродуктов.

С начала второй чеченской кампании финансы “духов” поистощились. Теперь “непримиримые”, как сейчас говорят, перешли на самоокупаемость. В патовой ситуации средства для достижения цели бандиты не выбирают. Республику захлестнула волна разбоев и грабежей. Сегодня террор в Чечне тесно сомкнулся с уголовщиной, что в глазах местных жителей напорочь перечеркнуло созданный некогда удюговской пропагандой образ защитника самостоятельности маленькой нации. Как мыльный пузырь лопнул образ благородного и храброго доктора из невзоровского “Чистилища”, который сражался на этой земле за каждый камень и за каждую травинку.

Однажды в разговоре коренная жительница Грозного тихонечко шепнула мне: “Все наши мужчины, которые взправду за идею воевали, погибли еще в первую войну. А нынешние — шакалье, одно слово...”.

Мы познакомились с Виктором Бабушкиным в январе 1996-го в Грозном, когда ангарский полк оперативного назначения (по неисповедимости пути и сегодня стоящий рядом с комендатурой) дислоцировался в Старых Промыслах. В ту, первую, войну командир и его подчиненным довелось хлебнуть лиха. Что называется, по полной.

При штурме Грозного в августе 96-го ангарский полк блокировали до тысячи “духов” из бамутской группировки. Гранаты рвались на территории ПВД одна за другой — в один из тех дней к полковым медикам поступило больше полусотни раненых. А десятого августа сверху спустился приказ обеспечить осажденных в девятой горбольнице боеприпасами и продовольствием. К тому времени “девятка” — база ангарцев — оставалась одним из немногих объектов в Грозном, не взятых боевиками.

— Удерживать до последнего, слышите, до последнего!.. — вибрировал в трубке спокойный, чуть уставший генеральский голос.

— До последнего чего — патрона или человека? — попытался внести ясность комендант подполковник Горелов.

В трубке послышались длинные гудки.

Наутро ангарцы во главе с Бабушкиным сумели прорваться к центру и короткими перебежками добрались к больнице. В самый последний момент, когда до осажденных братишек остался последний бросок, боевики заметили горстку смельчаков и обрушили на них шквал огня.

И все-таки ангарцы пробились к своим, несмотря на то, что были ранены почти все, в том числе и командир...

Вторые сутки белгатойскую трассу умывает дождь. Он надраивает ее так яростно, что в зеркальной поверхности асфальта отражаются и люди, и броня, и мглистое серое небо. Пошла “инженерка”. Уж сколько километров накрутил со своими ребятами по шалинским дорогам начальник инженерной службы майор Евгений Сиротин, а удивляться изощренности противника не устает. С начала второй кампании повально минировали схроны, теперь в ходу мины-ловушки. Фугасы устанавливают в различных вариантах, используя детонирующий шнур, — и с тротилом, и со связкой гранат. Главное, чтобы очаг поражения стал максимальным. Индустрия смерти на дорогах, внедренная в Чечне, разрослась до пределов отдельно взятой отрасли бизнеса. В СВУ давно превращают все, что под руку попадет, — и зажигалки, и мыльницы. Малозатратное мероприятие приносит солидные барыши. Но по статистике до 60 процентов фугасов саперы снимают по наводке местных. Один из которых, глава администрации Белгатоя, причитает сейчас на дороге: “Зачем это второй день подряд приезжать? У нас одиозных фигур в селе нет, разрушений нет”.

— Ага, одиозных нет... Иногда... Как везде, — бормочет в усы милиционер временного отдела.

Один из опытейших полевых командиров Ризван Читигов, уничтоженный в ходе спецоперации, прошедший обучение в диверсионно-разведывательном подразделении США, до самой смерти с завидной периодичностью посещал оставшуюся в Белгатое семью. Причем об этом знало почти все село, вплоть до главы местной администрации. До сих пор для меня остается загадкой, как здешние власти умудряются усидеть на двух стульях — и с федералами ладить, и с боевиками не ссориться.

На следующее утро полковник Бабушкин после очередной бессонной ночи вновь укатил на спецоперацию. Война продолжалась...

**Старший лейтенант
Елена ЖАРНИКОВА**

Фамилии изменены

*"Сказанием встает Казань..."
В то время, когда Владимир Маяковский
писал эти строки, "столица красной
Татарии" не имела официальной даты
рождения.
Теперь же она известна — 1005 год.*

Казан

Калган — надежный щит правопорядка

**В августе нынешнего года
столица Республики
Татарстан отмечает свое
1000-летие.**

Наша справка. Казань — столица Республики Татарстан. Большой, самобытный, европейско-азиатский город, расположенный в 797 километрах к востоку от Москвы на левом берегу Волги при впадении в нее реки Казанка. За свою тысячелетнюю историю этот город носил множество имен: Внешний Булгар — так называлась построенная здесь в 882 году первая крепость, защищавшая северо-западные границы Волжско-Камской Булгарии, Калган (щит) — крепость, которую возвели после уничтожения завоевателями старой, Удель (Три города), Искел, Кангалас, Булгар-аль-Джадид, что в переводе означает Новый Булгар. Современное название Казань — Казань — упрощенная форма от Газан. Этим именем город обязан булгарскому полководцу Газанбеку, под предводительством которого в 1220 году жители Уделя отбили нападение большого суздальско-норвежского войска.

Походы на Казань совершали регулярно: и киевский князь Святослав, и владими́ро-суздальский Андрей Боголюбский, и московский Юрий Дмитриевич, и даже Емельян Пугачев. Однако по-настоящему завоевать ее смог только Иван Грозный в 1552 году. Тогда Казань стала столицей Казанского ханства (впоследствии губернии) в составе Российского государства. Булгары, поступившие на русскую службу, получили название "служилых татар" (слово "татарин" в монгольском языке означало "наемник"), и концу XIX века восприняли его как национальное имя. В 1917 году после Октябрьской революции большевики объявили Казань столицей Татарской автономной республики.

С этим городом связана биография многих выдающихся деятелей науки и культуры: ученых Александра Бутлерова, Николая Лобачевского, писателей Гаврилы Державина, Льва Толстого, Сергея Аксакова, Мусы Джалиля, художника Ивана Шишкина, певца Федора Шаляпина и других.

Торжества по случаю тысячелетия Казани начнутся 15 августа и продлятся более десяти дней. В них примут участие высокие гости из ближнего и дальнего зарубежья (в рамках 1000-летия пройдет и саммит глав государств — членов СНГ), столицу Татарстана посетят тысячи туристов. Оргкомитет подготовил для них множество интересных мероприятий, чтобы каждый — от президента до рядового гражданина — смог ощутить широкое гостеприимство хозяев, самобытный национальный и интернациональный колорит местных обычаев, величественность и красоту архитектурных ансамблей Казанского кремля, православных соборов, монастырей,

мусульманских мечетей и природных заповедников, окружающих город.

Однако торжества — это для гостей и отдыхающих. Для тех же, кто их организует и обслуживает, — тяжелый и ответственный труд. В том числе и для военнослужащих внутренних войск, которые в составе сводных сил МВД России и Татарстана будут обеспечивать охрану общественного порядка и безопасность граждан на улицах и площадях, в парках и скверах, спортивных аренах и других объектах города.

Группировка внутренних войск, создаваемая на период юбилейных торжеств, представляет собой мощную и мобильную составляющую правоохранительных и антитеррористических сил, которые привлекаются к несению службы в эти дни. В поддержании правопорядка участвуют не только местные воинские части, но и сводные подразделения из частей спецназа, оперативно-го назначения и так называемых милицейских со всего Приволжского округа внутренних войск.

Но основная нагрузка все же ложится на плечи солдат и офицеров казанского отряда специального назначения и специального моторизованного полка. Свидетельством тому — подготовительная работа, развернутая в них задолго до августовских торжеств.

— С декабря прошлого года мы участвуем в тактико-специальных учениях, которые почти каждый месяц проводят МВД республики и УВД Казани, — рассказывает командир полка полковник Анатолий Завгороднев. — Тематика учений разная. Но при этом всегда направлена на подготовку к разрешению тех или иных ситуаций, возможных в период празднования 1000-летия города. К примеру, участие полка во взаимодействии с силами МВД и ФСБ в предупреждении и пресечении угона воздушного судна, в деблокировании транспортных коммуникаций или в предотвращении захвата зданий.

За обученность личного состава службе по охране общественного порядка командованию части волноваться не приходится. Ведь военнослужащие полка ежедневно выходят на маршруты патрулирования, город знают, что называется, как свои пять пальцев. В дни, свободные от службы, в подразделениях организованы занятия, на которых солдаты и сержанты изучают особенности действий войсковых нарядов при задержании преступников, пытающихся скрыться от преследования, при пресечении массовых беспорядков, отрабатывают различные вводные, разыгрывая ситуации, в которых может оказаться патруль.

— Да и мероприятия, связанные с открытием в Казани соборной мечети Кул-Шариф и празднованием ежегодного Сабантуя, как нельзя лучше способствовали индивидуальной подготовке

НА Боевом ПОСТУ

личного состава и слаживанию подразделений накануне юбилейных торжеств, — продолжает Анатолий Васильевич. — К выполнению задач, поставленных перед частью на август, готовы, по оценке командования округа, не только люди, но и техника. Нам удалось, конечно же, не без помощи окружных и главковских специалистов обновить парк транспортных и патрульных машин. Готовимся получить патрульные катера. К слову сказать, в состав полка введено новое подразделение, доселе невиданное в СМВЧ, — по охране правопорядка на акватории.

Для несения службы в городе на весь личный состав получено новое повседневное и парадное милицейское обмундирование. Словом, все условия для успешного решения задач созданы. Осталось только с честью их выполнить.

Не менее ответственно к обеспечению мероприятий предстоящей праздничной декады отнеслись в казанском отряде специального назначения.

Кстати, в самый разгар подготовки к 1000-летию Казани спецназовцы отмечают очередной день рождения части.

Наша справка. 8 августа нынешнего года казанскому отряду специального назначения исполняется 3 года. Но часть эта продолжает традиции 268-го полка 14-й отдельной бригады войск НКВД, созданной еще в далеком 1944 году в Куйбышеве. Первым местом выполнения служебно-боевых задач стала Казань, где бойцам и командирам полка пришлось конвоировать военнопленных, патрулировать городские улицы, охранять военные заводы, вести борьбу с диверсантами, мародерами и преступниками всех мастей. С тех пор столица Татарстана стала местом постоянной дислокации воинской части.

После передачи функций конвоирования и охраны исправительных учреждений от МВД Министерству юстиции полк был переформирован в отдельный батальон оперативного назначения, который принял участие в восстановлении конституционного порядка, разоружении и ликвидации незаконных вооруженных формирований в Северо-Кавказском регионе.

Многому приходилось учиться на практике, непосредственно в бою, порою расплачиваясь за науку побеждать самой дорогой ценой — жизнями сослуживцев. Два офицера — старшие лейтенанты Алексей Кузнецов и Павел Бельюков — открыли скорбный список боевых потерь казанцев.

Летом 2002 года решением министра внутренних дел батальон был преобразован в отряд специального назначения.

За три года казанский отряд не только встал на ноги и окреп, но и по-настоящему смог проявить себя как самостоятельная боевая единица, способная решать задачи любой степени сложности.

После окончания торжеств, посвященных 1000-летию Казани, отряду предстоит очередная командировка на Северный Кавказ.

— В июле по плану мы отработаем действия личного состава по освобождению заложников, блокированию, деблокированию объектов, зданий, взаимодействию с авиацией и подразделениями катеров внутренних войск, — говорит заместитель командира отряда подполковник Сергей Гинь. — Примерно за неделю до юбилея мы примем участие в тактико-специальном учении, которое станет генеральной проверкой готовности сил антитеррора к обеспечению безопасности граждан в период празднования 1000-летия Казани.

Сейчас помимо прочего отряд получает материальное имущество для обеспечения размещения подразделений и частей группировки внутренних войск, которая создается на период празднования 1000-летия Казани. Военнослужащие приступили к оборудованию палаточного городка для размещения в нем резерва главного командующего внутренними войсками.

Главная же задача братишек на период праздника — находиться в резерве оперативного штаба, составляя основную ударную силу на случай обострения обстановки и угрозы террористических актов. С этой целью и проводились совместные с МВД, ФСБ и МЧС учения и тренировки.

Но нахождение в резерве не означает постоянное напряженное ожидание каких бы то ни было активных действий по различным сигналам о ЧП. В любой момент милиции могут потребоваться дополнительные силы и для охраны общественного порядка при проведении массовых мероприятий. Военнослужащие отряда готовы и к таким вводным. Об этом свидетельствует их участие в обеспечении безопасности граждан во время недавнего Сабантуя. Задача, более характерная для частей оперативного назначения, была выполнена спецназовцами безупречно. Мало того, двое "краповиков" отличились, задержав злоумышленника, совершившего преступление.

Словом, казанцы могут уверенно назвать внутренние войска калганом, как называлась когда-то крепость на месте города с 1000-летней историей, что в переводе означает щит. От себя добавим: надежный щит правопорядка.

Полковник Ринад АРИБЖАНОВ
Фото Николая ПЕТЕЛИНА

август 2005

Виктор Болтиков

Таланты военного бортинженера

— Михаил, через три часа ты должен быть на борту, — услышал майор Батенчук в телефонной трубке голос командира эскадрильи, — срочный вылет, подробности у командира экипажа. Торопись, тебя ждать не будут.

“Вот и накрылся выходной!” — с досадой подумал Михаил. Но командиру ответил: “Есть!” — и начал собираться. Через несколько минут он уже бежал к железнодорожной платформе города Воскресенска. Отсюда электричкой до Москвы без малого два часа. А там метро, автобус. Словом, доехать на общественном

транспорте до аэродрома Чкаловский за три часа практически невозможно. Поэтому с автобусом Михаил решил не связываться. Возле автовокзала на “Щелковской” прыгнул в такси и помчался на аэродром...

Самолет уже начал выруливать на взлетно-посадочную полосу. Батенчук запрыгнул в движущуюся машину. На борту находилась серьезная комиссия, которую необходимо было срочно доставить на Дальний Восток. В такие дальние перелеты назначают двойной экипаж, чтобы успеть добраться к месту назначе-

ния за один день. Ведь лететь туда четырнадцать часов, плюс посадки на дозаправку, а по медицинским требованиям экипаж должен отдыхать не менее восьми часов в сутки. Так что самолет к вылету готовил бортинженер из экипажа, который работал в первую смену.

Представители комиссии не заметили акробатическое выступление Михаила, наверное, вряд ли кто из них думал, что такое вообще возможно. Да и он сам, когда поступал в военное училище, не представлял, скольких талантов требует от людей служба в военной авиации.

“В Киеве я уже был”

Когда он учился в школе, старательно занимался музыкой. Считал, что станет музыкантом или будет заниматься искусством. Но в старших классах засомневался, нужно ли ему это. А тут еще уроки начальной военной подготовки. Послушал Михаил рассказы военрука, бывшего авиационного техника послевоенной поры, и окончательно решил, что и сам станет бортовым техником военного вертолета.

В военный комиссариат города Броды Львовской области в 1983 году пришли разнарядки в Васильковское (пригород Киева) и Ломоносовское (пригород Ленинграда) военные авиационно-технические училища. В выборе главную роль сыграло географическое положение учебного заведения. Хоть Ломоносов город малоизвестный, но его близость к северной столице перевесила все сомнения.

“К тому же в Киеве я уже был”, — похвастался Михаил.

Видимо, заговорил в нем тогда человек искусства. И действительно, Питер для Батенчука стал настолько притягательным, что он до сих пор отзывается о нем с большой теплотой и говорит, что забыть его невозможно.

После выпуска из училища его и еще пятерых ребят с его курса распределили во внутренние войска. В этом распределении было мало героического. Ведь большинство однокашников отправились служить в Афганистан. Тогда не спрашивали желание.

Несмотря на то, что авиация во внутренних войсках существовала почти десять лет, работы по ее обустройству и обеспечению было предостаточно. Батенчука направили служить в московскую авиационную эскадрилью. Вертолеты этого подразделения располагались на плацу дивизии имени Дзержинского. Строительство вертолетной площадки в деревне Новая только началось. Поэтому практически всем офицерам, в особенности молодым, пришлось осваивать новые для себя специальности: строителей, грузчиков, укладчиков плит. О подготовке молодых техников к полетам даже речи не велось. Им хватало дела на земле. Вертолетов было немного, и при необходимости в небо на них поднимались только опытные офицеры.

Неизвестно, сколько продолжался бы строительный этап в жизни Батенчука, если бы ему не пришлось срочно вылететь в Иваново в составе группы наземных техников. Там самолет Ан-26 из их эскадрильи “поймал” в двигатель чайку. Поломка оказалась серьезной, необходимо было доставить туда и установить новый двигатель. Когда техники приступили к работе, Михаилу предложили одновременно переучиться на бортового техника Ан-26. Он согласился. Уж очень хотелось летать. А это был реальный шанс в ближайшее время подняться в небо. Вскоре он сдал необходимые зачеты. Когда начали облеты самолета с новым двигателем, на борт брали Михаила, что-

бы тот прошел необходимую вывозную программу. Домой из командировки он вернулся практически подготовленным бортовым техником Ан-26.

Правда, понятие “дом” тогда считалось довольно условным. Ни семьи, ни квартиры у лейтенанта еще не было, лишь койка в общежитии. Поэтому, когда в конце 1988 года понадобился бортехник для экипажа на самолет начальника управления внутренних войск по Средней Азии и Казахстану, Батенчук согласился на перевод в Алма-Ату. Ведь его старшие коллеги — все семейные. Куда им переезжать с обжитого места. А ему, молодому лейтенанту, как говорится, только подпоясаться.

К тому времени, как он прибыл на новое место службы, вспыхнули межнациональные конфликты в Средней Азии и Закавказье. Мирная жизнь летчиков внутренних войск закончилась.

Горечь войны на борту самолета

Первая служебно-боевая командировка у Михаила Батенчука состоялась менее чем через год. Начались трагические события в Узбекистане, потом в Нагорном Карабахе, в Азербайджане. Хоть Закавказье и не входило в их управление, но летать приходилось везде, где действовали внутренние войска. В среднем за месяц налет у экипажа составлял 400 — 500 часов (при норме 70).

— Воздушное такси, да и только. Осталось шашечки на борту нарисовать, — шутили между собой летчики.

Действительно, кого и что они только не возили. Начальство и проверяющих, подразделения для замены и личный состав для формируемых частей, всевозможные грузы и медикаменты. Один раз даже пленных бандитов, захваченных в Азербайджане, доставляли в Краснодарск, к месту отбывания наказания.

Одна из обязанностей бортехника так разместить пассажиров, распределить и закрепить груз на борту, чтобы не нарушить центровку самолета и он мог спокойно взлететь.

Тогда же Батенчук совершил рейс, который помнит до сих пор. Над территорией Азербайджана боевики сбили вертолет Ми-8. Кроме экипажа, в нем находились представители комиссии по урегулированию конфликта. Машина упала на землю, но не взорвалась. Раненые пассажиры и летчики пытались отползти от вертолета. Но их бандиты добивали выстрелами в голову.

Тела погибших экипаж Батенчука перевозил и раньше. Но на этот раз на борт подняли друзей-летчиков. Командира вертолета, отлетавшего на этой машине более 10 лет, бортового техника, который прошел Афганистан, Эфиопию, Монголию. В Харькове у него остались жена и двое детей. Летчика-штурмана, только пришедшего из военного училища. Мальчишка еще, ему бы жить и летать. После того рейса Михаил впервые осознал, насколько летчики военно-транспортной авиации беззащитны в полете...

Командировки в горячие точки про-

должались вплоть до развала Союза. Когда стало ясно, что Казахстан скоро станет суверенным государством, Батенчук попросил перевести его обратно в московскую эскадрилью. Он подготовил себе замену и в начале 1992 года прибыл в Москву. Но практически сразу пришлось взяться за учебники, так как ему предложили переучиться на бортового инженера единственного во внутренних войсках самолета Ан-72, который незадолго до этого получили войсковые авиаторы.

Пожар междоусобиц продолжал бушевать на Северном Кавказе. Поэтому смена места службы не повлияла на адрес большинства командировок Михаила. Когда началась чеченская кампания, экипаж практически не покидал Северный Кавказ. Командировки длились 3 — 4 месяца.

Некоторое время летчики жили на аэродроме в Моздоке. Им выделили первый этаж казармы. Там размещалось постоянно 70 — 80 человек. В таких условиях о нормальном отдыхе перед полетом не могло быть и речи. Независимо от времени суток постоянно кто-то прилетал, улетал. От этого комната больше напоминала муравейник. Работать же люди были вынуждены на пределе сил.

Часто приходится слышать мнение, что летчик видит войну с высоты своего полета. А оттуда не все можно рассмотреть. Но это неправда...

— Инженер, срочно готовь борт, — в комнату буквально ворвался командир корабля, — сейчас тяжелораненого в Москву повезем. Его вертушкой уже в Моздок везут...

То, что на носилках принесли к самолету, трудно было назвать телом человека, настолько его обезобразил огонь. Это был один из летчиков, которого удалось вытащить из сгоревшего вертолета Ми-8, сбитого боевиками в горах Чечни. Жизнь в раненом едва теплилась. Однако оставалась надежда его спасти. Но сделать это можно было только в хорошей московской клинике, а не в полевом госпитале. Поэтому сейчас много зависело от мастерства летчиков Ан-72.

Бортинженер уже приготовил все необходимое, чтобы разместить раненого и сопровождающих его медиков. Стали вносить человека, и тут выяснилось, что в брезентовых носилках он должен лежать не может. Ему необходима ровная твердая поверхность. Попробуй-ка найди сейчас доски на аэродроме, когда на счету каждая секунда. Не раздумывая Михаил снял двери в салоне самолета.

— Потерпи, братишка, — приговаривал он, подключая к бортовой системе кислородную маску для раненого, — скоро в Москве будем.

Весь путь до столицы Батенчук старался сделать все от него зависящее, чтобы врачи и обожженный вертолетчик летели с комфортом, который только возможен на борту. На аэродром “Чкаловский” приземлились благополучно. У самолетной стоянки уже ждала машина скорой помощи. Оставалось только отключить кислородную маску от бортового

источника и подключить ее к аппарату медиков “скорой”. Но этого раненый вынести уже не смог. Вертолетчик умирал буквально на глазах у врачей и экипажа Ан-72. Было больно и тяжело осознавать, что человеку уже невозможно помочь...

Особенно же транспортникам досталось в конце 1996 года, когда чеченским боевикам подарили победу и начался вывод российских войск из республики. Чем ближе к Новому году, тем погода в Чечне становится все хуже: низкая облачность, повышенная влажность, постоянное обледенение самолета в полете. В таких условиях каждое приземление — огромный риск. Но экипаж Ан-72 за две недели совершил 52 посадки на аэродроме “Северный”. В среднем летчики делали в Грозный по 3 — 4 ходки в день.

Каждое приземление производили по определенной схеме. Летчики ее называют “афганский заход”. Они этот способ часто применяли в Афганистане, когда летали на высокогорные аэродромы и была постоянная опасность обстрела воздушного судна из переносных зенитных ракетных комплексов. На большой высоте летчики выпускали шасси, и, по сути, самолет сваливался на аэродром. При этом расстояние, необходимое для снижения самолета, сокращалось почти в 10 раз. При плохой погоде такая посадка опасна. Ведь боевики постоянно охотились за самолетами. Для них воздушное судно — завидная добыча.

— Командир, по нам справа ДШК работает, — доложил во время одной из таких посадок на “Северный” помощник командира корабля.

— Смотрите на приборы, — словно отрезал подполковник Юрий Карчагин (многие его называли “незаменимым летчиком”, он научил летать более ста офицеров). Но потом, немного смягчившись, пошутил: — Наша задача приземлиться, забрать пассажиров и улететь. Отвлекаться на подобные мелочи мы не обязаны.

Довольно долго из Грозного тогда вывозили раненых. Чтобы взять больше людей и грузов, из Ан-72 специально вытаскивали все кресла. Но самолет перегружать нельзя, поэтому заправлялись топливом как можно меньше. Рассчитывали, чтобы хватило только на путь от Грозного до Моздока и обратно.

Однако посадки в Моздоке тоже были небезопасными. Возле аэродрома периодически задерживали неизвестных с оружием. Но, видимо, не всех удавалось обнаружить. Кто-то из них все-таки обстрелял Ан-72 при заходе на посадку. Пуля пробила обшивку самолета, но ничего не задела внутри. В тот же день дырку заклепали, и летчики продолжили работу.

Чтобы не обнаруживать самолет во время посадки в ночных условиях, в салоне плотно закрывали все иллюминаторы и садились практически вслепую. Так как вплоть до касания колесами полосы не включали фары. Ориентировались на огни, которыми ночью обозначают взлетно-посадочную полосу.

Умение так приземлять самолет при-

годилося экипажу Ан-72 в 2000 году. Летчиков срочно подняли по тревоге. Задачу они получили уже на аэродроме. Предстояло лететь в аэропорт “Минеральные Воды”. Там находился вертолет с заложниками, который захватили террористы. На самолете доставили спецназовцев, которые должны были освободить людей и обезвредить преступников. При этом летчикам запретили включать фары даже на полосе, чтобы не выдать свое приземление. Ориентируясь по аэродромным огням, они отогнали машину на дальнюю стоянку в самый темный угол. Спецназовцы действовали профессионально. Террористов обезвредили, заложники не пострадали.

Вообще, подобными неожиданными вылетами летчиков не удивишь. Как-то они даже в Финляндию летали. Там находился с визитом министр внутренних дел РФ, и у него вышел из строя самолет. В Москву его доставили на Ан-72 авиации внутренних войск. Для таких полетов в состав экипажа назначают еще одного человека — лидера. Его обязанность — общаться с иностранными авиационными специалистами.

Удивят любого

Впервые с иностранцами Батенчук встретился в конце 1990 года в Таджикистане. Экипаж Ан-26 находился в служебной командировке в Азербайджане. Неожиданно поступил приказ срочно лететь в Душанбе. Там убили двух военнослужащих, и начались волнения среди местного населения. Оказаться в новой горячей точке для летчиков было не в диковинку. Но на этот раз у них была иная миссия.

— Я приехал снимать фильм о войне, а здесь, оказывается, настоящая война идет, — пожаловался летчикам с помощью переводчика Микеле Плачидо.

Да, тот самый Плачидо — знаменитый итальянский киноактер, снявшийся в главной роли в фильме “Афганский излом”. Когда начались волнения, было решено эвакуировать съемочную группу из города. Для этого сюда и прилетел Ан-26. Когда ситуация нормализовалась, известного итальянца привезли обратно, чтобы он смог завершить работу.

Через восемь лет у Батенчука состоялась очередная встреча с иностранцами. На этот раз — французами. В 1998 году летчики внутренних войск обеспечивали проведение мастер-ралли по просьбе его организаторов. Маршрут гонки начинался на территории России, потом через Казахстан и республики Средней Азии гонщики следовали в Турцию. Там завершался этап обеспечения соревнований российскими летчиками.

На самолете Ан-72 перевозили медицинское оборудование и врачей, которые обеспечивали ралли. Хотя этапы гонки и начинались рано утром, но это не спасало гонщиков от палящего солнца. От перегрева они часто теряли сознание. Чтобы приводить их в чувство, на борту самолета была специальная резиновая ванна, похожая на лодку. В нее укладывали пострадавшего и обкладывали его

льдом. Только так человек быстро приходил в себя.

Однако в Турции, когда улетаели в Москву, пришлось спасать от жары самолет. Аэродром, с которого улетаели, расположен на высоте более 1500 метров над уровнем моря. “Добро” на вылет наши летчики получили днем, когда жара поднялась до 35 градусов. В это время отсюда не взлетает ни одно воздушное судно, так как сделать это невозможно из-за сильной разряженности воздуха. Поэтому иностранцы стараются покинуть аэродром рано утром или поздно вечером, когда спадет жара.

Наши решили нарушить это правило. Но несколько попыток запустить двигатель ни к чему не привели.

— Без “пожарки” не обойтись, — заметил Батенчук.

Сопровождающий их лидеровщик попросил турецких диспетчеров подогнать к стоянке Ан-72 пожарную машину. Через несколько минут она уже неслась к самолету. Обгоняя ее, мчался представитель руководства аэропорта. Ведь, по мнению иностранцев, этот автомобиль вызывает только в случае пожара. А такая чрезвычайная ситуация может очень сильно подорвать международный престиж их хозяйства.

Командир корабля успокоил: мол, все опасения напрасны. Тем временем инженер взял пожарный шланг, к изумлению турецких специалистов, начал поливать водой корпус самолета, двигатели и бетонную стоянку под ним. Но еще больше турки удивились, когда после этого душа двигателя удалось запустить и самолет улетел.

Однако многим нашим военным летчикам, которые летали в Средней Азии и на Кавказе, этот фокус известен. Ведь там большинство аэродромов расположены в высокогорье, и жара там не меньше, чем в Турции. Когда же леешь воду под самолет, она начинает испаряться, воздух становится тяжелее, улучшается приемистость двигателей, и они запускаются. Для этого в самолетах специально даже запас воды возят.

Правда, в существующих наставлениях по производству полетов этот способ запуска не записан. Обычно подобные хитрости военные летчики накапливают с опытом, а потом передают друг другу в форме смешных историй или рассказов. Как правило, этот “учебный процесс” проводится в... курилках. Чего там только не услышишь: как люди летали, через что прошли. Целая наука получается.

С 1998 года майор Михаил Батенчук летает на самолете Ан-72 в качестве инженера-инструктора, ему присвоена классная квалификация “бортинженер-инструктор, мастер”. За это время сумел подготовить трех бортовых инженеров. Он признан лучшим специалистом в отряде литейных самолетов отдельной авиационной эскадрильи особого назначения.

Подполковник Игорь БЫСЕНКОВ

ПЯТЫЙ. ОПЕРАТИВНЫЙ. УНИКАЛЬНЫЙ

Этот полк сформировали в августе 1970 года, в рекордно короткие сроки. Всего за 11 дней в составе Отдельной мотострелковой дивизии имени Ф. Дзержинского появился пятый отдельный оперативный полк. Уникальный во всех отношениях. Командиром этой части назначили фронтовика полковника Евгения Трусова. Сейчас ею командует полковник Александр Орловский.

Офицеры полка на занятии по командирской подготовке

Встреча с ветераном части полковником в отставке Владимиром Корольковым

По номеру пятый, по сути первый

Главной задачей полка являлась охрана Центрального комитета Коммунистической партии Советского Союза (в то время, по сути, высшего органа власти в стране) в условиях военной опасности или войны. Так что с первых дней своего существования полк пользовался приоритетным правом среди других частей дивизии при отборе солдат и офицеров. Из-за особой важности в кабинете ее командира находился телефонный аппарат прямой связи с начальником внутренних войск. В случае необходимости командир имел право лично доложить начальнику внутренних войск по вопросам служебно-боевого применения. Уникальность же задачи состояла в том, что никто из военнослужащих не знал, когда и где придется ее выполнять. А раз так, и требования к обучению и воспитанию личного состава с первых дней здесь были необычайно высоки. Подъемы по тревоге, неожиданные полевые выходы, учебные стрельбы и вождение боевых машин считались обычным делом. Уровень подготовки военнослужащих был самым что ни на есть высоким. Возможно, поэтому через шесть лет после формирования полк два года подряд награждали грамотой министра внутренних дел и переходящим Красным знаменем МВД. Он трижды удостоивался переходящего Красного знамени военного совета внутренних войск.

Охрана ЦК была хоть и приоритетной задачей, но не единственной. Кроме этого военнослужащие 5-го полка охраняли общественный порядок на улицах

Москвы во время проведения различных праздничных мероприятий. Впервые к службе часть привлекли 7 ноября 1970 года, во время военного парада и демонстрации трудящихся на Красной площади, народных гуляний и праздничного салюта.

Летом 1980 года военнослужащие полка участвовали в обеспечении безопасности при проведении XXII Олимпийских игр, которые проходили в Москве. В те дни всем, кто служил в части, выдали спортивную форму. В таком виде солдаты и офицеры несли службу на спортивных объектах столицы. Кроме того, перед началом Игр отобрали специальную группу военнослужащих, у которых рост был не ниже 175 сантиметров. В день торжественного открытия соревнований они несли знамена спортивных обществ СССР на параде олимпийцев.

Необычность возложенных задач обусловила и уникальность самих подразделений полка. Ну где, например, еще можно найти роту, в которой БМП хватит на батальон? И при этом каждая рота в случае необходимости может действовать автономно.

На безымянной высоте...

Боевая летопись полка началась с июля 1988 года. Полк, как и многие другие части войск, подняли по тревоге и направили поддерживать общественную безопасность в Ереване. А после тревожные командировки посыпались одна за другой. Ленинакан... Нагорный Карабах... Чечено-Ингушетия... Нальчик... Моздок... Кизляр... Владикавказ...

С 1995 года военнослужащие полка в течение двух лет успешно выполняли служебно-боевые задачи в Чеченской республике. Причем от части выделялась самая большая группировка в дивизии — более 1000 человек. За это время безвозвратные потери составили 10 человек. О них в части помнят и сегодня...

Вот лишь некоторые примеры мужества, проявленного воинами полка.

27 января 1995 года полковая группа специального назначения участвовала в штурме Грозного со стороны Старопромысловского района. В ходе боя рядовой Андрей Попов получил тяжелое ранение. Но он остался на своей позиции и из последних сил, истекая кровью, продолжал огнем прикрывать товарищей из штурмовой группы. Благодаря этому спецназовцам удалось в районе завода "Оргтехника" уничтожить группу боевиков. Позже Андрея наградили орденом Мужества.

Рядовой Александр Горшенин, будучи раненым, преодолевая боль, вынес с поля боя командира взвода. Офицер выжил, а вот бойца спасти не удалось...

14 апреля 1995 года "дзержинцам" удалось вытеснить боевиков из населенного пункта Шали. Военные закрепились на прилегающих высотах во взводных опорных пунктах. На одну из таких позиций боевики за один только день совершили 7 нападений. Все они были отбиты. После этого бандиты продолжали забрасывать позицию взвода минами и выкатили на соседнюю высоту два танка для стрельбы прямой наводкой. Первые же снаряды легли возле БТРа, водителем которого был рядовой Виталий Цветков. Солдат тут же сорвался в машину и сумел вывести ее из-под огня. Сам боец погиб.

Позже, во время отражения атаки боевиков на район обороны полка, своим телом закрыл командира отделения рядовой Евгений Власов...

Через полмесяца части дивизии уже продвигались на юг республики и начали вести бои за высоты, многие из которых боевики превратили в свои опорные базы. Каждую из них пришлось брать с большими трудностями. Но бой за господство на "безымянной" запомнился надолго. Видимо, для бо-

евиков она имела большое значение, так как бились они за нее очень упорно и отдавать не собирались. В тот момент, когда на "безымянную" прорвался первый БТР 5-го полка с бортовым номером 503, на ближайшую к ней высоту выкатились два танка боевиков. С первого залпа они подбили бронетранспортер. Но бойцы успели покинуть десантное отделение. Выскочив наружу, солдаты заняли позиции и открыли огонь, прикрывая наступающих товарищей. Чтобы не создавать затор, водитель БТРа рядовой Дмитрий Николаев попытался увести еще работающую машину в безопасное место. Но сделать этого не успел. Второй залп танковых пушек оказался смертельным и для машины, и для человека...

В мае погибли рядовые Сергей Коханович, Николай Калинин и Леонид Курепин. Они оказались отрезаны от основных сил полка, однако продолжали сражаться с превосходящим по численности противником...

В конце июня не вернулись с задания младший сержант Вячеслав Коновалов и рядовой Алексей Колесников. Находясь в разведывательном дозоре, ребята обнаружили засаду боевиков и вступили в неравный бой с бандитами, чтобы не допустить их внезапного нападения на основные силы...

27 марта 1997 года по решению общего собрания части был заложен памятник военнослужащим полка, которые погибли при выполнении служебно-боевых задач. С того дня уже другой БТР, но с тем же номером 503 стал носить имя рядового Дмитрия Николаева. С тех пор в его экипаж назначают только лучших военнослужащих. Так родилась одна из боевых традиций части.

Более 700 военнослужащих полка награждены орденами и медалями. А майору Сергею Грицюку, старшему лейтенанту Александру Михайлову и рядовому Олегу Петрову за мужество и героизм, проявленные при выполнении специального задания, присвоено высокое звание Героя России (посмертно). Приказом министра внутренних дел их имена навечно зачислены в списки части.

"Любую задачу, в любое время..."

Однако работы для полка хватает не только в стреляющем регионе, но и дома.

Через несколько лет терроризм, с которым они боролись в Чечне, докатился и до столицы. С его проявлениями пришлось сталкиваться довольно часто во время несения службы по охране общественного порядка. Только за несколько дней в феврале прошлого года младший сержант С. Ясенов, рядовые С. Макрушин, С. Баранов, А. Трубин совместно с сотрудниками милиции обнаружили на разных станциях метро несколько портфелей-дипломатов и полиэтиленовых пакетов. Внутри каждого находились макеты взрывных устройств.

Вскоре также на станции метро рядовые В. Скотников и Д. Мисюк совместно с милиционерами задержали подозрительного гражданина. При досмотре у него обнаружили 140 граммов тротила и электродетонаторы.

А рядовому С.Точилину удалось задержать преступника со стажем, уже несколько лет находившегося в федеральном розыске.

Сейчас 5-й полк оперативного назначения остается одной из самых мощных частей в соединении, да и в войсках по численности, вооружению и технике. Кстати, вся она находится в исправном состоянии. Это подтверждают и многочисленные проверки, и недавний случай. Во время приема делегации

Памятник
военнослужащим,
погибшим при
исполнении
воинского долга

БТР имени рядового
Дмитрия Николаева

французских полицейских им показали, как живут солдаты, а после повезли на учебный полигон дивизии для осмотра техники. Когда остановились возле БМП 5-го полка, один из гостей спросил, можно ли ему проехать на какой-нибудь боевой машине. Ему разрешили, Француз неплохо справился с управлением и, когда вылез из "коробочки", отметил, что машина работала как часы. В ответ командир полка полковник Александр Орловский и зампотех подполковник Виталий Садовников лишь улыбнулись, сказав, что по-другому и быть не может, на то полк и называется оперативным — способным в краткие сроки развернуться и приступить к выполнению задач.

Но несмотря на то, что у полка по многим направлениям службы отличные показатели, проблем тоже хватает. От социальных до кадровых. Впрочем, как говорят в части, где и у кого их нет? Главное, чтобы были люди, способные их решать. И ими полк похвастаться может. По мнению командования, одними из лучших в полку являются: подполковник Валерий Кузнецов, майоры Владимир Ваничкин, Александр Алехин, капитан Алексей Андреев.

И в заключение хотелось бы отметить, что за все время существования полка его личный состав ни одной из поставленных перед ним задач не сорвал. Пятый отдельный выполняет их всегда. Причем любые, в любое время и в любом месте...

Игорь СЕРГЕЕВ
Фото из архива ОДОНа

НАЧПРОД С "СИНИМ ПОЯСОМ"

СРЕДИ суетной публики, толпившейся на перроне в ожидании отхода поезда, заметно выделялась группа, в центре которой стоял молодой человек в новеньком, с иголки кителе с золотыми лейтенантскими погонами. Юноша изо всех сил старался казаться солидным и серьезным. Провожавшие же его, наоборот, скрывая собственное волнение, хотели выглядеть как можно веселее и беззаботнее.

Голос диспетчера, объявивший об отправлении поезда, прощальные поцелуи, напутствия — и вот лейтенант, сноровисто поднявшись по железным ступеням, уже машет родным из набирающего ход вагона.

А через несколько дней я вновь увидел его: переодетый в камуфляж, тот самый лейтенант стоял напротив столовой воинской части, что-то деловито помечая в тетради, извлеченной для журнала из полевой сумки. Не использовать такое стечение обстоятельств было бы просто непрофессионально. И мы разговорились...

Хотя с выбором профессии Иван (так зовут нашего героя) определился не сразу, но по всему видно, что "ходить под погонами" ему на роду было написано. Судите сами. Дед воевал в Великую Отечественную, удостоен боевых наград, службу закончил в майорском звании. Отец дослужился до полковника, сменив за это время не один гарнизон.

Вместе с ним пришлось "попутешествовать за государственный счет" и всему семейству. Военные городки в монгольских степях, в средней полосе России, среди цветущих садов Украины, вновь на бескрайних российских просторах — такова география детских и юношеских лет лейтенанта Павленко.

Полукочевая жизнь не ослабила его интерес к военной службе. Поэтому, когда подошло время, Иван, одновременно с учебой в выпускном классе успешно осваивавший первый курс экономического вуза, пришел в военкомат и написал заявление о направлении на учебу в Пермский военный институт внутренних войск МВД. И за годы обучения ни разу не пожалел о сделанном выборе.

— Учить нас старались основательно и всесторонне. Только не ленись, бери эти знания, — вспоминал о курсантских годах свежеспеченный лейтенант. — Конечно, львиная доля учебного времени отводилась на дисциплины, касающиеся организации различных направлений тылового обеспечения. Общевоинская, тактическая подготовка тоже была, но, естественно, не в таком объеме, как в командных училищах. Все-таки нас готовили как специалистов тыла. И огромное спасибо за это нашим наставникам: полковнику Кочетову, возглавлявшему кафедру экономики, менеджмента и тылового обеспечения, подполковнику Татьяне Колчановой, майору Андрею Камышину, старшему лейтенанту Эдуарду Белоусову и многим другим. Они всегда готовы были ответить на любые вопросы, помочь, разъяснить все нюансы нашей будущей службы, разложить по полочкам любую трудную ситуацию, подсказав оптимальный выход из нее...

Войсковую стажировку курсант Павленко проходил в отдельной бригаде оперативного назначения Приволжского округа внутренних войск. Может быть, именно тогда и обратил на себя внимание, а может, так совпало, но после окончания училища распределение он получил в тот же округ.

А вот предложение начать офицерскую службу с отряда спецназа оказалось для молодого лейтенанта полнейшей неожиданностью.

— Как только прозвучало слово "спецназ", лихорадочно начал вспоминать, что я знаю об этих частях. — Иван немного смущенно улыбается, вспоминая свои недавние опасения и сомнения. — У нас на курсе некоторые ребята стажировались в спецназе, рассказывали о традициях, боевых делах спецназовцев, тех принципах и неписаных законах, по которым строятся отношения между людьми в этих коллективах. Конечно, было лестно сразу же попасть в такую войсковую элиту. Но и волнительно: справлюсь ли? Хотя должность моя и тыловая, но при тех задачах, что решает спецназ, случиться может всякое. Потом, поразмыслив, согласился.

Почему мне предложили именно спецназ? Наверное, потому что я из офицерской династии. Добросовестно служить — одно из семейных правил. А еще, думаю, не последнюю роль сыграло мое увлечение восточными единоборствами: еще в школе начал заниматься джиу-джитсу, участвовал в региональных соревнованиях, занимал призовые места, получил "синий пояс".

Вот вам и тыловой офицер! В конце нашего разговора мой собеседник доверительно сообщил, что уже начинает подумывать о том, как перевести свои спортивные навыки в военно-прикладную плоскость и (чем черт не шутит!) через какое-то время попытаться

Николай Петелин

попробовать силы в квалификационном испытании на право ношения крапового берета. Да, такой в спецназе наверняка приживется...

И хотя у лейтенанта Павленко пока маловато жизненного и служебного опыта, зато есть неподдельное, искреннее желание честно служить. А это, пожалуй, для него сейчас самое главное. Все остальное приложится. Помогут старшие товарищи, сослуживцы, отец, который для Ивана является главным и непререкаемым авторитетом.

Сколько еще молодых людей, встав на первую ступеньку служебной лестницы, начинают этим летом свое восхождение к высотам офицерской карьеры?! Как сложится их дальнейшая судьба? Кем станут они для войск и чем станут войска для них?

Удачи вам, лейтенанты!

Подполковник Игорь СОФРОНОВ

"Сыктывкарский вальс" для учебного полка

Сыктывкарские весны, сыктывкарские зимы.

Под звездой Полярной сеют пух тополя.

Это Родина просто, что зовется любимой,

Православная Родина — Коми земля

(Из песни "Сыктывкарский вальс" ансамбля учебного инженерно-саперного полка)

Организация досуга военнослужащих — простой вопрос лишь на первый взгляд. И то смотря где. В Москве, например, хоть каждые выходные организуй экскурсии по музеям, театрам и выставкам. А еще есть зоопарк, планетарий, парк культуры и отдыха и многое другое.

Чем увлечь солдата, у которого при любом раскладе выпадает раз в неделю хотя бы по полдня свободного времени? Да и члены семей военнослужащих не избалованы культурно-зрелищными мероприятиями, гастроли какой-нибудь столичной "звездочки" здесь — событие! Вот и приходится офицерам — организаторам досуга, если они люди небезразличные, поломать голову над составлением плана выходного дня. Что можно предложить солдату, кроме "часа письма" и "просмотра телепередач"? Творчески мыслящих людей в войсках, наверное, пока хватает, потому что во многих частях не редкость, помимо видеосалонов с хорошей подборкой фильмов (взамен уходящего в прошлое кинообслуживания), смотрят конкурсы художественной самодеятельности, выступления шефских коллективов, а то и звезд эстрады. С полной отдачей работают и библиотеки частей, где при творческом подходе можно развернуть интересную работу с вовлечением самых широких солдатских масс и членов семей военнослужащих.

В данном материале приводится опыт по решению проблемы организации досуга в учебной части Северо-Западного округа.

Оркестр, которым руководит заслуженный работник культуры Республики Коми майор Иван Нестеров, по праву считается лучшим в регионе. Знают и любят его во многих уголках этого обширного северного края: в Ухте, Инте и Воркуте, куда его частенько приглашают на гастроли. А когда оркестр учебного полка выступает в республиканской филармонии, администрации приходится выносить приставные стулья: желающих услышать выступление коллектива гораздо больше, чем может вместить просторный зал. Не обходится без него в городе и ни одно праздничное мероприятие. И в День Победы, и в День защитников Отечества, в любую погоду пройдут по городу, сверкая медью труб и восхищая жителей города отменной выправкой, оркестранты. Многих из них горожане знают в лицо и приветствуют как старых знакомых.

Ну а когда оркестр дает концерт в клубе части, заставить кого-либо в казармах, кроме наряда, невозможно.

Основу репертуара оркестра (хотя правильнее, наверное, нужно сказать, ансамбля, поскольку он усилен электронными инструментами) составляют известные и популярные у молодежи песни известных исполнителей: Леонида Агутина, Александра Розенбаума, группы "Любэ", многих других. По силам соло-гитаристу ансамбля прапорщику Вячеславу Целинскому и гитарные пассажи в духе Ричи Блэкмора или Карлоса Сантаны. Но руководитель оркестра-ансамбля заслуженный работник культуры Республики Коми майор Иван Васильевич Нестеров видит свою задачу не просто в

услажении непритязательного солдатского слуха знакомыми мелодиями, но в привитии и воспитании в них любви к высокому искусству, а также формировании разностороннего вкуса. Поэтому наряду с хитами звучат на концертах и классические джазовые композиции, мастерски исполняемые официально признанным "лучшей трубой" республики трубачом прапорщиком Иваном Демидовым. На ура обычно идут и народные мелодии и песни. Отдельным блоком стоят песни русской воинской славы, попури из военных маршей: от "Взвейтесь, соколы, орлами" до "У солдата выходной". Ну а в конце, когда зал уже, что называется, "разогрелся", звучат лирический "Сыктывкарский вальс" и полковая строевая "Не волнуйтесь, мамы!".

Концерты оркестра-ансамбля дают солдатам необходимую психологическую разрядку. Здесь можно вспомнить родной дом под проникновенное "Отчего так в России березы шумят?" и взбодриться под рефреном звучащее: "Так что, аты-баты, мы теперь солдаты. Так же, как все, как все!"; расслабиться под виртуозные пассажи соло-гитариста и окунуться в мир джазовых фантазий.

Из архива части

Курсанты в полку меняются каждые полгода, и казалось бы, что можно особенно не напрягаясь постоянно крутить старую программу, но Нестеров считает, что настоящие музыканты должны постоянно находиться в творческом поиске, работать над собой, совершенствовать мастерство, поэтому репертуар периодически обновляется. О популярности коллектива и регулярности его выступлений в полку говорит еще и тот факт, что многие курсанты далеко не всех офицеров управления да и полка знают в лицо, чего нельзя сказать про начальника оркестра полка майора Ивана Васильевича Нестерова, которого уж точно знает всякий. Потому что этот добродушный офицер оставил в их памяти лишь приятные воспоминания.

Много раз Ивану Васильевичу делались выгодные с коммерческой точки зрения, заманчивые предложения. Талант не пропадет нигде. Но Иван Васильевич не меняет профессию:

— Столько лет отдано войскам и родному полку, да и потом, неужели я оставлю своих ребят, которые мне верят и, глядя на меня,

тоже остаются в строю. Нет, себя я не мыслю без войск! Потому что солдат — самый благодарный зритель, а настоящему артисту больше и не надо.

— Вы всегда веселы, Иван Васильевич, неужели нет проблем?

— Легко на сердце от песни веселой, — поет в ответ майор и продолжает: — Проблемы, конечно, есть, но мы их решаем, беря в пример птиц, которые, что бы ни делали, всегда поют, и это помогает нам находить верные выходы.

Любовь к пению — особая страничка в его биографии, ведь по совместительству он еще и руководитель женского хора полка.

* * *

Каждый вторник, в 16 часов в клубе части проводится репетиция. Это плановое мероприятие, на которое согласно приказу командира собирается около тридцати женщин. Это и есть костяк женского хора, выступления которого по праздникам с нетерпением ждут сослуживцы и их ближайшие родственники. Конечно, чувствуется, что далеко не все женщины горят желанием репетировать в клубе: у кого-то действительно много работы, а кому-то приятнее погонять чаи в компании подруг, но у Нестерова не забалуешь, послушниц у него практически нет. В течение 10-15 минут женщины проводят спевку, а затем маэстро приглашает дам на сцену, берет в руки баян и... зал заполняется песней. В репертуаре хора незатейливые народные мелодии русского Севера, чередующиеся с авторскими произведениями, ведь Иван Васильевич еще и талантливый композитор.

Каким спокойствием и умиротворением веет от этих песен в исполнении женщин в военной форме! И как много теряют их родные и близкие, что не бывают на таких репетициях и концертах. Уверен, что от этого лишь крепче были бы их семьи. Ведь в фольклоре скрыта душа нашего народа, такая же застенчивая и скромная, как и едва не утерянный идеал русской женщины — хранительницы рода, домашнего очага, колыбели нации:

*Рябина зреет в сентябре и соком наливаясь,
А дни идут, года бегут, назад не возвращаются.
И пусть зима уже близка, ты не считай свои года.
Зима рябине не страшна, ведь слаще станет ягода!*

* * *

— А еще было дело, — рассказывает Иван Васильевич, — пришел как-то на нашу репетицию командир части, посидел, послушал да и говорит вдруг: "Слушай, Василий, а лезгинку твои орлы могут сыграть?". Отвечаю не мешкая: "Запросто, товарищ полковник!" — "Тогда у меня к тебе будет предложение..."

Командир вообще человек творческий и ищущий, а предложение его заключалось в следующем. Полк в последнее время лихо-радило: прибыли на пополнение несколько ребят из Дагестана, которые, пообвыкнув немного, начали устанавливать свои порядки. Пошли тревожные сигналы из рот и батальонов: кавказские гости явно жевали ощущать себя хозяевами, вот и решил командир дать им возможность, так сказать, самореализоваться...

— Что, если, подготавлившись, объявить, например, одно из воскресений днем Республики Дагестан и привлечь тех самых нарушителей к проведению праздника? Одни — помогают в столовой национальные блюда готовить. Другие — репетируют номера художественной самодеятельности. Третьи — учат наизусть в библиотеке бессмертного Расула Гамзатова и украшают клуб. Расчет на то, чтобы дагестанцы почувствовали себя хозяевами, принимающими гостей. А потом как грянет полковой ансамбль зажигательную лезгинку, кто тут из джигитов усидит в зале и не выскочит на сцену с удалым кличем: "Асса!", да не покажет себя сослуживцам? Секрет в том, что во время танца человек раскрывается с самой лучшей стороны, показывая все доброе, что в нем заложено. Да и традиции и обычаи горских народов Кавказа обязывают хозяина быть кунаком, т.е. другом для всех своих гостей. Сможет ли он после этого оставаться таким же грубым, дерзким и наглым? Как считаешь?

Конечно, Нестеров с восторгом поддержал эту интересную идею. Так появились в репертуаре ансамбля зажигательные дагестанские мелодии. И расчет командира оправдался. Все-таки недаром поется: "Нам песня строить и жить помогает", а еще честно и добросовестно служить.

* * *

Наверное, это единственная часть внутренних войск, в которой установлен бюст... Пушкина. И не случайно стоит он как раз перед входом в клуб полка, где расположена библиотека. Смотрит Александр Сергеевич на "племя младое, незнакомое", которое ежедневно ходит в клуб, тянется к свету, к знаниям. Нет, не забыт великий русский поэт в далекой приполярной учебной части. Молодое поколение сыктывкарского полка в общем-то несильно отличается от своих сверстников на гражданке, не имеет оно ничего и против "Пепси", но выбирать его своим символом не спешит. Роднее, ближе им все же свое, национальное, традиционное. Тихая колыбельная песня матери, глухой стук падающих в саду яблок, скрип калитки, плеск ведра в колодце. Все эти родные и близкие сердцу звуки можно облечь в слово. Дар владения словом — великая и непостижимая тайна. Кто к ней прикоснулся, тот по-настоящему блажен!

Все это прекрасно понимает замечательная русская женщина Галина Алексеевна Тарасенко, заведующая библиотекой. Она и есть хранительница тех слов, которые понятны каждому.

Сама мать, воспитавшая двух взрослых сыновей, она прекрасно понимает психологию солдат и всегда воспользуется возможностью тепло, по-матерински поговорить с мальчишкой, повесившим нос. Все проблемы этих солдатиков-полугодков ей ясны и понятны. Нет долго писем из дому или от подруги либо сильно устает, а может быть, прицепился к нему злыдень-сержант, который прохода не дает. Угостить чаем с сухариками, приобнять и погладить по стриженной голове расстроенного мальчишку в погонах, а затем ласково расспросить о постигшей его беде — это так привычно, по-матерински. И нет больше растерянности и страха в глазах. Куда девалась настороженность, тревога? И усталость как рукой сняло.

— Письмо домой мы прямо сейчас с тобою и напишем. А с сержантом твоим завтра сама переговорю. Он что-то давно мне Уэллса не возвращает, вот и будет повод для встречи. Не печалься, сынок, не ты первый, не ты и последний!

А тянутся к ней ребята разных национальностей. В числе активных читателей есть аварец и табасаранец — представители Дагестана. Им особенно присуще традиционно уважительное отношение к женщине как к матери. Одному она подскажет, какой лучше отрывок Расула Гамзатова в письмо девушке вставить. Второй домой собирается. Тоже совет нужен, что маме подарить...

— Ведь много-то порой солдату и не надо, — говорит волнуясь Галина Алексеевна. — Напои его чаем, расспроси, что пишут из дому, поинтересуйся здоровьем его родных. Прояви живой интерес к его доармейской жизни, дай почувствовать, что тебя хоть чуточку волнует его судьба, и ты ощутишь благодарность раскрывшегося тебе навстречу человеческого сердца, ищущего соучастия и элементарного тепла. Порой приходят мне письма от солдатских матерей, которые благодарят меня за участие в судьбе сына. Мне они очень приятны.

Кто знает, сколько возможных трагедий и преступлений предотвратила эта приятная во всех отношениях женщина с теплым материнским взглядом больших карих глаз?

А в фойе клуба развернута выставка детского рисунка. Это тоже организовала она — активистка женсовета части Галина Тарасенко. Дети гарнизона старательно рисовали своих пап и мам, братишек и сестреночек. Все улыбаются и смеются. Еще бы! Когда же это было последний раз, чтобы всей семьей да на прогулку собраться. На самом видном месте акварельный рисунок: большое, улыбающееся, столь редкое для этих широт солнце, а ниже — взявшиеся за руки люди разных цветов кожи. "Пусть всегда будет солнце!".

Коротко северное лето. Уже подули северные ветра и пошел снег. Неуютно и как-то тревожно от этого на сердце молодого воина, недавно принявшего присягу. А в клубе части для них в честь этого события праздничный концерт, и как напутствие звучит со сцены пока еще незнакомая им песня:

*Не волнуйтесь, мамы, будет все в порядке,
Будем хоть по строчке каждый день писать.
Служим в образцовой части сыктывкарской,
Части инженерной, что тут объяснять?*

Подполковник Роман ИЛЮЩЕНКО

Петр I :

“В службе честь”

10 июля и 9 августа — Дни воинской славы России. Соответственно день победы русской армии под командованием Петра I над шведами в Полтавском сражении (1709г.) и первая в российской истории морская победа русского флота под командованием Петра Великого над шведами у мыса Гангут (1714г.). Эти славные победы сыграли решающую роль в истории Отечества, а российские войска снискали себе почет и уважение современников и благодарную память потомков. В сегодняшнем номере вниманию читателей предлагаются высказывания выдающегося государственного и военного деятеля, полководца и дипломата — Петра I Великого.

ПЕТР I Великий (Петр Алексеевич Романов) — русский царь, а с 1721г. — первый русский император. Осуществил ряд важнейших преобразований, организовал оружейные и горные заводы, ввел рекрутскую повинность, создал регулярную армию, начал строительство флота, заложил основы русской школы военного искусства. Являлся автором и редактором уставов, ряда военно-исторических и научных трудов, создателем первых военно-учебных заведений, готовивших командный состав армии и флота.

Начиная с эпохи Петра I, когда с образованием регулярной армии в России начал формироваться офицерский корпус, воспитание личного состава армии и флота основывалось на положении, что русский солдат и матрос служит не ради чести и славы своей или императора, а в интересах государства Российского. “Вот пришел час, который решит судьбу Отечества, — обращался Петр I к воинам перед Полтавской битвой. — И так не должны вы помышлять, что сражаетесь за Петра, но за государство, Петру врученное, за род свой, за Отечество...”

Положения Петра I об обучении и воспитании явились составной частью глубоких преобразований в армии и на флоте. В петровских документах, дошедших до нас, забота о защитниках Отечества всегда выдвигалась на первый план. При этом особое внимание обращалось на отношения между офицерами и солдатами, которые, по убеждению Петра, должны строиться на отеческих началах. “Офицеры суть солдатам, яко отцы детям, того ради надлежит их равным образом отечески содержать”, — говорится в приказах и уставах основателя регулярной армии.

Выше всего Петр I ставил нравственное воспитание армии. Он указывал, что все материальные условия есть не более как ветвь для будущих плодов, корень же есть нравственный элемент (“безконфуз-

ство”). Средствами для воспитания высоких нравственных начал в русской армии, по его мнению, являлись дисциплина, требование от офицеров твердого характера, сознательного отношения к своему долгу, а также личный пример служения Отечеству.

О военном искусстве

С малым числом разбить великие силы, тут есть искусство и сугубая слава, а быть побежденным от превосходного в силах не есть чрезвычайное.

Никакой баталии в кабинете выиграть не можно.

Кто в беспорядке преследует разбитого врага, стремится только тому, чтобы из победителя превратиться в побежденного.

Господа шведы побьют нас, может быть, еще и не раз, но у них же мы научимся и побеждать их.

О воинской дисциплине

Если кто свой мундир, ружье проиграет, продаст или в заклад отдаст, оный имеет в первый и в другой раз жестоко кошками и заплатою утраченного наказан. А в третье расстрелян или на галеру сослан быть.

Кто свое ружье бросит, оный шпигрунами наказан жестоко будет.

Кто к неприятелю перебежит, того имя к виселице будет прибито, и оный, как нарушитель присяги, изменником публично объявлен имеет быть... и ежели он пойман будет, без всякой милости и процессу повесить его надлежит.

Которые во время боя оставят свои места, дабы укрыться, те будут казнены смертью. Такожды и те будут казнены, которые похотят сдаться или иных к тому бу-

дут подговаривать.

Провиант, определенный больным, кто украдет и продаст, того с наказанием сослать на галеру. А кто съест, тот вчетверо заплатит и сверх того бит будет у мачты.

Об инициативе

Есть, и довольно много, таких, которые полученное приказание исполняют честно, но взять что-либо на личную ответственность, на личный почин, когда такого приказания нет, боятся как огня.

Об отношении к подчиненным

Капитан должен вести себя с солдатами, яко отец с детьми, увещевая непокорных, поправляя их советами и наказывать милости недостойных, отличать и любить добрых.

Полковнику надлежит знатному и искусному благовзрачному мужу быть, чтобы полку своему во всех случаях не гнусен был, и имел бы старание о добрых обер- и унтер-офицерах...

Прапорщику подобает во все дни немощных посещать и смотреть, нет ли в чем-либо недостатка. Ему подобает великую любовь к солдатам иметь, и когда они в наказание впадут, тогда ему об них бить челом вольно.

Мне солдат дороже себя.

О воинской доблести

Все воинские корабли российские не должны ни перед кем спускать флаги, вымпелы и марсели.

О Петре знайте, что ему жизнь не дорога, только бы жила Россия в блаженстве и славе.

**Подготовил подполковник
Владимир БОРОДИН**

Визитная карточка.

Генерал-майор Александр Николаевич Хмыз родился 25 октября 1956 года в селе Шапошниковка Воронежской области. В 1980 году окончил Харьковское высшее военное училище тыла МВД СССР, 1989-м — Военную академию тыла и транспорта. В войсках прошел должности от помощника начальника вещевого службы бригады до заместителя начальника тыла Северо-Западного округа ВВ МВД России. В 1983-1985 гг. выполнял интернациональный долг в Афганистане. Воинское звание “полковник” присвоено досрочно. В 2001 году после окончания Военной академии Генерального штаба ВС РФ назначен заместителем командующего войсками Приволжского округа ВВ МВД России по тылу. Награжден орденом “За военные заслуги”, медалью “За боевые заслуги”.

БЕЗ ТЫЛА НЕТ ПОБЕДЫ!

Так было во все времена: какие бы задачи ни приходилось решать боевым подразделениям — в местах ли постоянной дислокации или за сотни километров от “зимних квартир” — вопросы их тылового обеспечения неизменно стояли во главе угла, требовали повышенного внимания командиров и начальников всех степеней. Оно и понятно: когда солдат одет, обут, накормлен, обогрет, имеет возможность нормально отдохнуть, его боевой дух многократно возрастает. Что, в свою очередь, не может не сказаться на качестве несения службы.

В первый день последнего летнего месяца специалисты служб тыла отмечают свой профессиональный праздник. В связи с этим о ежедневных заботах, подчас незаметных для непосвященных, проблемах, перспективах и, конечно же, достижениях мы попросили рассказать заместителя командующего войсками Приволжского округа ВВ МВД по тылу генерал-майора Александра Хмыза.

— Товарищ генерал, ваши коллеги в иных силовых структурах решают схожие задачи. Но отличия, вероятно, все же есть. Расскажите, пожалуйста, об особенностях в организации тылового обеспечения именно внутренних войск МВД?

— Таких особенностей несколько. Например, в системе Министерства обороны имеются такие структуры, как региональные КЭЧ, на которые полностью замыкаются вопросы эксплуатации и ремонта зданий, сооружений, теплосетей военных городков на подведомственной территории. У нас этим приходится заниматься командирам частей, тыловым службам, находящимся в их подчинении. Аналогичная картина — при организации заготовки овощей для воинских частей.

Сегодня на самом высоком уровне прорабатывается целесообразность создания единой системы тылового обеспечения всех российских силовых ведомств, в которую вошли бы и тыловые службы внутренних войск. Вопрос этот не простой, и не всеми специалистами воспринимается однозначно. Как мне кажется, решая собственные, во многом специфичные задачи, войска МВД от такого слияния больше потеряют, чем приобретут.

— Исходя из вышесказанного, какие качества, на ваш взгляд, должны быть присущи офицеру тыловых служб внутренних войск?

— В первую очередь, он должен обладать высоким профессионализмом, обостренным чувством долга и ответственности за порученное дело, быть честным и порядочным человеком. Ну и, исходя из некоторой специфики, наконец, быть инициативным, упорным, активным в достижении намеченных целей. В конечном счете задачу ставит командир. Специалист любой из тыловых служб обязан обеспечить своевременное и качественное ее выполнение по своему направлению.

— Возглавляемый вами тыл Приволжского округа ВВ МВД стабильно занимает лидирующие позиции среди аналогичных структур других округов внутренних войск. Каких успехов добились приволжцы за шесть месяцев нынешнего года?

— Отлаженная система работы командования и специалистов тыловых служб округа всех степеней в сочетании с объемом бюджетных ассигнований позволила нам выполнить основные задачи хозяйственной деятельности в первом полугодии 2005 года.

При организации продовольственного обеспечения главное внимание, как и ранее, уделялось качественному питанию личного состава, доведению положенных норм довольствия до военнослужащих, содержанию столовых с учетом современных эстетических требований, поддержанию на требуемом уровне других объектов, находящихся в ведении продовольственных служб. Если в этом направлении и возникают проблемы, то чаще всего они связаны с

выходом из строя каких-либо технических агрегатов: холодильных установок на складах, котлов или печей в столовых, водяных насосов. Но все это нашими же специалистами своевременно ремонтируется. И на качество, своевременности приготовления пищи или изменении ассортимента никак не сказывается. В округе уже давно выдача консервов вместо свежего мяса или рыбы считается чрезвычайным происшествием, за который серьезно спрашиваем. Это требование командующего войсками округа. Соответственно, и я требую со своих подчиненных.

Немало усилий нами было направлено на оптимизацию работы подсобных хозяйств воинских частей округа. И они не пропали даром: за первое полугодие от подсобных хозяйств получено почти 22,5 тонны мясопродуктов, 8,8 тонны молока, свыше 9 тыс. штук куриных яиц, около 11 тонн зелени и овощей. Все это пошло на солдатские столы и составило неплохую прибавку к рациону наших военнослужащих.

Не могу не отметить в этой связи и работу специалистов ветеринарно-санитарной службы округа, неусыпно заботящихся о качестве поступающих в войска продуктов питания. В течение полугодия они подвергли экспертизе более 300 тонн поступившего к нам продовольствия, при этом свыше 80 тонн возвращено поставщикам из-за низкого качества.

Ситуация с вещевым обеспечением в округе также стабильна. Все, что положено, военнослужащие и по призыву, и по контракту получают своевременно. Но здесь существует один нюанс, о котором, на мой взгляд, необходимо вспоминать все чаще и чаще.

Не секрет, что уже длительный период обеспечение вещевым имуществом тех, кто служит непосредственно в воинских частях, ведется по официально установленной сокращенной норме. Не могло наше государство обеспечить военнослужащих таким многообразием формы, какое было в советские годы. Но времена меняются.

Так не пора ли подумать и поставить перед кем нужно вопрос о дополнительном финансировании в целях возвращения к обеспечению офицеров, прапорщиков, военнослужащих по контракту дивизионного (а может быть, и полкового) звена повседневной формой одежды? Сейчас они вынуждены постоянно носить полевой камуфляж и порой, чего греха таить, стесняются показаться в нем на улицах, особенно в больших городах. Если государство ратует за профессиональную армию, за повышение престижа военной службы, то этот вопрос нельзя оставлять без внимания. Не зря же говорится: "Встречают по одежке..."

Не оставались без внимания в этот период и вопросы качественной эксплуатации и обслуживания объектов казарменно-жилищного фонда округа, инженерных сетей и коммуникаций военных городков. Сейчас у нас нет, пожалуй, ни одной воинской части, где бытовые условия вызывали бы серьезную тревогу командования округа или нарекания со стороны Главкомата.

— Проблема получения жилья с незапамятных времен была и остается од-

ной из самых злостных и трудно-разрешимых для большого числа офицеров, прапорщиков, военнослужащих по контракту. Что делается в округе в этом направлении?

— Действительно, длительное время в этом вопросе существовал полнейший застой. И только в последние год-два здесь наметилась тенденция к улучшению, позволившая нам вплотную подойти к разрешению проблемы. В первую очередь, благодаря очень тесному и целенаправленному взаимодействию с органами местной власти в тех регионах, где дислоцированы наши воинские части.

Например, в Нижнем Новгороде практически завершена работа по оформлению строительного паспорта земельного участка и разработке проектно-сметной документации жилого дома, возведение которого в скором времени начнется в поселке Дружный. В районе нижегородского аэропорта администрацией города для тех же целей выделен целый квартал будущих новостроек, где предполагается воздвигнуть 6 домов. Половина из них будет строиться за счет бюджетных средств, остальные — на деньги инвесторов, выбранных на конкурсной основе. Часть квартир в этих домах также будет выделена для наших военнослужащих.

Уже в следующем году в Саратове предполагается сдать в эксплуатацию многоквартирный жилой дом, в котором инвестор передает нам 92 квартиры. С привлечением средств инвесторов начаты работы по строительству жилья в Казани. Прорабатывается возможность заключения договора на аналогичных условиях в Самаре. Совместно с Главным командованием внутренних войск ведется плановое строительство домов для Пермского гарнизона: местного военного института и двух воинских частей Приволжского округа ВВ.

Так что перспективы получения жилья для наших военнослужащих становятся все более и более реальными.

— **Товарищ генерал, солдаты и офицеры Приволжского округа внутренних войск выполняют задачи не только в пунктах постоянной дислокации своих частей, но и в составе ОГВ(с). Как решаются задачи тылового обеспечения в непростых условиях Северо-Кавказского региона?**

— Этим вопросам уделяется первостепенное внимание. Не без гордости за работу своих подчиненных могу сказать, что сегодня уровень технического оснащения тыловых структур приволжских формирований, действующих в составе ОГВ(с), качество питания военнослужащих, бытовые условия ничуть не хуже тех, что существуют в пунктах постоянной дислокации.

В городке батальонной тактической группы отдельной бригады оперативного назначения уже давно подведен природный газ, пищу готовят в стационарной столовой. Все подразделения размещены в приспособленных помещениях, где личный состав имеет возможность нормально отдохнуть, да и при необходимости будет более надежно защищен от пуль и осколков, чем при проживании в палатках.

Городок в Ханкале, где располагаются

меняющие друг друга бойцы окружных отрядов спецназа, палаточный. Но и там построена стационарная столовая с прекрасным варочным залом, местами приема пищи. Условия достойные, какая-либо антисанитария исключена полностью.

Поставки вещевого имущества в группировку всегда производятся своевременно, без сбоев, благодаря чему мы даже создали 10-процентный запас вещевого имущества на случай непредвиденных обстоятельств.

В этом году мы также смогли по своим направлениям качественно выполнить задачи, связанные с формированием комедаттуры Итум-Калинского района Чеченской республики, укомплектовать ее специалистами тыловых служб, мебелью и другими материальными средствами согласно таблице положенности на все 100 процентов.

— **В августе войска округа решают серьезные задачи по охране общественного порядка и обеспечению безопасности во время празднования 1000-летия Казани. При этом вопросы тылового обеспечения создаваемой группировки имеют немаловажное значение...**

— Готовиться мы начали еще в прошлом году. Как только определилась численность группировки, специалистами тыловых служб были отработаны необходимые планирующие документы, своевременно поданы все заявки и по линии довольствующих органов, и по линии Главкомата. Постарались ничего не забыть, предусмотреть все по максимуму с учетом имеющегося опыта выполнения сходных задач по обеспечению празднования 300-летия Санкт-Петербурга, 100-летия канонизации Серафима Саровского.

Не хочу утомлять цифрами. Скажу лишь, что своевременно подготовлены места для размещения прибывающих в Казань подразделений, продуманы вопросы организации питания личного состава, банно-прачечного обслуживания, обеспечения противопожарной безопасности. Для бойцов спецназа и военнослужащих специального моторизованного полка, которым предстоит нести службу на улицах и площадях, получено новое обмундирование. Подразделения частей оперативного назначения экипированы в соответствии с решаемыми ими задачами. Не забыли и о служебных собаках, этим "четвероногим солдатам" во время торжеств тоже работы хватит.

Одним словом, специалисты служб тыла постарались учесть все мелочи, чтобы со своей стороны обеспечить солдат и офицеров всем необходимым для качественного решения задач.

— **Что бы вы пожелали своим подчиненным, коллегам из тыловых служб других силовых ведомств в связи с их профессиональным праздником?**

— Все, что обычно желают в таких случаях: новых успехов в службе, дальнейших свершений на благо того общего дела, которому мы все служим. И, конечно же, личного счастья, здоровья родным и близким.

**Беседовал подполковник
Игорь СОФРОНОВ**

ГОРЯЧИЙ ХЛЕБ

— Ну что, малой, попарился?

— Так точно, товарищ прапорщик. На термометре 80 градусов. — Рядовой Никитин стер обильный пот с лица и расплылся в улыбке. — Единственное, чего не хватает, так это хорошего березового веничка.

— Сейчас тебе будет и березовый веник, и дубовый! Прими душ, сразу станет легче. На все про все даю десять минут. — Прапорщик по-отцовски хлопнул парня по плечу и посмотрел на часы...

Любой человек подумает, что разговор происходит в бане. Но сразу ошибется, потому как в данном случае в роли доброго "батяни" выступает начальник полевого механизированного хлебозавода прапорщик Валерий Клименко, а любителя попариться "играет" тестомес рядовой Максим Никитин.

Завоз хлеба в воинские части Ханкалинского гарнизона происходит строго по графику — утром и вечером. За долгие месяцы командировок военнослужащие так привыкают к мягкому свежему хлебу на столах, что не придают значения тому, с каким трудом он достается. Чтобы понять это, достаточно хоть раз побывать на хлебозаводе и увидеть, как в результате четкой и слаженной работы четырех солдат-срочников на свет появляются золотистые буханки хлеба.

Уникальность полевого механизированного хлебозавода, разработанного в СССР более полувека назад, заключается в его надежности и мобильности. По словам завхоза прапорщика Виктора Краснощечева, если ему поставят задачу передислоцировать производство в другое место, то понадобится всего час, чтобы установленное на автомобильных платформах хлебопекарное оборудование свернуть и выдвинуться в указанном направлении. И уже на новом месте через 2 часа выдать готовую продукцию.

Из всей смены пекарей рядовой Сергей Козлов — единственный, кто был знаком с процессом выпечки хлеба: до службы успел поработать на ростовском хлебозаводе. Однако даже он не мог себе представить, как резко отличаются условия труда на стационаре и в чистом поле. Чего уж говорить о командире отделения ефрейторе Евгении Бокареве и его подчиненных рядовых Максиме Никитине и Константине Косове, для которых первые дни службы на хлебозаводе были сопоставимы с полетом на Луну.

В 3 утра — начало работы. Никитин замешивает тесто, Бокарев нормирует его по формам, а Косов и Козлов колдуют у печей, выпекая, а затем отгружая хлеб на склад готовой продукции. Своеобразная цепочка, из звеньев которой складывается весь рабочий цикл. Прежде чем за смену выдать на-гора полторы тонны хлеба, солдатам на своих плечах приходится перенести десятки мешков с мукой.

Больше всех "повезло" тестомесу ря-

довому Максиму Никитину, чье рабочее место расположено на высокой автомобильной платформе. Он чаще других ворочает 50-килограммовые мешки, просеивает муку и ведрами пересыпает ее в тестоприготовительный агрегат, добавляя при этом воду, соль и дрожжи.

Невыносимый жар, исходящий от работающих с двух сторон печей, действительно напоминает парную, где не хватает только веника. Весь день Максим с головы до ног обливается потом. Даже зимой температура воздуха внутри палатки-хлебопекарни доходит до +45 градусов, что для бойцов считается нормой. Гораздо тяжелее трудиться летом, когда в результате смешивания печного жара изнутри и солнечного снаружи столбик термометра зашкаливает за отметку в 85 градусов. В таких условиях по рекомендации врачей тестомес ежедневно принимает душ, чтобы не подорвать здоровье. Именно поэтому в знойные летние дни пекари предпочитают работать ночью, когда спустившийся с гор прохладный воздух хоть как-то облегчает их труд.

Разговоры об отменном вкусе выпекаемого в Ханкале хлеба ходят далеко за пределами ОГВ(с). Как объяснил данный феномен начальник продовольственной службы Объединенной группировки полковник Евгений Вальков, происходит это потому, что при выпечке золотых "кирпичиков" подчиненные Клименко не используют никаких разрыхлителей теста и искусственных пищевых добавок. И именно это придает хлебу по-настоящему домашний вкус.

Подполковник Сергей ПОРТНОВ

Фото автора

ХАНКАЛЫ

ВНУТРЕННИЕ ВОЙСКА — ШКОЛА БОЕВОГО МАСТЕРСТВА

Военнослужащие внутренних войск должны иметь необходимую профессиональную, правовую и физическую подготовку, умело владеть табельным оружием, специальными средствами и закрепленной за ними техникой.

Мы служим не за звонкую монету, не за похвалу и награды, а ради благополучия родной страны, ее настоящего и будущего. В пыли военных дорог, на учебных полях, в караулах и на боевой службе формируются качества воина внутренних войск, обеспечивающие выполнение поставленных задач...

Обращаюсь к офицерам и сержантам, которые являются организаторами боевой подготовки. От вашего педагогического мастерства, умения добиться необходимого результата зависит итог боевой учебы в предстоящем учебном периоде...

Из обращения главнокомандующего внутренними войсками МВД России к военнослужащим войск в связи с началом летнего периода обучения.

Военнослужащий должен:

Знать:

- назначение, задачи частей по их служебно-боевому предназначению;
- обязанности военнослужащих по соблюдению законности и их ответственность за ее нарушение;
- порядок применения оружия и специальных средств;
- общие обязанности военнослужащих при несении боевой службы;
- меры безопасности при выполнении служебно-боевых задач.

Уметь:

- выполнять обязанности в роли часового по охране объекта и патрульного на маршруте патрулирования;
- выполнять задачи в зоне вооруженного конфликта;
- действовать по тревоге.

В процессе обучения командиры должны формировать у личного состава высокие морально-психологические качества и сознательную воинскую дисциплину.

Тяжело в учении — легко в походе

А.В. Суворов

В этом месяце:

- **1941г.** — Части конвойных войск привлекались для сопровождения немцев, выселяемых с территории Поволжья в восточные районы страны.
- **1959г.** — Части внутренних войск привлекались для охраны общественного порядка в г.Темиртау (Казахская ССР) в связи с возникшими волнениями на строительстве коммунальных объектов Казахского металлургического завода.
- **1965г.** — Личный состав внутренних войск принял участие в охране карантинного района в Сырдарьинской области Узбекской ССР во время эпидемии чумы.

1 августа

- **1994г.** — На базе ОМС-БОН создан 8-й отряд специального назначения "Русь".

2 августа

- **1999г.** — Началась вторая чеченская кампания. Чеченские боевики вторглись на территорию Цумадинского района Дагестана. Одними из первых в бой с боевиками вступили 102-я ОБРОН и 7-й ОСПН.

6 августа

- **1996г.** — Чеченские боевики атаковали г. Грозный. 28 августа по соглашению сторон была произведена демилитаризация г. Грозного.

7 августа

- **1937г.** — Приказом НКВД сформированы отдельные строительные батальоны пограничных и внутренних войск НКВД.

5 августа

- **1918г.** — Родился Иван Кириллович Яковлев, начальник Главного управления — начальник ВВ, внутренней и конвойной охраны МООП СССР (1968-1969), начальник Главного управления — начальник ВВ МВД СССР (1969-1986), генерал армии. В 1986-1991гг. — состоял в группе генеральных инспекторов МО СССР. В дальнейшем консультант главнокомандующего ВВ МВД РФ. Внес неоценимый вклад в развитие внутренних войск и укрепление их авторитета. Умер 13.09.2002г.

18 августа

- **1992г.** — Создан отряд специального назначения "Росич".

9 августа

- **1945г.** — Советские войска начали боевые действия на Дальнем Востоке против войск Японии. В боях участвовала 3-я стрелковая дивизия внутренних войск НКВД СССР.

19 августа

- **1890г.** — Родился Сироткин Александр Савельевич, начальник войск НКВД СССР по охране особо важных предприятий промышленности (1942-1946), начальник войск МВД СССР по охране особо важных объектов промышленности и железных дорог (1946-1951), начальник конвойной охраны МВД СССР (1951-1954), начальник Главного управления внутренней и конвойной охраны МВД СССР (1955-1956), генерал-лейтенант. Умер в 1965 г.

22 августа

- **1991г.** — Президент РСФСР подписал Указ "О прекращении деятельности военно-политических органов и организационных структур политических партий в Вооруженных Силах СССР на территории РСФСР".

25 августа

- **1914г.** — Родился Епанчин Александр Дмитриевич, Герой Советского Союза, возглавлявший внутренние и конвойные войска МВД СССР (1957), генерал-лейтенант. С 1956г. — начштаба пограничных и внутренних войск МВД СССР, некоторое время исполнял обязанности начальника Главного управления внутренних и конвойных войск МВД СССР. Затем находился на военно-дипломатической работе. Умер в 1991г.

30 августа

- **1996г.** — в результате переговоров в г.Хасавюрте (Дагестан) было подписано соглашение о путях урегулирования конфликта в Чечне. Этим соглашением завершилась первая чеченская кампания.

По материалам
Центрального музея внутренних войск МВД России

ПРОТИВ ВОЙСК ГОМИНЬДАНА

В мае 1896 года был заключен секретный российско-китайский договор о строительстве на северо-востоке Китая (в Маньчжурии) железнодорожной линии, известной впоследствии как Китайско-Восточная железная дорога — КВЖД и ставшей важнейшим участком гигантской по протяженности — от Москвы до Владивостока — Транссибирской магистрали. Дорога, которая пролегла через территорию Китая, значительно сократила время нахождения поездов в пути. А это было особенно важно в условиях ухудшающихся с каждым годом отношений с Японией: Транссиб являлся единственной железнодорожной коммуникацией, связывающей европейскую часть Российской империи с Дальним Востоком.

Дорога находилась под юрисдикцией России, Китай же ограничил ролью акционерера. Функционировать КВЖД начала в 1903 году.

Строительство дороги на территории другого государства и вытекающий отсюда особый, экстерриториальный статус КВЖД обусловили необходимость создания так называемой полосы отчуждения, включавшей в себя, помимо самой железнодорожной линии, объекты обеспечения ее функционирования и жизнедеятельности обслуживающего персонала. Для несения службы по их охране, кроме железнодорожной полиции, были сформированы специальные воинские подразделения Охранной стражи Китайско-Восточной железной дороги. Маньчжурия традиционно пользовалась дурной славой одной из самых неспокойных провинций Поднебесной империи.

В 1897 году силы стражи насчитывали 5 конных сотен, в 1900 году — 19 сотен (2500 шашек) и 8 стрелковых рот (2000 штыков). Управление Охранной стражи, первым начальником которого стал полковник А.А. Гернгросс, находилось в г. Харбине — административном центре КВЖД.

В 1901 году Охранная стража была преобразована в Заамурский

округ Пограничной стражи, насчитывающий 4 бригады общей численностью свыше 25 тысяч человек. Кстати, военную службу в этих частях проходили будущие генералы Л.Г. Корнилов и А.И. Деникин, а также один из известных государственных деятелей России начала XX века А.И. Гучков.

Концентрация многочисленного воинского контингента в полосе отчуждения во многом объяснялась непрекращающимися набегами на дорожные объекты местных разбойничьих шайк и крестьянских повстанческих отрядов, активизировавших свою деятельность с началом боксерского восстания 1900 года в Китае. Маньчжурские разбойники (хунхузы) и повстанцы систематически грабили железнодорожные объекты и составы, нередко разрушали пути. Сложная криминальная ситуация заставляла соблюдать соответствующие меры безопасности при несении службы. Так, стационарным постам вменялось в обязанность обеспечивать круговое освещение зоны непосредственной охраны в радиусе не менее 25 верст, конным же разъездам — осуществлять патрулирование, со всесторонним охватом не менее 75 верст.

Первоначально войска охраны КВЖД комплектовались из военнослужащих, вышедших в отставку, что объяснялось нежеланием России афишировать свое военное присутствие на территории суверенного государства. Но после крупномасштабного восстания в Китае в 1900 году, для подавления которого российское правительство вместе с правительствами других ведущих мировых держав направило в эту страну части своей регулярной армии, вышеуказанная формальность потеряла практический смысл, и набор военнослужащих в войска полосы отчуждения производился в том же порядке, что и во все виды вооруженных сил. Как правило, личный состав Охранной стражи КВЖД и сменившего ее затем Корпуса Пограничной стражи комплектовался из забайкальских казаков, быстро адаптирующихся к условиям Маньчжурии.

События 1917 года и последовавшая за ними Гражданская война в России самым пагубным образом отразились на судьбе КВЖД, которая мгновенно стала причиной столкновения интересов всевозможных революционных и контрреволюционных группировок. Целью всех этих разномастных “борцов за народное счастье” и “спасителей отечества” являлось в конечном счете не восстановление порядка на дороге, а установление контроля над ней. Войска корпуса стражи КВЖД и линейная полиция как официальные структуры перестали существовать — часть их примкнула к различным воюющим сторонам, другая же часть просто разбелась.

Все это привело к тому, что фактический контроль над КВЖД перешел к Китаю. Полоса отчуждения, являвшаяся признаком присутствия России в Маньчжурии, осталась лишь достоянием истории. Только ценой огромных усилий, на основании соглашений от 31 мая и 20 сентября 1924 года, Советский Союз оставил за собой право совместного с Китаем управления дорогой.

Ситуация вокруг КВЖД резко обострилась в 1927 году, после фактического захвата власти в Китайской республике лидером национально-буржуазной партии (Гоминьдана) генералом Чан Кай-Ши, открыто требовавшим перехода дороги в полное подчинение Китаю. В декабре того же года китайское правительство разорвало дипломатические отношения с СССР. По всей стране последовали разгромы советских консульств и торговых представительств, активнейшее участие в которых приняли российские белоэмигранты, главным образом бывшие военслужащие. Пять ответственных работников консульства СССР были убиты в городе Кантоне. Конфронтация достигла своего критического уровня в 1929 году, когда против граждан СССР, находившихся в Китае, был развязан открытый террор, вплоть до физической расправы, а части китайской регулярной армии, сконцентрированные на границе, начали систематически обстреливать советскую территорию. Счет жертв этих обстрелов вскоре пошел на десятки. Бандгруппы, состоявшие из антисоветских элементов, постоянно совершали налеты на дальневосточные рубежи СССР. С 18 августа того же года на советскую территорию стали вторгаться и войска Гоминьдана.

5 сентября 1929 года части армии Чан Кай-Ши и вооруженные формирования белоэмиграции, дислоцировавшиеся в районе города Тююпай (Китайское Приамурье), после интенсивной артподготовки, форсировав реку Амур, предприняли штурм советского погранпоселения, находившегося на противоположном берегу. Их встретили подразделения 58-го погранотряда Управления пограничной охраны и 2-го отдельного кавалерийского полка войск ОГПУ Дальневосточного края. Воины-чекисты не только отразили наступление противника и отбросили его за реку, но и сами в составе сводной десантной группы атаковали китайцев на их территории, а затем буквально на плечах отступающего врага ворвались в Тююпай. Неприятель, обладающий огромным численным превосходством, упорно защищался, пытаясь удержать город, однако противостоять яростному натиску десанта оказался не в состоянии. Разгром был полным: только убитыми китайцы потеряли пятьдесят человек личного состава, не говоря уже о внушительном числе пленных и трофеев, захваченных чекистами.

Сражение у Тююпая явилось первым крупным боевым столкновением советских и китайских войск в период военного конфликта 1929 года и одновременно первой победой советского оружия в этой непродолжительной войне. Бойцы войск ОГПУ нанесли поражение отборным частям регулярной армии противника, несмотря на его неоспоримое преимущество в живой силе и технике. Решающую роль здесь сыграли не только личное мужество красноармейцев и командиров, но также отменная тактическая выучка и инициатива, проявленные на всех уровнях командного состава. Возможно, именно после этого боя китайцы поняли, что война с СССР, затеваемая Чан Кай-Ши, скорее всего будет проходить на их собственной территории.

2-й отдельный кавполк войск ОГПУ ДВК вел свое начало от отряда войск госполиции Дальневосточной республики, сформированного в июне 1920 года в городе Верхнеудинске. Пунктами постоянной дислокации части с июля 1924 года по сентябрь 1937 года являлись Чита и Хабаровск.

Вскоре после боев под Тююпаем дивизион полка в количестве 106 сабель вместе с подразделениями 58-го погранотряда был направлен в Черниговский район Владивостокского округа на ликвидацию проникшей из Маньчжурии бандгруппы полковника Мохова. К этому времени правительство СССР окончательно убедилось в тщетности попыток прекратить бесчинства китайских властей на

КВЖД путем переговоров, и 30 октября 1929 года советские войска двинулись на Маньчжурию. Для участия в боевых действиях были привлечены части Особой Дальневосточной армии, Управления пограничной охраны и войск ОГПУ Дальневосточного края, а также Амурская военная флотилия.

В составе сводных сил действовали и подразделения 2-го кавполка ОГПУ, особенно отличившиеся при захвате городов Лахасусу и Фукдина, а также во время операции под Мишань-Фу. Наиболее деятельное участие в кампании 1929 года принял учебный дивизион полка с приданной ему конно-артиллерийской батареей. Успех полевых частей Красной Армии во многом зависел от действий этой маневренной группы, обеспечившей, в частности, молниеносный захват Фукдина. На многих участках превосходящие силы гоминьдановцев оказались парализованными в результате смелых, глубоких рейдов кавалеристов дивизиона, уничтожавших вражеские коммуникационные линии и объекты.

Поражение Китая становилось все более очевидным. В ходе крупных военных операций — Сунгарийской, Мишань-Фуской и Чжалайнар-Маньчжурской — советские войска разгромили основные силы противника и вышли к КВЖД. В плен попали около 9 тысяч солдат и 250 офицеров китайской армии, в том числе командующий Северо-Западным фронтом генерал Лян Чжунцзян со всем своим штабом. Одновременно завершилась ликвидация большинства бандформирований, ранее вторгшихся в районы советского Приморья, Приамурья, а также Забайкалья.

3 декабря 1929 года был подписан советско-китайский протокол о восстановлении права СССР на совместное с Китаем управление КВЖД, а 22 декабря того же года — протокол об урегулировании конфликта в целом.

2-й отдельный кавалерийский полк войск ОГПУ ДВК был отмечен благодарностями наркома военных и морских дел К.Е. Ворошилова и полномочного представителя ОГПУ по Дальневосточному краю.

Однако вскоре проблема Китайско-Восточной железной дороги вновь предстала перед руководством Советского Союза. Вышедшая в 1931 году из состава Китайской республики Маньчжурия, по территории которой проходила линия КВЖД, в вежливой ультимативной форме заявила о своем намерении выкупить дорогу. Угроза, исходящая от самой маленькой, слабой во всех отношениях Маньчжурии, разумеется, не могла быть воспринята всерьез. Но за Маньчжурией стоял ее могущественный покровитель и действительный претендент на КВЖД — Япония, уже вторгшаяся к тому времени в отдельные провинции Китая. Пользуясь негласной поддержкой своего влиятельного сюзерена, маньчжурские власти создали невыносимые условия для нормального функционирования дороги. Обострение отношений с Японией означало скорую и весьма малоперспективную войну с ней, и в марте 1935 года СССР вынужденно уступил свои права на КВЖД правительству Маньчжурии (фактически Японии). Вышедшая из-под советско-китайской юрисдикции КВЖД стала именоваться Северо-Маньчжурской железной дорогой. В 1945 году, после окончания Второй мировой войны, дорога снова перешла в совместное ведение Москвы и Пекина и получила название “Китайско-Чанчуньская железная дорога”.

И наконец, в сентябре 1952 года знаменитая и многострадальная железнодорожная линия утратила свой особый статус — СССР безвозмездно передал управление дорогой Китайской Народной Республике, во главе которой окончательного утвердились коммунисты. В 1953 году КВЖД обрела свое последнее наименование — “Харбинская железная дорога”.

Шестью годами раньше, в мае 1946 года, в городе Сталинабаде Таджикской ССР был расформирован 389-й мотострелковый полк внутренних войск НКВД — наследник 2-го отдельного Дальневосточного Краснознаменного кавалерийского полка войск ОГПУ, прославившегося на той, до сих пор малоизвестной, длившейся всего четыре недели войне. В сисках личного состава расформированной части значились почетные красноармейцы — командир отделения Петухов Иван Алексеевич и курсант полковой школы Циркин Василий Осипович, павшие смертью храбрых в бою под Тююпаем 5 сентября 1929 года.

**Подполковник
Тимур МАКОЕВ**

История Ольги Сарбей

"Здравствуй, милая Анечка!

Получила от тебя сразу 2 письма в один день. Я даже не могла обедать, мне во время обеда приносят 2 письма. Я не могу передать ту радость, за мной все мои сестры бегом бегают, радуются вместе со мной. Анечка, как радостно, когда получаешь письма, я как будто тебя увидела. Анечка, уже наши воины Красной Армии освободили 400 населенных пунктов в Харьковской области. Скоро будут в Харькове, поедешь опять учиться. Так же? Анечка, я буду тебе помогать, если будешь учиться. Анечка, я получила письмо из Ворошиловградской области от папы, но он писал на полк, а из полка мне адресовали сюда. Аня, покупать мне не надо пока ничего, кроме чулок — и все. Аня, очень прошу, возьми отпуск и приезжай к папе, а оттуда ты скорее найдешь меня".

Это письмо написала с фронта старшей сестре 22-летняя военфельдшер Ольга Сарбей. Глядя на ее довоенную фотографию, кто мог бы подумать, что эта красивая, совсем юная девушка, избравшая самую человечную и мирную профессию — лечить и спасать людей, на третий день войны уйдет добровольцем на фронт, будет участвовать в боях на Украине, под Сталинградом и на Кубани, работать в полевом госпитале, выносить из-под огня раненых, ходить в разведку и героически погибнет в последнем бою, подняв роту в атаку и заставив фашистов отступить?

Ольга Сарбей родилась 23 июля 1920 года. Детство ее прошло в селе Богатырь Больше-Янисольского района Сталинской (Донецкой) области Украинской ССР. Родители, по национальности греки, были крестьянами, работали в колхозе. Жили все под одной крышей: дед, бабка, мать, отец и шестеро детей. Оля была пятым ребенком в семье, из сестер — самая младшая. "Наш дом был глинобитный, с земляными полами, — писала в воспоминаниях ее сестра Анна Герасимовна Сарбей, — крыша под камышом. Около дома — высокие деревья белой акации, между деревьями мы выращивали цветы. На приусадебном участке был фруктовый сад, выращивали разные овощи и картофель. Немцы сожгли все деревья, после войны отец вновь посадил фруктовые деревья. Все мы с детства приучены к физическому труду. Родители никогда на детей не повышали голоса, дисциплина соблюдалась". Как рассказывала сестра, Оля всегда была доброжелательной, трудолю-

бивой, одновременно серьезной и веселой; повзрослев, стремилась к независимости, никогда не унывала и не теряла чувства юмора.

Задолго до войны повзрослевшие дети стали покидать родное село: Люба уехала в г. Бердянск учиться в железнодорожном техникуме, Пантелей — в г. Енакиеве, где после ФЗУ пошел работать на завод, Вера устроилась кассиром в магазине на станции Гая. Анна Герасимовна окончила зоологический техникум, затем поступила в Харьковский зоотехнический институт. Наступил черед Ольги.

Еще в детстве, перенеся тяжелую болезнь, Оля решила стать врачом. "Я буду лечить детей, чтобы они были здоровыми", — говорила она. После окончания школы она поступила в медицинский техникум в г. Сталино (Донецке). Летом того же года в ее семье произошла трагедия: в августе во время грозы от удара молнии погибли мама и младший брат Гриша, собиравшие в саду абрикосы. Оля находилась рядом, получила контузию, пять дней не могла говорить. Но жизнь продолжалась, и осенью Ольга поехала учиться. Окончив техникум, она получила направление в Буденновский район. Там она работала старшей медсестрой родильного отделения в районной больнице, и в августе 1940 года Аня приехала ее навестить. По ее словам, Оля была довольна своей работой, с увлечением о ней рассказывала сестре во время их последней встречи.

Когда началась война, комсомолка Ольга Сарбей добровольцем вступила в Красную Армию. В селе Богатырь остались отец и бабушка. Анна Герасимовна перед началом войны уехала работать на Алтай. Долгое время от Ольги не было вестей, письма начали приходить только в 1942 году, когда она стала работать в передвижном полевом госпитале № 690 37-й армии Юго-Западного фронта.

"8.V.42 г.

Здравствуй, Аня!

Чего молчишь? А? Не слышу, кричи громче с Алтая. Милая Анечка, меня очень тревожит твоё молчание, неужели ты не имеешь времени, чтоб написать пару слов за себя и вообще. Я рабо-

таю, как тебе уже должно быть известно, в полевом передвижном госпитале № 690 с 30.I.42 г. Пишу тебе почти каждый день, но почему ответа нет, я не могу себе выяснить. Аня, напиши, в чем ты нуждаешься. Как твое здоровье? Береги себя. Как я работаю? Дорогая Анечка, пока я пользуюсь авторитетом в своей работе. К 1 мая я получила от командующего армии благодарность. Анечка, буду нажимать на все свои педали, чтоб получить больше, чем благодарность. Скоро будем в своем родном городе. У нас в госпитале гитлеровцы лежат, как людоеды — у нас в ППГ их лежит 8 человек немцев. А если б ты видела, я их органически не могу переваривать. Анечка, у меня очень много интересного есть рассказать, но это когда увижусь с тобой, расскажу все, все. Анечка! Ох! Если бы ты знала, как я соскучилась за тобой, и за Верочкой, за Любкой, за ее дочуркой. Пантелей, как он? А отец и бабушка? Никого мы с тобой не найдем. Аня! У меня был боевой друг, преданный Родине, как человек — хороший, смелый, но пуля злодея сильно ранила его, и он направлен в госпиталь, не знаю куда. И где, жив или нет? Тоже неизвестно. Как тяжело это переносить, когда безумно его я любила. Да! Ну что ж. С ППГ-690 я уеду скоро на передовую линию, тогда ты за меня услышишь, буду мстить врагу за него, я заменю его в любых условиях войны. Сама убивать буду немецких гадов.

Ну, милая, пока до свидания. Остаюсь с приветом, твоя сестра Оля. Целую тебя крепко. Жду ответа. Оля”.

Ольга Сарбей сдержала обещание, данное в письме: она участвовала в боях и мстила фашистам за любимого человека. Бои велись вблизи ее малой родины: до города Большой Янисоль и ее родного села, казалось, было рукой подать, вот-вот прогонят фашистов с родной земли. Однако в это же время немцы готовили генеральное наступление на востоке. Их целью были Кавказ, наши основные нефтяные промыслы. Летом 1942 года советским войскам под натиском фашистов пришлось оставить Ростов, Ворошиловградскую область (где находился в эвакуации отец Ольги), всю территорию вплоть до Волги. Завязалась ожесточенная Сталинградская битва и битва за Кавказ.

В июле Ольга Сарбей была ранена в ногу, попала в госпиталь, а после выздоровления была определена в другую часть — 273-й стрелковый полк 10-й дивизии войск НКВД, которая сражалась в Сталинграде. О службе Ольги в этом полку оставила воспоминания ее сослуживица, врач 273-го полка Елена Захаровна Московцева:

“Я... узнала Ольгу Сарбей в первых числах августа в Сталинграде, когда она была направлена после излечения в госпитале ... в 273-й стрелковый полк... Я обратила внимание на юное привлекательное лицо... и суровый взгляд. Наш полк был направлен к излучине Дона на боевое задание, она шла в строю, чуть прихрамывая, но не жалуюсь. Во время боя держалась смело, достойно, оказывая

необходимую помощь раненым. А когда 273-й полк по приказу Верховного главнокомандования был перебросен на Северный Кавказ, в г. Орджоникидзе в Орджоникидзевскую дивизию ВВ НКВД для защиты нефти Закавказья, она у начальника полковой разведки майора Непомилова В.И. выпросила разрешение пойти в разведку. После возвращения разведчиков я разговаривала с командиром разведки об Оле, он сказал, что она очень выносливая в походе и смелая. Я ее спросила: “Зачем ты ходила в разведку, ведь опасно?”, она ответила: “Хотела проверить себя в трудных условиях, в будущих боях это может пригодиться”.

Из наградного листа военфельдшера О.Г. Сарбей:

“... Смелость и решительность она показала в боях с немецкими фашистами. Находясь в г. Сталинграде, рота подверглась бомбардировке вражескими самолетами; она, презирая смерть, оказала первую помощь и эвакуировала 5 раненых. В период боев у г. Орджоникидзе под градом вражеских бомб она эвакуировала из санитарной части 23 раненых бойца в медсанбат и оказала помощь 3 раненым из гражданского населения... Там, где требовалась медицинская помощь, независимо от обстановки и времени, там появлялась тов. Сарбей, показывая свою смелость и решительность в действиях.

Пять раз она по собственному желанию ходила в разведку, одна из ее разведок была тесно связана с наступательными действиями Особого полка на р.ц. Гизель... Находясь в разведках, она под минометным и артиллерийским обстрелом по собственной инициативе, находясь в непосредственной близости с противником, велла наблюдение, доставляя ценные сведения о противнике...”

Сама Ольга в эти дни написала сестре:

“г. Орджоникидзе

Милая Анечка!

Разрешить передать тебе горячий чистосердечный привет. Аня, я писала о себе очень много. Я после ранения попала в другую часть, работаю в санчасти полка фельдшером, мне там, где я была, уже должны были присвоить старшего фельдшера. Там я имела боевые хорошие отзывы, а здесь меня не знают, и я сначала начинаю действовать — уже за Кавказ: или грудь в крестах или голова в кустах. Аня, видишь, сколько я уже на фронте, и все уже перенесла и жива. Если гитлеровских людоедов выбьем с Кавказа и останусь еще жива, то знай, что приеду в гости, и тогда мы с тобой заживем... Ох, мечты, мечты!”

“10.XI.42г. Пришла с передовой в санчасть — и мне письмо. Какое счастье, как я была благодарна, что усталость и бессонные ночи ушли и я их (больше) не чувствовала. Меня спрашивают о наступлении, о немцах, а я жадно прочитала письмо 5 раз. Поверь, все смотрят на меня, замазурю. Ох, Аня, какая я смешная была, когда пришла с передовой ... если бы ты увидела меня, то не узнала бы. Грязная была, потому что грязь, дожди, и я как замараш-

Сестра Ольги
Сарбей Анна
Герасимовна у ее
могилы в станице
Неберджаевская.
1986 г.

Обелиск на братской
могиле
в ст. Неберджаевская.
1986 г.

ка. А теперь все в порядке, чистая...

13.XI.42 г. Ухожу опять. Почему? Потому что я отвечаю за эвакуацию раненых с поля боя до санчасти полка. Работы хватает, но сила еще есть работать. Жду письма, пиши каждый день, я при возможности буду часто писать. Остаюсь с приветом. Целую крепко. Жду ответа. Привет всем начальникам и бывшим фронтовикам, которые у вас работают в тыловой части фронта".

В этих строках она вся: по-хорошему честолюбивая, стойко переносящая трудности, сильная, отважная, без лишних жалоб выполняющая свой долг — и, в сущности, совсем еще молодая, задорная девушка, которая во всякой мелочи и в самих своих тяготах ищет повод для смеха и радости. И сколько радости ей доставляли письма, приносившие привет от близкого человека из тех краев, где не рвались снаряды и не свирепствовала смерть.

В начале 1943 года, после того как немецко-фашистская группировка была окружена и разгромлена под Сталинградом, а на Кавказе началось стремительное наступление Красной Армии, активные боевые действия перенесли в район Кубани. За три месяца боев советские войска освободили от фашистов Краснодарский край, однако встретили упорное сопротивление врага на Таманском полуострове. Здесь проходила отлично укрепленная знаменитая "Голубая линия" фашистской обороны. Тяжелые, затяжные бои завязались в мае 1943 года на подступах к ней в районе станицы Крымская. Там сражалась Ольга Сарбей, и там она приняла свой последний бой.

В марте 1943 года, специально для прорыва "Голубой линии" в районе ст. Крымская, на базе Орджоникидзевской дивизии формируется Отдельная стрелковая дивизия войск НКВД (командир — генерал-майор И.И. Пияшев). Спустя месяц в новую дивизию пе-

редается отряд численностью более 500 человек — военнослужащие 273-го полка войск НКВД. Среди них — военфельдшер О.Г. Сарбей. Отряд в составе 145-го полка Отдельной дивизии войск НКВД направляется в Крымский район Краснодарского края. 12 апреля 43-го года на окраине станицы Абинской в боевой обстановке состоялось заседание бюро партийной организации 145-го полка: комсомолка Ольга Сарбей была принята кандидатом ВКП(б) как "отличившаяся в боях с немецкими оккупантами". К тому времени ее храбрость в бою уже была отмечена медалью "За отвагу" (приказом командования Орджоникидзевской дивизии войск НКВД от 23 февраля 1943 года).

В начале мая 145-й полк выполнял очередную задачу: в течение двух ночей скрытно продвигался к станице Неберджаевской, форсировал р. Неберджаюку, преодолел проволочные заграждения и без артиллерийской подготовки вступил в бой.

Вот как вспоминал об этом участник событий — бывший зам. командира батальона 145-го полка по политчасти П.Г. Куприченков (его рассказ был ранее опубликован в книге "Последние письма с фронта"):

"В 14.30 5 мая 1943 года 145-й стрелковый полк двумя батальонами в первом эшелоне и одним со спецподразделениями — во втором, без артподготовки, ведя максимальный огонь из своего стрелкового оружия, рванул в атаку на немцев. Они были ошарашены этим натиском. Мы врзались в первую траншею, а за нею были еще вторая и третья в лесном массиве.

В это время совершила свой подвиг Ольга Сарбей. Когда бойцы штурмовали окопы, она оказывала помощь раненым, следуя за цепью наступления. Во время боя погиб командир роты. Движение вперед замедлилось. Ольга сразу же поняла всю опасность сложившейся обстановки, грозившей срывом атаки. Она передала свою сумку одному из бойцов и сама повела роту вперед. В станице осколок разорвавшейся мины оборвал ее молодую жизнь. Похоронили Ольгу в братской могиле, не скрывая скупых мужских слез..."

Но есть еще одно свидетельство, согласно которому Ольга погибла не сразу после вступления в станицу Неберджаевскую. В "Истории 145 сп ВВ НКВД", которая теперь хранится в Российском государственном военном архиве, отмечено, что "военфельдшер Сарбей одной из первых вступила в Неберджаевскую и развернула там медпункт для оказания помощи раненым. Эти действия были замечены немецкими автоматчиками, которые пытались окружить дом, но огнем, организованным Сарбей, много автоматчиков было убито. Подоспевшая рота спасла положение Сарбей и освободила ее из окружения. В одной из атак она погибла смертью героя".

Военфельдшер Ольга Сарбей была награждена орденом Отечественной войны II степени (посмертно).

Братская могила в станице Неберджаевской стала последним пристанищем многих бойцов и командиров, погибших в боях в марте-сентябре 1943 года в этой местности. Только в 1985 году, в год 40-летия великой Победы, после кропотливой работы, проделанной поисковыми отрядами, на могиле был воздвигнут обелиск с именами 2500 павших воинов, в том числе с именем Ольги Сарбей. О жизни и героической гибели этой отважной женщины рассказывает мемориальная доска, установленная в ее родном селе Богатырь. В Донецкой области до сих пор живут родственники Ольги — дети и внуки ее брата Пантелея.

Судьба Ольги Сарбей много лет назад заинтересовала сотрудников Центрального музея внутренних войск. Ведущий научный сотрудник музея С. М. Штутман провел большую поисковую работу, завязал переписку с однополчанами Ольги и с ее старшей сестрой — Анной Герасимовной Сарбей, которая передала музею фотографии и письма отважной героини. Его очерк, посвященный Сарбей, был включен в книгу "Последние письма с фронта". А в экспозиции Центрального музея внутренних войск появилась фотография Ольги Сарбей. На фронтовой фотокарточке — серьезная, чуть уставшая молодая женщина с кубиками военфельдшера на воротнике гимнастерки. Ей многое довелось увидеть и пережить: смерть матери, потерю любимого человека, гибель друзей, однополчан и совсем незнакомых людей. Ее глаза видели войну. Но она знала, что впереди — победа.

Кристина ПАЦЫНА,
научный сотрудник Центрального музея ВВ МВД РФ
Фото из фондов ЦМ ВВ МВД России

ТРИ ГОДА в боях и рейдах

гер поспешил доложить Гиммлеру о победе над партизанами. Но, как после выяснилось, роковой удар пришелся по его же войскам, которые в это время начали прочесывать блокированную местность, чтобы окончательно ликвидировать на ней партизан.

Стремясь вырваться из двойного вражеского кольца, командование партизанского соединения решило в ночь на 4 августа атаковать противника в городе Делятин. Там обосновался со своим штабом сам генерал Крюгер, его охранял батальон эс-совцев. Но главное — в городе находился мост через своенравную горную реку Прут.

Вечером 3 августа перед боем наш комиссар Руднев поднялся на знаменитый камень Довбуша и обратился к нам с речью:

— Товарищи! Друзья мои!.. Мы не хотим скрывать от вас правды. Пусть горькая, но правда: мы окружены. У нас есть только один выход — атаковать гитлеровцев в Делятине, уничтожить их и вырваться из вражеского кольца! Я знаю, это нелегко. Мы уже четверо суток ничего не ели, многие из нас едва держатся на ногах... И все-таки мы — сила! Большая многонациональная сила! Мы — посланцы нашей великой Родины в захваченном фашистами крае, а значит, должны, просто обязаны победить! Но война есть война. Возможно, не всем нам удастся вырваться из этой мертвой петли. Возможно, и я говорю с вами в последний раз. Но другого выхода у нас нет. Вперед, друзья!

И вот к часу ночи головной Путивльский и Шалыгинский отряды с севера, а наш Кролевецкий — с юго-запада без шума подошли к окраине города и внезапной атакой, за полчаса овладели им. Глуховский отряд не успел к 1.00 выйти на исходный рубеж и в штурме не участвовал. Гарнизон противника был уничтожен полностью. Крюгеру удалось в одних трусах вскочить в стоявший у окна броневик и ударить из города, оставив нам на память свои генеральские лампы.

Захватив Делятин, мы взорвали все мосты на шоссе и железных дорогах, проходивших через город, форсировали реку Прут. Необходимо было, как того требовал приказ, тут же уходить из города на север. Но в ночной темноте от основных сил отстала колонна с ранеными, которых было более пятидесяти человек. Их несли на руках здоровые. Словом, отделилось около двухсот человек. Пришлось ждать до рассвета.

Первой из Делятина в Заречье ушла 3-я рота Федора Карпенко, очень надежного командира. Она-то встретила на вос-

точной окраине Заречья 374-й горно-стрелковый полк, спешивший на помощь Крюгеру. Завязался неравный встречный бой. Услышав стрельбу на восточной окраине Заречья, Руднев, находившийся в это время с Ковпаком у моста, помчался со 2-й ротой к месту боя.

Жестокий бой с горно-стрелковым полком и другими частями немцев, подошедшими следом, длился больше часа. Ковпаковцы уничтожили около тысячи фашистских солдат и офицеров, танк, две бронемашин, восемьдесят пять автомашин, взорвали все мосты на шоссе и железных дорогах, идущих через Делятин. Захвачены были большие трофеи. Одних пулеметов мы взяли пятнадцать. Но в этом неравном бою погиб наш любимый комиссар С.В. Руднев.

К исходу 5 августа гитлеровцам вновь удалось окружить наше соединение в лесу между Ланчином и Железным Потоком. Петр Петрович Вершигора предложил применить "звездный маневр" знаменитого партизана 1812 года Дениса Давыдова. Благодаря этому, мы ночью незаметно выскользнули из вражеского кольца семью самостоятельными отрядами — "лучами". Каждый из них ушел в назначенный ему район, где затаились до ухода карателей из гор. После этого мы продолжили выполнять поставленную Верховным главнокомандованием боевую задачу.

Для этого Путивльский отряд, самый крупный, был разделен на три группы. Глуховский, Кролевецкий и Шалыгинский остались в прежнем составе. Санчасти, в которой было восемьдесят три тяжелораненых, предстояло укрыться в урочищах Мочар и Осередок под охраной роты Николая Курочкина.

С этой ночи и до 1 октября 1943 года соединение выходило из гор в Полесье отдельными отрядами и группами самостоятельно маршрутами. На стокилометровом фронте по территории Ивано-Франковской, Тернопольской, Хмельницкой, Львовской, Ровенской и Житомирской областей. Эти группы уничтожали на своем пути вражеские гарнизоны, комендатуры, захватывали склады, поднимали народ на борьбу, вселяли страх в оккупантов и их прислужников — полицаяв.

1 октября 1943 года в Полесье в хуторе Конотопе закончился наш беспрецедентный карпатский рейд. За четыре месяца этого рейда соединения уничтожило более шести тысяч гитлеровских солдат и офицеров. Это не считая раненых, которых на войне приходилось по четыре-пять на каждого убитого. Кроме того, мы уничтожили четыре танка, две бронемашин, триста трид-

В этих непрерывных боях ковпаковцы израсходовали почти все боеприпасы к отечественному оружию. Командование приняло решение уйти в Венгрию, а оттуда — в Румынию, надеясь таким образом оторваться от войск генерала Крюгера. Но в этом заключался серьезный просчет. Мы не предполагали, что нарушение границы сателлита Германии поднимет против нас еще одну армию. И хотя ударная группа в составе трех рот под командованием П.И. Вершигоры (тогда еще помощника Ковпака по разведке) почти без труда прорвалась через границу, на ее пути вскоре оказались две дивизии генерала Хорти.

Нашему командованию пришлось отказаться от прорыва в Венгрию. Время было потеряно. Боеприпасы израсходованы. Оставалось одно — продолжать неравные бои с войсками Крюгера.

К тому же мы, забравшись высоко в горы, лишились дорог. Двигались только по козьим тропам. Пришлось бросить обоз, взорвать артиллерию, а оставшиеся боеприпасы, взрывчатку и раненых взвалить на собственные плечи.

Между тем вражеские полки продолжали остервенело атаковать нас со всех сторон. Крюгер пообещал солдатам: за каждого убитого партизана пятидневный отпуск в фатерланд, а за каждого пленного — пятнадцать дней!.. За голову Ковпака была объявлена награда — сто тысяч марок и усадьба со всем хозяйством, а в придачу постоянный паек фольксдойча! Позже цена выросла до миллиона марок! Но и эти обещания не помогли разделиться с партизанами! Народ не выдавал нас. Тогда разъяренный Крюгер приказал утром 3 августа нанести по ковпаковцам, окруженным на горе Синичка, удар с воздуха химическими бомбами, а после прочесать весь район.

Однако вечером 2 августа нашим разведчикам удалось обнаружить щель во вражеском кольце. Ночью соединение незаметно выскользнуло из него и, совершив тридцатикилометровый марш, вышло к городу Делятин.

3 августа фашистские летчики сбросили химические бомбы на гору Синичка. Генерал Крю-

Окончание. Нач. в №7

цать автомашин, три самолета, девятнадцать эшелонов с войсками и грузами, более пятидесяти железнодорожных и шоссеиных мостов. Вывели из строя нефтепромыслы в Быткове и Яблонове. Захватили более пятидесяти складов с продовольствием и обмундированием. Но в Полесье вернулись не все коваковцы. Соединение потеряло двести два человека. В основном это были юноши и девушки, только начавшие свою жизнь. Вечная им слава!..

Следует особо отметить историческое значение этого рейда. Он останется в народной памяти как образец невиданного ранее героизма и самоотверженности нашего многонационального народа в годы Великой Отечественной войны. К сожалению, из-за чрезмерных строгостей прежней цензуры, присущих временам культа личности Сталина, а также длительного застоя в военно-исторической науке этот поистине уникальный рейд до сих пор не исследован историками и военными специалистами. Они лишь отмечали, сколько было уничтожено коваковцами живой силы, танков, эшелонов противника, какой материальный урон был нанесен врагу. Но ни слова не было сказано о морально-политическом и стратегическом значении карпатского рейда.

Оно состоит в том, что партизанское командование, находясь в глубоком тылу врага, во-первых, сумело своими решительными и дальновидными действиями задержать подвоз к фронту полтысячи новейших тяжелых "тигров" и "пантер", мощнейших САУ "фердинандов", а также горючего и боеприпасов. И это как раз тогда, когда они остро были нужны гитлеровскому командованию под Курском.

Во-вторых, коваковцы, активно действуя в Карпатах, отвлекли на себя целый армейский корпус немцев. То есть ощутимо помогли Красной Армии сорвать далеко идущий стратегический замысел Гитлера, что дает коваковцам право тоже считать себя участниками знаменитой Курской битвы.

В-третьих, в ходе карпатского рейда партизанские полководцы Ковпак, Руднев и Вершигора разработали новые тактические способы ведения боевых действий — рейдовую тактику и так называемый "звездный", или давыдовский маневр. Все это имеет в современной высокоманевренной войне большое значение, ибо позволяет войсковым соединениям без потерь вырываться из вражеского окружения.

К сожалению, наша военная наука до сих пор еще не сделала ничего, чтобы использовать это важнейшее достижение военной мысли для подготовки современной армии.

В-четвертых, не оценено как следует и политическое значение рейда. Ведь именно наше соединение сорвало своими действиями крупную политическую акцию Гитлера по онемечиванию Галиции и Люблинского воеводства. Придя в эти районы, коваковцы подняли на борьбу против оккупантов десятки тысяч патриотов, спасли миллионы наших и польских граждан от каторжных работ в Германии.

Гейбельс и его оуновские подручные два года кричали о том, что сила немецкого оружия принесет "неминуемую победу" Германии. Но с приходом коваковцев в Галицию эти амбициозные прогнозы лопнули как

мыльные пузыри. Местные жители сразу увидели, что патриоты советской Украины продолжают активную борьбу против оккупантов, поняли, что скоро придет сюда Красная Армия. И поэтому стали активно помогать нам.

Благодаря их бескорыстной поддержке нам удалось выстоять против многократно превосходящего противника, победить врага, выполнить важнейшее боевое задание и благополучно вернуться в Полесье.

Родина высоко оценила боевой подвиг коваковцев. Командир соединения С.А. Ковпак за этот рейд был удостоен второй Звезды Героя Советского Союза. А нашему любимому комиссару С.В. Рудневу посмертно присвоили звание Героя Советского Союза. Пятьсот девятнадцать партизан и партизанок были награждены орденами и медалями СССР. Сотни мирных патриотов-прикарпатцев были удостоены правительственных наград.

После карпатского рейда, уже без Ковпака, раненного в горах, и без Руднева, трагически погибшего у села Заречье, наше соединение под командованием П.П. Вершигоры, достойного ученика Ковпака и Руднева, провело еще два стратегически важных рейда. Сначала в Польшу, а затем в Восточную Пруссию.

Свой приход в Польшу мы отмечали громко, можно даже сказать, с треском. В ночь на 19 февраля 1944 года в один и тот же час почти на столятидесятикилометровом фронте наши минеры взорвали полтора десятка мостов на шоссеиных и железных дорогах, идущих с запада к Львову. Взлетела на воздух и водоканка на самой станции, снабжавшая водой паровозы. Почти на месяц был парализован крупнейший узел железных и шоссеиных дорог. В ту же ночь мы уничтожили несколько крупных вражеских гарнизонов. Причем все совершили при активном участии польских партизан. Это был второй дальноточный удар коваковцев по вермахту, произведенный Вершигорой на территории Польши.

Гитлеровский наместник в Польше доктор Франк понял по почерку: появилась грозная сила, способная поднять поляков на активную борьбу против оккупантов. Этого фюрер ему не простит. Поэтому на уничтожение двух тысяч коваковцев снова были брошены в ущерб фронту 7-я дивизия СС "Викинг", 8-я дивизия СС Роммеля, 14-я дивизия СС "Галичина", парашютная дивизия "Герман Геринг", несколько полицейских полков с танками, артиллерией, авиацией общей численностью около пятидесяти тысяч человек. Три месяца они гонялись за нами, сто тридцать девять раз пытались окружить и уничтожить соединение. В тех отчаянных схватках, особенно 26 февраля, 6 и 9 марта, моему полку удалось из засад без особого труда расстрелять четыре полнокровных вражеских полка, когда те двигались в походных колоннах. Каждый раз мы затрачивали на это около четверти часа, не потеряли при этом ни одного человека. Причем с нашей стороны в засадах участвовало не более сотни партизан.

18 марта мы внезапным налетом захватили на реке Западный Буг у села Могильница мост, полностью уничтожив спящую охрану. По нему мы ушли из Польши в Белоруссию. Сначала в Брестскую, затем в тог-

дашнюю Пинскую область, в огромный лесной край.

Войска доктора Франка, потеряв только убитыми около десяти тысяч солдат и офицеров, семьдесят пять танков, не считая двадцати четырех уничтоженных воинских эшелонов с войсками, техникой и боеприпасами, не стали преследовать нас на территории соседнего генерал-губернаторства.

За три месяца 1-я Украинская партизанская дивизия в ста тридцати девяти боях потеряла сто сорок пять бойцов. Мы горько оплакивали своих товарищей. Но, по военным меркам, эти потери, да еще при таком невыгодном для нас соотношении сил с врагом, были невелики. Как и прежде, неоценимую помощь в тех отчаянных схватках оказали нам ее величество местность и польские жители. Они всегда и везде были нашими верными помощниками, а мы их надежными защитниками.

Совместная самоотверженная борьба советских и польских патриотов была по достоинству оценена руководством Польской объединенной рабочей партии и народным правительством. Многие советские командиры были награждены высокими польскими орденами. Я тоже был удостоен высшей награды тех лет — Креста Грюнвальда и Партизанского креста. А польский премьер Петр Ярошевич, выступая в Повятовском Взмуже перед столятидесяти тысячной аудиторией в день открытия партизанского мемориала в Яновском лесу, так оценил наш рейд:

— Приход коваковцев в феврале 1944 года в Польшу был первой ласточкой победы польского народа над гитлеровскими захватчиками.

И действительно, наш приход в Польшу значительно активизировал партизанскую борьбу местного населения.

Высоко оценило героический рейд коваковцев и советское правительство. Восемь человек были удостоены высокой награды нашей Родины — Золотой Звезды Героя: командир 1-й Украинской партизанской дивизии имени дважды Героя Советского Союза С.А. Ковпака Петр Петрович Вершигора (кроме того, за этот беспримерный рейд он получил и генеральские погонь), начальник штаба дивизии Василий Александрович Войцехович, командиры полков Давид Ильич Бакрадзе, Петр Леонтьевич Кульбака и я, командир кавдивизиона Александр Николаевич Ленкин, командир кавэскадрона Семен Павлович Тутученко и мой комбат-6, мастер ближнего боя Андрей Калинович Цымбал.

А вот что написал в наградном листе обо мне командир 1-й УПД П.П. Вершигора:

"Тов. Брайко П.Е. в дивизии с февраля 1942 года. До марта 1942 года был командиром группы Конотопского п/о, с марта по июль месяц — пом. нач. штаба дивизии по разведке, с июля месяца 1943 г. до января 1944 г. — командиром 4-го батальона (Кролевского отряда), с февраля 1944 г. командиром 3-го спл... Участвовал во всех рейдах. Проявил себя как волевой, тактически грамотный, обладающий большой силой воли, бесстрашный командир, до конца преданный Родине и своему народу. Во всех боях и операциях, руководимых Брайко, благодаря внезапности, умелым обходным маневрам, противнику наносились большие поражения...

Особо отличился т. Брайко в карпатском рейде 13 июля 1943 г., когда противник численностью до 900 человек преградил дорогу дивизии в с. Раштозце. Командир дивизии приказал 4 об прорвать кольцо и обеспечить проход соединения. Тов. Брайко внезапно атаковал спавшего противника. Не выдержав стремительного натиска, немцы в панике бежали, оставив в селе более 250 трупов и 37 сожженных машин. Проход дивизии по намеченному маршруту был обеспечен...

С 23 по 26 июля тов. Брайко со своим самым малочисленным батальоном, насчитывавшим всего две сотни бойцов, вел тяжелые оборонительные бои у села Пасечна Надвоянского района, прикрывая отход дивизии в горы. В течение трех дней он сдерживал натиск трех вражеских полков и с помощью придуманных им блуждающих засад сумел уничтожить семь вражеских батальонов, потеряв при этом всего четырех своих бойцов...

В ходе польского рейда в начале февраля 1944 г. при выполнении специальной диверсионной операции в районе г. Броды Львовской области т. Брайко со своим батальоном оказался в тактической зоне обороны 4-й ТА немцев. Искусно маневрируя между вражескими гарнизонами, тов. Брайко сумел парализовать железную дорогу Львов — Киев и создать панику в стане врага, чем помог 1-му Украинскому фронту уничтожить танковую армию противника. За время этого самостоятельного рейда т. Брайко прошел со своим батальоном 500 км, из которых 200 км — по расположению фронтовых частей немецкой армии, два раза форсировал реку Стирь, на которой строил наплавные мосты длиной 100 метров, занимал местечки: Боремель, Станиславчик, Лопатин, пустил под откос 2 воинских эшелона с боеприпасами, уничтожил 23 гитлеровских солдата и офицера. Сам потерял всего одного человека, да и то по его собственной оплошности. За этот рейд т. Брайко показал себя способным самостоятельно водить партизанские формирования в самых трудных условиях вражеского тыла.

Как один из лучших командиров батальонов, при реорганизации соединения в 1-ю Украинскую партизанскую дивизию имени дважды Героя Советского Союза С.А. Ковпака и Героя Советского Союза С.В. Руднева, был назначен командиром 3-го полка. Командуя полком, тов. Брайко искусным маневром и умелым использованием местности за три недели расстрелял из засады четыре вражеских полка, не потеряв при этом ни одного из своих бойцов.

Тов. Брайко достоин присвоения звания Героя Советского Союза.

Командир 1-й Украинской партизанской дивизии подполковник Вершигора".

Когда я доложил комдиву о результатах своей засады, его глаза засияли от радости. Он крепко, по-дружески пожал мне руку и сказал:

— Спасибо тебе, тезка. Ты завершил окружение немцев в Белоруссии, стало быть, выполнил приказ самого Главнокомандующего.

Затем повернулся к своему замполиту и, озорно прищурив глаз, продолжал:

— А ты знаешь, Мыкола (он почему-то всегда обращался к нему только по имени), — наш командир 3-го полка — рекордсмен! Я подсчитал: оказывается, в двух последних рейдах он сумел расстрелять из засад больше

тридцати тысяч немецких солдат и офицеров, это три полнокровные дивизии. Уверен: такого не удалось сделать еще никому — не только в этой, но и во всех предыдущих войнах.

— Что ж, поздравляю! — обрадовался замполит и тоже пожал мне руку. — Это, Петрович, надо обязательно отметить!

Летом того же сорок четвертого года в ходе операции "Багратион", когда Красная Армия освобождала Белоруссию от гитлеровских захватчиков, наша дивизия нанесла третий дальнбойный удар по вермахту.

В этом последнем, седьмом по счету неманском рейде ковпаковцам предстояло оказать помощь войскам 1-го Белорусского фронта в скорейшем окружении группы гитлеровских армий "Центр". На сей раз задача у нас была простая: стремительно двигаясь впереди конно-механизированной группы генерала И.А. Плиева (впоследствии дважды Героя Советского Союза), внезапными засадами и налетами на вражеские колонны, отходящими на запад, задерживать отступление гитлеровских войск из Белоруссии для полного их окружения и уничтожения.

Вечером 28 июня мы вышли к очень важной шоссеиной дороге Бобруйск — Брест. По ней сплошной рекой катилась на запад пятислойная колонна немецких войск. Западнее местечка Синява партизаны ударили по врагу из леса практически в упор из пушек, ПТР, пулеметов и автоматов на четырехкилометровом фронте. Через четверть часа остатки (у нас потеря не было) гитлеровцев, видимо, решив, что их уже обогнала Красная Армия, повернули обратно на восток под удар наших регулярных частей. Получилось именно то, ради чего мы действовали в тылу.

Дивизия двигалась вдоль реки Неман на северо-запад. Пересекая шоссеиные, грунтовые и железные дороги, мы без труда и почти без потерь уничтожали колонны уходящих завоевателей, захватывали много вооружения, боеприпасов, различного военного имущества и заставляли обескровленных захватчиков поворачивать обратно на восток.

Под местечком Турец моему полку, а точнее, одиннадцатому батальону, удалось ликвидировать девять маршевых батальонов и захватить в плен гаубичный артполк. Эти части входили в состав группы генерала Гроппе, которую гитлеровское командование направляло для спасения окруженной минской группировки. У нас потеря не было.

3 июня после ликвидации спасателей генерала Гроппе партизанский полк расположился на дневку в уютной деревеньке Лядки, окруженной безрыком. В полдень ко мне примчался вспотевший от жары смуглолицый чернобровый командир разведроты лейтенант Осипчик:

— Товарищ комполка! На том берегу Немана в Налибоцкой пуще много немецких войск!.. В Еремичах они строят переправу! Мост уже готов! Скоро начнут переправляться!..

Я обрадовался и помчался к комдиву в село Тарасовичи.

Петр Петрович выслушал меня и довольно усмехнулся, расчесывая рукой свою широкую бороду, лежащую на белой рубашке.

— Тогда не только тебе одному такое лакомство. Я подключу и первый полк.

— Пожалуйста, хватит и для него, — согласился я.

Место для засады оказалось на редкость удачным. Почти параллельно дороге, идущей на Яремичи, до самого Немана тянулся глубокий овраг с густым кустарником по склонам.

— Отличное укрытие и маскировка, — радовались мои комбаты, размещая пушки, противотанковые ружья, пулеметы. На обочине дороги установили противотанковые мины.

Правее нас занимал рубеж 1-й полк голосистого Давида Бакрадзе. Он должен был первым открыть огонь по голове вражеской колонны. Наконец показалась и она. Противник двигался не спеша. Три-четыре "тигра", две крытые машины с пехотой, опять три-четыре танка, за ними снова несколько машин с пехотой. Так, казалось, без конца. Глядя на такое скопище техники, я невольно подумал: "Ничего себе лакомство! Они могут нас передавить как котят. Но все равно мы должны их остановить!"

Наконец со стороны, где залегли бойцы 1-го полка, раздался взрыв противотанковой мины. В следующее мгновение на двухкилометровом фронте ударили пушки, ПТР, пулеметы и автоматы двух партизанских полков, каждый из которых по своей численности равнялся одному пехотному батальону.

Немецкие "тигры" развернулись и поплзли на нас. Но они сразу напоролись на противотанковые мины, поставленные на обочине. Воспользовавшись этим, комбаты Цымбал и Берсенов отвели своих людей в овраг и оттуда продолжили вести огонь по врагу.

"Да, кажется, не на того зверя мы заманились", — мелькнуло у меня в голове. Но вдруг вражеские машины начали поворачивать обратно в Налибоцкую Пущу. Наша партизанская задумка оказалась все-таки правильной. Да и немцы уже стали не те, смелость их улетучилась.

В тот день два небольших партизанских полка, всего около тысячи бойцов, умудрились завернуть в Налибоцкую Пущу и задержать на двое суток на Немане 7-ю и 20-ю танковые, а также 4, 6, и 9-ю пехотные дивизии, входившие в состав 4-й и 9-й армий фашистов. Вскоре подошла конно-механизированная группа генерала Плиева. Так завершилось окружение группы гитлеровских армий "Центр" в Белоруссии.

В той засаде 3-й полк уничтожил десять танков, пять броневиков, тридцать шесть машин, восемьсот вражеских солдат и офицеров, большое количество боеприпасов.

За эту отчаянную, весьма эффективную партизанскую операцию командование 1-й УПД снова представило меня к самой высокой правительственной награде. Вот что писал обо мне в своем наградном листе П.П. Вершигора:

"За время пребывания в дивизии участвовал во всех рейдах по глубоким тылам противника. За это время показал себя как один из самых решительных и талантливых командиров, презирающих страх в борьбе с ненавистным фашизмом.

Беспредельно предан делу партии Ленина — Сталина и своей Родине. По его разработанным планам и под его командованием проведено более 100 боев и операций по разгрому гарнизонов и группировок противника. Благодаря его решительным и умелым действиям, во всех боях врагу наносились тяжелые удары. Своей внезапностью он всегда

громил численно превосходящего врага без потерь со своей стороны.

Будучи командиром полка, тов. Брайко показал образцы личного мужества и талантливого находчивого командира".

Перешедшие в наступление войска трех белорусских фронтов окружили группу гитлеровских армий "Центр" в Белоруссии. На выручку этим армиям Гитлер бросил группу генерала Гроппе в составе девяти маршевых батальонов, которые вышли в район м. Турец.

3.7.44 г. дивизия двигалась ночью по маршруту через м. Турец. Полк Брайко, следовавший в арьергарде колонны, был обстрелян внезапным пулеметным огнем. Быстро спешив и развернув свой полк, состоявший всего из 600 бойцов, Брайко повел его в атаку. А для большей паники ввел в бой всю свою артиллерию. Немцы дрогнули, решив, что имеют дело с подошедшими частями Красной Армии, и, бросив свои окопы, панически начали отступать. По всему полю валялись кучи трупов. Полк Брайко потерь не имел.

4.7.44 г. остатки разбитых 4-й и 9-й немецких армий в составе 7-й и 20-й танковых, 4, 6 и 9-й пехотных дивизий, преследуемые частями Красной Армии, пытались прорваться из белорусского котла через с. Яремичи, построив переправу через р. Неман и форсировав ее. Узнав о готовящемся движении захватчиков, тов. Брайко решил засадой задержать противника до подхода наших частей. Командование дивизии одобрило инициативу комполка.

Пропустив вражескую колонну вдоль своих огневых позиций, занятых вдоль дороги, 600 отважных партизан ударили в упор из пушки, ПТР, пулеметов и автоматов по вражеской колонне. Благодаря смелым и решительным действиям, полку Брайко удалось не только остановить, но и завернуть обратно вражескую колонну в Налибоцкую Пушу и задержать в лесу немецкие дивизии до подхода конно-механизированной группы генерала Плиева, тем самым полк помог завершить окружение гитлеровских армий в Белоруссии.

9.7.44 г. с. Барановка Лидского района занял противник — разбитые немецкие части и владовцы, переправлявшиеся через р. Неман. Двигаясь самостоятельно со своим полком, тов. Брайко с ходу внезапно ворвался в село. Немцы, не ожидая атаки, дрогнули и, беспорядочно отстреливаясь, бросились к реке спасаться. Но губительный огонь партизан косил их. Бросая вооружение и технику, немцы начали тонуть в реке. В результате короткого, но жестокого боя в селе уничтожено несколько сотен фрицев и владовцев. Остальные были рассеяны и потоплены в реке. Весь захваченный обоз передан подошедшим частям Красной Армии.

Всего за последний рейд полк Брайко уничтожил до 7000 фашистов, танков — 13, автоматов — 4, взорвал мостов — 1. Взяты трофеи: пулеметов — 18, автоматов — 6, винтовок до 800, патронов — 38000, большой обоз с вооружением и боеприпасами и 20 пушек-гаубиц.

За умелое командование полком в боевых операциях и проявленные при этом личную отвагу и героизм, дающие право на звание Героя Советского Союза, тов. Брайко достоин награды — второй медали "Золотая Звезда".

Командир 1-й УПД
генерал-майор Вершигора".

Но чья-то зависть и беспринципность оказались весомее того вклада, который, по свидетельству командира 1-й УПД Героя Советского Союза генерал-майора П.П. Вершигоры, внес мой 3-й полк в дело окружения и уничтожения группы гитлеровских армий "Центр" в ходе операции "Багратион". И потому я этой заслуженной награды не получил. И не один я. За этот последний, седьмой по счету и самый боевой, результативный рейд нашей партизанской дивизии по тылам группы гитлеровских армий "Центр", проведенный по личному заданию самого Верховного Главнокомандующего и обеспечивший окружение и уничтожение гитлеровских армий в Белоруссии в июле-августе 1944 года, наград не получил никто из ковапковцев! Хотя командование соединения представило тогда к различным правительственным наградам 750 человек, отличившихся в боях... Эти наградные листы так и остались лежать в Государственном архиве Украины, а люди до сих пор, кто еще жив, ждут заслуженных наград! И по праву считают себя участниками освобождения родной для нас братской Белоруссии от немецко-фашистских захватчиков.

Такова была эффективность высокоманевренной тактики, созданной тремя нашими любимыми партизанскими командирами: Ковпаком, Рудневым и Вершигорой. Вот почему гитлеровское командование после каждого такого боя оставляло на дорогах таблички, какие ставят саперы всех армий мира, предупреждая свои войска о повышенной опасности: "Форзихтиг, Кольпак!" (Осторожно, Ковпак). Ведь полторы-две тысячи ковапковцев, совершающих рейды, фашисты принимали за двадцатитысячную армию и, чтобы уничтожить нас, бросали армейские корпуса карателей с артиллерией, танками и авиацией.

Ну а мы, ковапковцы, воевали легко, изобретательно. Думается, если бы все партизаны, все наземные войска умели так сражаться, война могла бы кончиться намного раньше и с меньшими потерями. Каждый раз, вспоминая о тех победах, я с огорчением думаю: как жаль, что наше командование за все время послевоенной истории традиционно ничего не хотело знать о высокоэффективной тактике ведения войны. До сих пор в Российской армии не изучают наши нестандартные, партизанские способы побеждать врага малой кровью и громить его не только в ближнем бою, но порой и за тысячи километров от фронта.

**Петр БРАЙКО,
полковник в отставке,
Герой Советского Союза**

От редакции.

Заканчивая публикацию этого материала, нельзя умолчать еще об одной героической странице жизни автора.

Невзирая на все его особые заслуги, Звезду Героя и блестящие военные и жизненные перспективы, а вполне возможно, именно поэтому в самый канун окончания Военной академии им. М.В. Фрунзе нашлись люди, точнее — нелюди, чьей целью стало сломать судьбу молодому Герою. Сказано — сделано. Точнее — написано. По ложному доносу, как тысячи или миллионы со-

отечественников, Петр Брайко был осужден по знаменитой 58-й и отправлен переосмысливать свои взгляды, настоящее и будущее в сталинские лагеря. И лишь после смерти "отца народов" он был освобожден и полностью реабилитирован с известной формулировкой: и за отсутствием состава преступления".

Жизнь надо было строить заново. Большой удачей на этом пути стала встреча с молодой журналисткой Оксаной Калиненко. Они решили, что преодолеть все трудности будет намного легче вдвоем. Как показало время, это было истинным знаком свыше. Почти пятьдесят лет — душа в душу, а хочется сказать, и перо к перу, служили они главному долгу человека — верности и памяти, отдавая долг погибшим на войне и стараясь предупредить человечество от грядущих сражений.

Петр Брайко восстановился в военной академии и окончил ее, командовал внутренними войсками в Казахской ССР, на деле, а не на словах продемонстрировав, как можно в течение буквально одного месяца ликвидировать в армии уже имевшую место дедовщину, восстановить нормальную, по уставу, жизнь и службу.

В 1962 году, уже имея за плечами не только блестящий послужной список и боевые награды, но и вполне солидный возраст, Брайко становится студентом Литературного института им. Горького, который ранее окончила его жена.

В результате такого плодотворного творческого союза на свет родились четырнадцать документально-художественных книг, три из которых в 1976 и 1982 гг. были переведены на польский язык, изданы в Польше и признаны лучшими книгами года. В них рассказано о беспримерном патриотизме и мужестве советского и польского народов, их совместной борьбе против фашизма.

Вопреки всем препятствиям удалось создать единственную в мире двухтомную научную монографию "Партизанская война", чего не удавалось сделать никому в мире. Это совершенно новая наука побеждать любого, самого сильного и технически многократно превосходящего противника минимальными силами и средствами. Причем побеждать его без потерь или почти без потерь со своей стороны.

Это не просто новая наука побеждать. Это самое эффективное пособие и руководство для подготовки современных вооруженных сил к отражению любой агрессии, любых террористических происков. И, что немаловажно, требует от государства минимальных, по сравнению с общевоинской подготовкой, материальных затрат.

К сожалению, несмотря на всю сложность и многогранность угроз как во внешней, так и во внутренней политике, наука эта все еще ожидает своего часа и внимания. Похоже, что политическое и военное руководство страны не очень озабочено умением выигрывать сражения в прямом и переносном смысле без человеческих потерь. Надо ли говорить, насколько это актуальная задача. Или мы, как всегда, крепки задним умом и расплываться будем, по вековой привычке, во сто крат более дорогой ценой, так как начинать будем опять с нуля?

— Мой друг, мы с тобою поедem на Юг?
— Конечно, поедem! Легко и свободно
мы будем одеты — в одни маскхалаты
и... бронжилеты...

Кто воевал, имеет право
у тихой речки посидеть...

(Из песен)

ВОЙНЫ И МИРЫ ОЛЕГА СМЕРНОВА

“Ну все, Олег, теперь ты у нас невыездной!” — категорично заявил я ему, после того как выписали Смирнова из госпиталя. А ведь сколько поездили мы с ним до этого по горячим точкам — Бог миловал. И вот на тебе — “духовский” снайпер достал Олега в октябре 1999 года под станцией Червленной. Высунулся фотокор из окопа со своим “Никоном”, и... Пуля пробила солнцезащитную пластмассовую бленду на объективе и прошла репортера насквозь. Благо рядом были и пишущий коллега полковник Юрий Кислый, и свой док — военврач софринской бригады оперативного назначения: на бэмпэшке раненого домчали до вертолетной площадки, вертушкой доставили в полевой

армейский госпиталь, потом в Кизляр, оттуда — в Краснодар, а окончательно вернули в строй в Главном военном клиническом госпитале внутренних войск.

“В строй” — это образно. Человек сугубо штатский (давным-давно он значится младшим сержантом запаса), очень мирный и совершенно незлобивый, Олег поначалу сильно ностальгировал по воюющей Чечне, рвался в бой, поскольку давно прикипел душой к войскам, а война стала любимым объектом съемки со всей ее эстетикой (или антиэстетикой, как кому угодно). Но потом Смирнов успо-

коился, благо возможность обращаться к военной теме у него будет не раз — за десятки командировок в Афганистан, Нагорный Карабах, Абхазию, Южную и Северную Осетию, за две чеченские войны в его архиве собрались сотни уникальных фотоснимков, которые он время от времени ворошит в “контрольках”, памяти компьютера. Они постоянно востребованы мемуаристами нынешних кавказских войн и останутся неподдельно красноречивыми свидетельствами нашей отечественной военной истории. Десятки журналов — от германского “Штерна” до “Солдата удачи” публиковали его работы военных перестроечно-перестрелочных лет, более пятнадцати лет Олег Смирнов является штатным фотокорреспондентом нашего журнала “На боевом посту”.

Многие солидные издания и издательства приглашали его на постоянную работу в качестве фотографа, книжного иллюстратора, но... Свободный художник, он всегда был сам по себе (хотя человек вполне компанейский), и себе на уме (твор-

ческие замыслы рождаются из собственного материала, “перелопаченного” умом и сердцем). У него свои войны и свои миры — когда черно-белые, когда — цветные, когда документально-объективные, когда — фантазмагоричные, сюрреалистические.

Член двух творческих Союзов России — художников и журналистов, он выпустил в свет — оформил (макет, обложки, фото и рисунки) более двухсот книг. Его авторы — Леонид Леонов и модные детективщики, Нобелевский лауреат Иосиф Бродский и друзья-“афганцы” с их стихами, песнями, публицистикой. В этом — не всеядность художника Смирнова, но очередная возможность от души “повеселиться” (это его любимое словечко, означающее кипучую, интересную, незанудную работу). Как-то звоню ему: “Чем занят, Олег?” — “Да вот, “веселюсь” с Эдгаром По — тут ребята интересную книжку его рассказов попросили оформить”.

Как и для многих военных журналистов, рубежным этапом

стала для Олега Смирнова Чечня. Несколько командировок, где случались весьма крутые дела, потери товарищей, собственное тяжелое ранение, орден Мужества — много чего было. За книгу “Внутренние войска: кавказский крест” были премии Союза журналистов России и МВД, за экстремальную съемку у Дома Советов в Москве в октябре 93-го — премия имени Дмитрия Холодова. Было несколько престижных фото-выставок. Одна из них и вовсе необычная. В музее архитектуры им А.Шусева он выставил свой “Город-герой” — руины Грозного. Известный критик Лев Аннинский, ознакомившись с той экспозицией, не просто оценил своеобразное видение фотодождником Смирновым этой войны, но и назвал некоторые работы потрясающими...

У Олега Смирнова много замечательных лиц окопных пахрей войны — солдат, офицеров, генералов. Он подсмотрел незаметные простому обывательскому глазу детали фронтового быта, и эти “дембельские фотки” скажут порою больше, чем многостраничные описания.

Олега Смирнова считают человеком своим в войсках, в интеллектуальных издательствах, фотосалонах. А еще он ведет курс фотомастерства в университете. При всем при том, повторюсь, остается сам по себе, себе на уме...

Благодарю судьбу, что подарила мне дружбу с этим человеком, радуюсь от души новым его интересным работам. И с искренним желанием работаю вместе с ним по очередному заданию нашего журнала.

А коль скоро Олегу Олеговичу сровнялось полста лет — отмечаем юбилей его небольшим вернисажем, несколькими картинками из его походных альбомов.

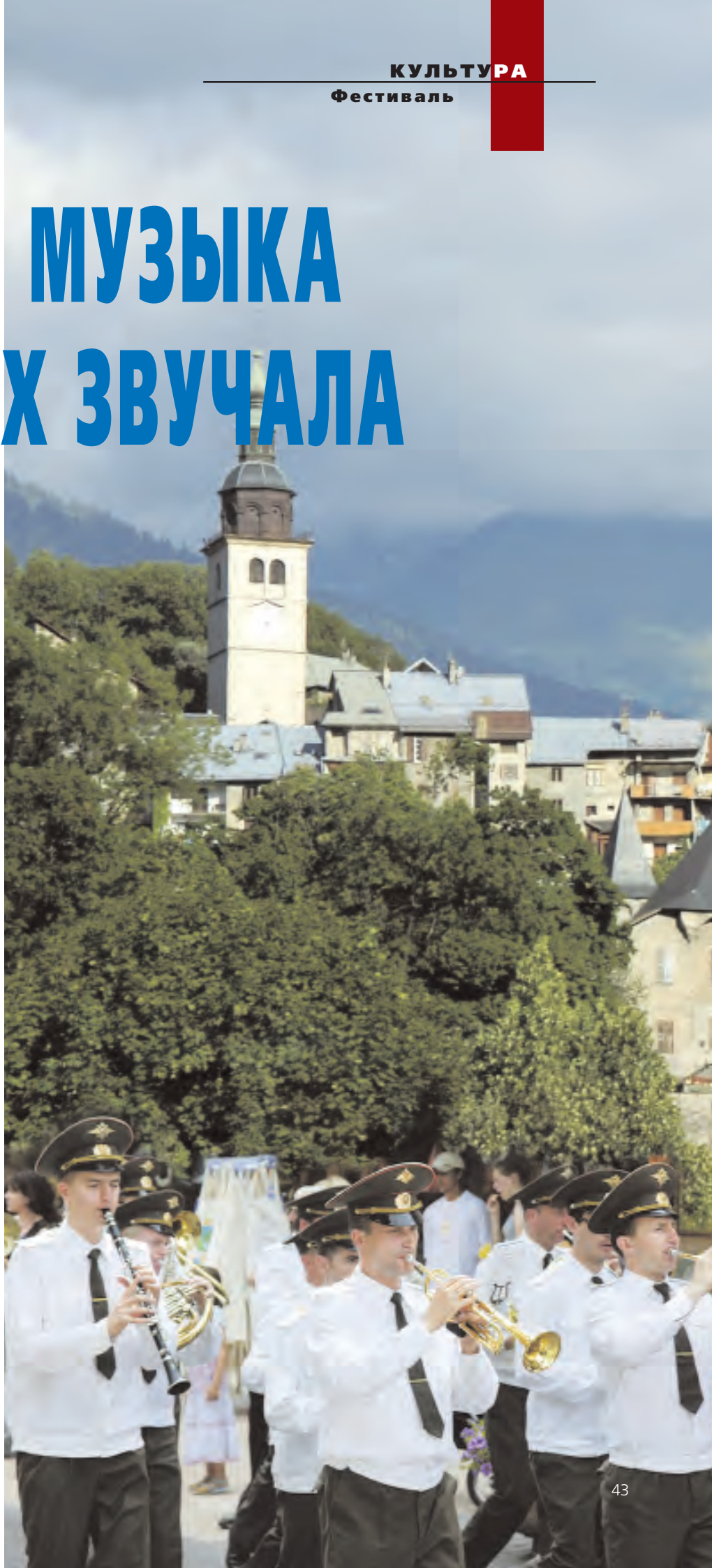
Борис КАРПОВ,
полковник запаса
Фото Олега СМЕРНОВА

РУССКАЯ МУЗЫКА В АЛЬПАХ ЗВУЧАЛА

В первых числах июля на востоке Франции, в живописном курортном городке Альбервиль, окруженном долинами и мощными хребтами Альп, где горные пейзажи поражают своим великолепием даже искушенных туристов, прошел традиционный Международный фестиваль военной музыки.

2005 год юбилейный для участников и организаторов этого мероприятия. Тридцатый по счету фестиваль стал одним из самых масштабных мероприятий в жизни знаменитого горнолыжного курорта. В столицу зимней Олимпиады-92 прибыли коллективы десяти военных оркестров из Франции, Германии, России, Индии, Польши, Латвии и Болгарии. Нашу страну на празднике музыки уже второй год подряд представляли Образцово-показательный оркестр внутренних войск МВД России и танцевальная группа Ансамбля песни и пляски Московского округа внутренних войск под руководством дирижера майора Игоря Левандовского.

ВТЕЧЕНИЕ трех дней город звенел медью труб и сверкал начищенными инструментами. Военные музыканты радовали горожан и гостей курорта виртуозным исполнением известных мелодий и национальных мотивов. На площадях и улицах города звучала музыка самых разнообразных жанров. Артисты и все гости фестиваля воочию убедились в том, что музыка духовых оркестров по-прежнему широко популярна и находит отклик в сердцах современного слушателя независимо от возраста и социального статуса.

Программа фестиваля включала в себя красочный ежедневный марш-парад всех оркестров-участников по центральным улицам Альбервиля, который традиционно завершался на центральной площади, перед мэрией города, исполнением различных музыкальных номеров. Кроме этого, все творческие коллективы по очереди выступали в местном театре со своими сольными концертными программами. По мнению организаторов фестиваля, наш оркестр показал самый высокий уровень исполнительской культуры, которым, впрочем, всегда отличались представители русской военно-музыкальной школы. Каждое прохождение Образцово-показательного оркестра начиналось старинным "Встречным маршем" лейб-гвардии Преображенского полка". И это не случайно...

Впервые военный оркестр из России выступал в Париже еще в 1867 году на Всемирной выставке, куда съехались 37 оркестров. Российский военный министр с энтузиазмом отнесся к предложению

французского правительства и дал команду "составить сводный оркестр войск гвардии в количестве 70 человек при одном капельмейстере и одном музыкальном чиновнике". Санкт-Петербургский оркестр лейб-гвардии Преображенского полка был тогда одним из лучших. С тех пор российские военные музыканты не раз покоряли Европу своей искрометной энергией, бравой армейской выправкой, фейерверком творческих находок. Так было и на этот раз.

— Наш оркестр уже не новичок в подобных международных мероприятиях, — рассказывает помощник главнокомандующего внутренними войсками МВД России заслуженный работник культуры РФ полковник Валерий Новожилов. — На прошлогоднем фестивале мы заявили о себе, а в этот раз — произвели фурор. Помимо традиционных прохождений по улицам города и плац-концертов, наши музыканты дали три сольные концертные программы в Альбервиле и один концерт в альпийской Венеции — Анси.

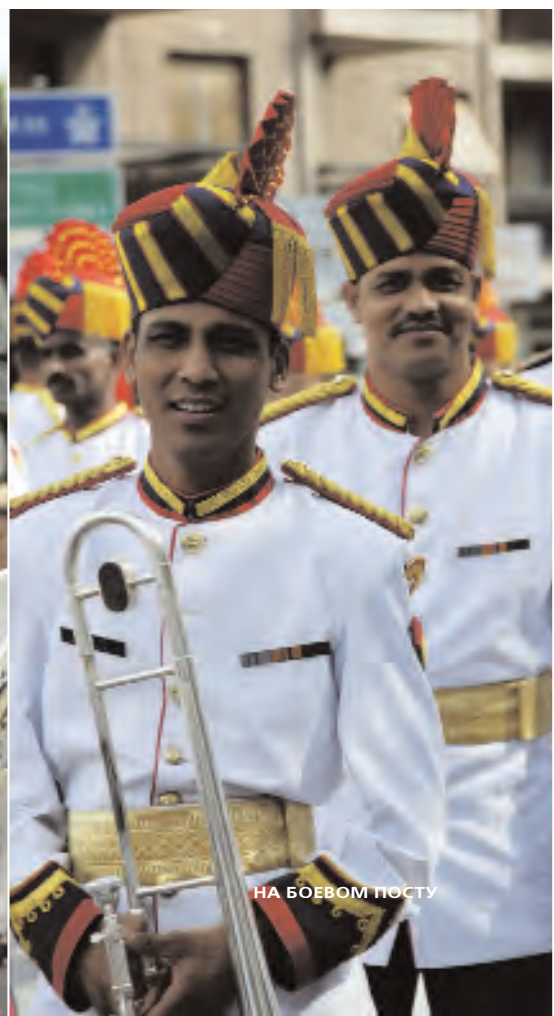
Самым ярким и зрелищным событием фестиваля стал гала-концерт всех участников на ледовом стадионе, построенном специально к зимним Олимпийским играм-92, собравшем на своих трибунах почти пять тысяч зрителей. Меняя друг друга, военные оркестры демонстрировали на арене свое мастерство. Запомнились зрителям красочные выступления музыкантов трех коллективов, представлявших все виды вооруженных сил Индии. Особую похвалу своими музыкальными изысками заслужил оркестр ВМС Латвии.

А вот и знаменитый марш В.Агапкина "Прощание славянки" — на арене под восторженное рукоплескание публики появляется Образцово-показательный оркестр внутренних войск МВД России. У него одна из самых насыщенных программ, которая включала в себя не только попурри из русских народных мелодий, национальные военные марши и эстрадные песни, но своеобразный "русский сувенир" в виде замечательно поставленных хореографических номеров. Бурю оваций вызвал солист оркестра Евгений Кунгуров, исполнивший фрагмент мюзикла "Нотр-Дам де Пари" на французском языке. Ну и, конечно же, не обошлось без сюрпризов — "настоящего" русского медведя, отплясывавшего вместе с танцевальной группой Ансамбля песни и пляски Московского округа внутренних войск знаменитую "Калинку".

Торжественностью звучания поразил финал концерта. Музыканты, объединившись в сводный духовой оркестр под управлением французского дирижера, исполнили гимн дружбы. Завершился фестиваль грандиозным салютом, озарившим в вечерней темноте вершины альпийских гор.

Военные музыканты — самые мирные военные во всех армиях мира — еще раз доказали возможность сотрудничества во имя жизни и культуры.

Капитан Роман ДУРКАЧ
Фото автора

Семён ДАНИЛЮК

ВЫЕЗД НА ПРОИСШЕСТВИЕ

Повесть

Семен Александрович ДАНИЛЮК родился в 1951 году в Москве. Юные годы провел в Твери, где в восемьдесят седьмом году увидела свет его первая повесть.

Закончил филфак Тверского госуниверситета и Московский юридический институт. Свыше двадцати лет служил в органах внутренних дел: оперуполномоченным ОБХСС, следователем, начальником следственного подразделения. Подполковник милиции. С 1981 года на научной работе в Академии и во ВНИИ МВД, кандидат юридических наук, доцент.

После увольнения в запас пять лет проработал начальником управления "Инкомбанка".

Автор многочисленных романов, повестей, рассказов, пьес, выходящих в "Вагриусе" и "ОЛМА-пресс", а также других издательствах Москвы и Твери.

Живет в Москве.

БЛИЖЕ к вечеру лейтенанта Танкова вызвал заместитель начальника райотдела капитан Ганеев. Когда Танков вошел, Ганеев правил какой-то документ. Правил, похоже, с натугой и без удовольствия: раскаленная лысина светила прямо в лицо вошедшему. Не отрываясь, Ганеев ткнул карандашом в сторону одного из десятка стульев. Работал Борис Иванович неспешно и — не при подчиненных будь сказано — на удивление муторно, поэтому в редкий час не сидело перед ним одновременно по два-три человека в ожидании руководящего решения, разбрасываться которыми он, к слову, не любил.

Вот и сейчас в углу у окна развалился дежурный по отделу старший лейтенант Чесноков, а прямо напротив стола поерзывал участковый Лукьяненко. Именно его очередной опус и правил, тжко вздыхая, Борис Иванович.

— Ну уж это-то... — Он бросил карандаш и посмотрел на Лукьяненко. Участковый тотчас вздохнул. Видно было, что разговор долгий: и не в первый раз бросил, и не в первый раз посмотрел. — Ты чего пишешь-то? "Михеев вышел из дома. Идя по улице, его ударили по голове".

Чесноков несочувственно гоготнул.

— Так все и было, — подтвердил Лукьяненко, с укоризной посмотрев на веселящегося дежурного.

— Так и было, — передразнил Ганеев. — Это ж процессуальный документ. Тебя грамоте-то учили?

— Я без высшего.

— Десятилетку же кончал?

— Это да. — Лукьяненко повздыхал. Вспомнил, видно, как кончал школу. Три года назад тридцатитрехлетнего ударника-тракториста Василия Лукьяненко совхоз в порядке почина рекомендовал на работу в органы внутренних дел. Почин поддержали, и вот уже три года ходит Василий Сергеевич в кожаной куртке сельского участкового. Оружием, правда, не балуется — чего нет, того нет, — и табельный "макаров" пылится в домашнем сейфике, ключ от которого хранит самый бесстрашный человек в поселке — жена Василия Сергеевича. Поговаривали, что и отдельные постановления писаны вроде как женской рукой, но руководство на злые эти наветы не реагировало: хоть и никакой участковый, а где сейчас другого на такой отдаленный "куст" сыщешь?

— Ты вот чего, Лукьяненко... — Ганеев задумчиво повертел переречеркнутое донельзя постановление. — А иди-ка ты отсюда. Пускай тебе твой непосредственный начальник правит. А то привыкли, понимаешь, чуть что — к руководству.

— Так я чего докладывал, Борис Иванович. — Изнемогший Лукьяненко охотно вытащил из-под себя влажный планшет. — Уехал Щипачев-то. А сегодня срок по заявлению.

— Иди отсюда, говорю, — негуманно надавил Ганеев. — Нечего тянуть до последнего дня.

Лукьяненко аккуратно упаковал основательно потертую на сгибе пачку бумаг и, извинившись, с облегчением вышел, так, впрочем, и не поняв, зачем просидел он здесь целый час.

— Разгильдяй. Из-за таких вот ничего за день не успеваешь, — пробурчал Ганеев, но тут же тряхнул головой и просиял добротой и отзывчивостью в сторону молодого лейтенанта: — Ну, ты как, Танков, осваиваешься в коллективе?

— Так точно.

Работал Танков всего два с половиной месяца, стеснялся университетского "поплавка" на ките и, словно искупая недостаток армейской выучки (прошел лишь офицерские сборы после вуза), к начальству старался обращаться исключительно уставными словами. Видно, для райотдела с его закоренелым панибратством выглядело это диковато: Чесноков, во всяком случае, поморщился.

— Планы какие?

— Служить, товарищ капитан.

— Похвально. Пока у нас к вам нет претензий. Ваш шеф-наставник Велин рекомендует вас как исполнительного и инициативного работника. Так что при наличии вакансий будем решать вопрос о вашем переводе в уголовный розыск.

— Спасибо, товарищ капитан.

— Кстати, все хотел вас спросить. Чего так в угро тянет? Работенка-то грязная. Нет бы в следствие. Там, кстати, и единица свободная есть. И попрестижней. А?

— Благодарю, товарищ капитан. — Танков поднялся. — Но я бы все-таки хотел в уголовный розыск.

Некоторое время Ганеев с интересом его разглядывал.

— А впрочем, — отмахнулся он от какой-то досаждавшей мысли, — все мы через это прошли. На сегодня планы есть?

— Никак нет. Если что надо — готов.

— Вот это правильный подход. — Ганеев жестом пригласил скукающего в своем углу Чеснокова одобрить поведение новичка. — Чувствуется, что проникаетесь общей задачей... Вам дежурить-то приходилось по отделу?

— Да приходилось ему, — вмешался Чесноков. — Со мной на той неделе дежурил.

— Так точно, — подтвердил Танков. — Ходил один раз помощником дежурного.

— Опыта негусто.

— Да сможет он, — заверил Чесноков. — Толковый он. И верхнее образование. Да потом день-то какой — среда. Чего тут гордиться? Самый тихий денек. — Чесноков, не стеснясь, зевнул. — И до аванса три дня.

— Тут такое дело, Танков. — Ганеев, все еще колеблясь, пригладил потускневшее солнышко на голове. — Не явился сменный дежурный, стервец. Может, заболел, может, несчастье какое — не знаем пока. Живет он в деревне, не дозвониться. Чесноков уж лишних шесть часов передежуривает.

— Восемь, — не уступил двух часов Чесноков.

— Ставить на вторые сутки не имеем права, а подменить нечем. Я всю расстановку сил прикинул. Следствие, розыск, сам понимаешь, нельзя: они в опергруппу ходят. ГАИ, пожарники тоже. Участковых из района вытаскивать уже поздно. Так что придется тебе, понимаешь, до утра командовать отделом. Так сказать, встать у руля. Справишься? Не подведешь?

— Не знаю. — Танков искренне испугался. В отдел он был принят сверх штата за счет должности участкового и использовался пока на подхвате. Работа дежурных, казалось бы, была спокойной. Еще бы, сутки на телефоне, двое отдыхаешь. Для милиции с ее растяжимым, как жвачка, рабочим днем вещь прямо-таки нереальная. Но это, так сказать, милицейская арифметика, а если до алгебры дойти — нет, пожалуй, более взрывоопасной точки. Несмотря на малый стаж работы, Танков такого рода жутких историй наслушался в изобилии.

— Неужто трусишь? — громко поразился Ганеев.

"Сейчас про Гайдара или про Павку вспомнит", — сообразил Танков.

— И это будущий сыскарь! Да ты рваться должен на огневой, так сказать, рубеж. А Чесноков тебе все подробно объяснит. Чесноков! — Ганеев нахмурился. — Пока полностью в курс дела не введешь, из отдела ни ногой. Помощник у тебя опытный, — повернулся он снова к Танкову. — Ответственный по отделу — начальник уголовного розыска. А может, еще и выйдет этот барбос. Тогда сменит. — Ганеев поднялся, торжественно вышел из-за стола, что делал чрезвычайно редко, крепко сжал руку Танкова: — Возражений нет? Вперед, лейтенант!

Танков хотел возразить, но втиснуться между двумя этими на одном дыхании слепленными фразами не успел, а потому молча повернулся через левое плечо и вместе с довольным Чесноковым вышел в коридор.

— Это я тебя сосватал, — похвастался Чесноков. — Этот бы и щас еще искал, кого поставить. А подмена не придет, не надейся, — успокоил он Танкова. — Загулял мужик.

— Откуда знаешь?

— А то впервой. Думаешь, Ганеев не знает? Это он перед тобой ваньку валял. — И, упреждая вопрос, пояснил: — Кузнецову до пенсии год. Сергей Ильич-то вместе с ним начинал. Вот и тянет. Но теперь уж не дотянет. Не те времена. Хана Кузнецу.

И Чесноков с чувством подтолкнул Танкова — после увольнения Кузнецова сам он становился первым кандидатом на должность старшего дежурного.

Дежурная часть — это громко сказано, а попросту дежурка, — как и весь отдел, можно сказать, была малогабаритной. Даже махонькая камера для задержанных своим решетчатым деревянным окошком смотрела вопреки всем нормативам прямо в стол дежурного по отделу. За столом этим с разбросанными журналами восседал, тжело пытая, помощник дежурного Павел Евгеньевич Филиппов, старший сержант милиции. Маленькая веселая легенда райотдела, улыбочивый стошестидесятикилограммовый слоник. Встречая Пал Евгеньича, каждый сотрудник непременно интересовался, не похудел ли уважаемый помдеж. И Филиппов ожиданий не обманывал. Едва входя в отдел, громко, довольно отдуваясь, рапортовал:

— Опять кило за неделю.
— Принимай начальство, Пал Евгеньич, — объявил Чесноков, откровенно подхихикивая. — Будь ему, так сказать, поддержкой и опорой.

Доброжелательно задвигав крупными, похожими на свернутые свежее испеченные блины, складками лица, Филиппов утопил руку Танкова в своей мягкой, как подушка, лапе.

— Ну, расписывайся в приеме дежурства. — Чесноков сноровисто выудил из-под живота приподнявшегося Филиппова ручку, раскрыл и разбросал перед опешившим Танковым сразу несколько журналов.

— Так Ганеев сказал, что ты объяснить должен. Я ж не знаю...

— А чего тут объяснять? Покрутишься — разберешься. Помощник опытный. Шофер, — он недобро усмехнулся, — тоже... опытный. Так что не тяни резину, принимай оружие.

Растерявшийся окончательно Танков посмотрел на своего помощника.

— А ничего, — улыбнулся тот. — Пусть катится. Отдежурим. Не первой.

— Долго ты будешь копать? — Чесноков уже снял замок с обитой железом дверцы в углу. Вдвоем протиснулись они в крошечную оружейную комнату, в узенькое пространство между толстенным, пышущим здоровьем сейфом и тонконогим столиком, обильно заляпанным жиром, щелочами, заваленным хлебными крошками и пустыми бутылками из-под кефира. Чесноков распахнул сейф. Прямо на Танкова, словно звери в вольерах зоопарка, смотрели стреноженные в деревянные подставки тупоголовые пистолеты ПМ. В нижнем ряду стояли похожие на щук хищники покрупнее — автоматы Калашникова.

— А вот здесь пусто. — Танков ткнул в пустые подставки. — Пересчитывай.

— А это тебе что? Ослеп? — Чесноков пренебрежительно смеялся его взглядом. — Карточка-заместитель называется. Посмотри, чьи фамилии. У этих оружие всегда на руках.

— А, ну да, ну да, — поспешно закивал Танков. Он понимал, что дежурство так не сдают, но испытывал неловкость оттого, что каждым вопросом своим обнаруживал перед ехидным Чесноковым такую махровую необразованность, что лучше уж смолчать, потом как-нибудь, не спеша разберется.

Чесноков меж тем расстегнул поясной ремень и стянул с него кобуру с пистолетом:

— Держи шпалер. Вешай на пояс и будешь за шерифа. Ну так что, пацан, подпился, что ли? — Он с удовольствием потянулся: — Пока до дому доберусь. Значит, запоминай. За день было одно очевидное дорожное. Я его уже зарегистрировал, да опергруппа с обеда уехала на кражу магазина. Еще не звонили. Пока! — Он пожал руку Филиппову, повернулся к подменному дежурному, оглядел неодобрительно: — Тоже мне, братья Вайнеры, — и исчез.

В восемнадцать тридцать отдел опустел. Кое-где по кабинетам постреливали машинки следователей, хлопала сначала интенсивно, а потом все реже входная дверь. Разместившись сразу на двух стульях и заполнив собою полутораметровое пространство от окна до стола дежурного, дремал у батареи Филиппов. За столом же сидел Танков и перечитывал книгу учета происшествий, с удовольствием обнаруживая в числе действующих лиц знакомые фамилии. А вот, пожалуйста: "На место происшествия выезжала опергруппа в составе..." И его фамилия. Пусть в конце, но ведь это он нашел в "подломанном" магазине за мешками с крупной долговые расписки, а уже потом начальник розыска Гуляев расколол завмага на инсценировку кражи. Чувство причастности было необыкновенно приятно. Опять зазвонил телефон. Танков поправил повязку на левом рукаве, не удержался, скопился на надпись, рывком поднял трубку.

— Дежурный по райотделу лейтенант Танков, — с аппетитом, отрывисто представился. Он уже освоился и, отвечая, с удовольствием подражал залихватским чесноковским ноткам: — Помедленней. Записываю... Уже уехали?... Зачем же я к вам на ночь глядя людей буду гонять?... Да нет, я понял: торговали колбасой, квитанции по вашему требованию не предъявили... Номер машины я записал... Товарищ, вы не волнуйтесь, я с вами полностью согласен: с обманом покупателей нужно беспощадно бороться. Но зачем же это делать на ночь глядя? Завтра с утра будут направлены сотрудники. Так что не волнуйтесь, товарищ ветеран. Никуда они теперь не денутся, а за сигнал спасибо. Честь имею!

— Ишь ты! — Он победно глянул на помдежа. — Вынь да положи ему милицию на ночь глядя. — Вспомнил, что это тоже одна из любимых чесноковских фразочек, скосился в маленькое зеркальце: "Жаль, матушка не видит. А кстати".

— Аллè-о, — привычно, с прононсом разнеслось в трубке.

— Мама, я сегодня ночевать не приду, — отрывисто произнес он. Как и ожидал, прононс тотчас исчез, и на другом краю города началось возмущенное оживление.

— Заступил на круглосуточное дежурство по отделу, — поспешно перебил он нарастающий поток слов. С улыбкой выслушал произносимые, заранее ожидаемые им фразы.

— Еще как опасно. Локти за столом можно протереть. Это же дежурный, мама. Сиди себе да давай команды... Ну при чем здесь отец? Ведь мы ж договорились: в выбор профессии ты не вмешиваешься... Я не голоден, мама... Телефон дежурного есть во всех справочниках. Все, все! Пока.

Танков поспешно положил трубку и поднялся. В дежурную часть в фуражке и плаще вошел Ганеев:

— Опергруппа еще не вернулась?

— Никак нет.

— По рации связывались?

— Не сообразил.

— Надо соображать, раз на серьезное дело посажен. — Ганеев прошел к маленькой радиостанции, стоящей прямо на металлическом ящике с картотекой: — Какой позывной у УАЗа?

Танков беспокойно задвигал руками по плексигласу на столе. Где-то под ним он видел список позывных. Вот только что видел.

— Ну? — нетерпеливо поторопил Ганеев.

— Двести первый. — Филиппов неспешно приоткрыл щелки глаз. — Да бесполезно вызывать. Кузьмич, наверняка, рацию не включил.

Ганеев все-таки попробовал. В рации бесперспективно хрипело и щелкало.

— Разгильдяй! — Он швырнул трубку. — Давно выгнать пора.

— Да звонили они, — лениво успокоил его Филиппов. — В отдел едут.

— Раскрыли?

— Вроде везут кого-то.

— Тогда ждать не буду. — Ганеев поправил фуражку. — Если

что, я дома. А вам, — с неудовольствием сделал паузу на этом слове, — надо, товарищ лейтенант, быстрее овладевать оперативной обстановкой. Вы сейчас мозг отдела, а не просто, понимаешь, кукла какая-нибудь. За все в ответе.

Едва захлопнулась за ним входная дверь, Танков упрекнул Филиппова:

— Что ж вы, Пал Евгеньич?! Звонили, а вы мне не сказали?

— А чего говорить? Едут и едут. — Филиппов, опершись сразу на стол и подоконник и побряхывая, поднялся. — Пойти кабинеты, что ли, проверить?

ЗАЗВОНИЛ телефон. Мужской голос продирался издалека, сквозь хрипы в телефонном аппарате:

— Милиция? Слушайте, вы там скажите этой истеричке, чтоб меня в дом впустила! Не на улице же мне околевать!

— Говорите громче и по существу! — закричал Танков. — Откуда вы и что случилось?

— С Востока я!

Танков посмотрел на разминающего поясницу Филиппова.

— Поселок Восток, — кивнул тот. — Есть такой. Лесовики там живут. Самый у нас медвежий угол.

— Громче, пожалуйста! — опять закричал Танков. — Кто вы и что случилось?

Он долго слушал, кивал, переспрашивал. Наконец закрыл ладонью мембрану:

— Ничего не пойму. Какой-то Гусаров. Вроде из заключения. Там у него часть дома по наследству. А в доме женщину с детьми поселили, что ли. В общем, не пускает она его. Чего делать-то?

Филиппов неспешно отобрал трубку:

— Слышь, милый. — Он даже не изменил тональности и не повысил голоса. — Дело-то твое гражданское, понимаешь? Не милицее... Ну тем более... Ты погоди. До утра найди, где переночевать... Ну, как это не найдешь? В своем-то поселке? А утром в поссовет... Чего ты мне свои бумаги читаешь? Я в них все равно

не понимаю. Ты в поссовете доказывай. Они власть, разберутся... Ну чего заладил: сломаю, сломаю? Мужик ты или нет? Уступи до утра... Ну ладно, передай ей, что в милицию велели позвонить. Только гляди, чтоб без рукоприкладства. А то опять загремишь. — Он аккуратно положил трубку. — Чем только заниматься не приходится! Запиши куда-нибудь. Может, часа через два позво- нишь для покоя.

В ДВАДЦАТЬ один час вернулась опергруппа. Первым в дежурную часть зашел оперативный уполномоченный уголовного розыска Велин. Из-под левой подмышки растегнутого пиджака выглядывала замшевая лямка знамени- той велинской кобуры, сшитой по его личному заказу, как сам он не раз деликатно намекал, одной ба-а-льшой специалкой.

— А ты чего здесь? — поразился Велин, узрев перед собой собственного стажера.

— Не видишь, дежурю. — Насмешливая велинская интонация Танкову удовольствия не доставила.

— Ну ты подумай, детсад развели! — Велин обернулся к вхо- дящему в дежурку низкорослому, плотно сбитому, словно пачка сливочного масла, начальнику уголовного розыска Гуляеву.

— Тебя в самом деле кто поставил? — удивился тот.

— Заместитель начальника райотдела Ганеев. — Танков на всякий случай поднялся. — Не явился сменный дежурный.

— Опять сорвался! — По сообразительности Гуляев никак не уступал Чеснокову. — Но Ганеев-то хорош! Пацана на такое дело сунуть. — Последнее он произнес вроде бы про себя, но достаточно громко, чтоб быть услышанным другими. — Новос- ти? — Гуляев безошибочно выхватил из пачки рабочую тет- радь.

— Ничего особенного, товарищ капитан. По линии экономи- ческой преступности сигнал. Еще из поселка Восток звонили. — Танков заглянул в черновик. — Там Гусаров “откинулся”, — хвас- танул он вдруг жаргоном, но под ироничным взглядом Гуляева смущенно поправился: — Из заключения вышел. А его в собственный дом не пускают. Туда поссовет женщину с детьми поселил.

— Больше ничего?

— Никак нет. А у вас как, товарищ капитан? — решил Тан- ков. — Ганеев приказал узнать.

— Приказал, приказал... Много больно приказывает! — Судя по всему, на Ганеева у него была аллергия. Он растегнул пуго- ву на потертой папке, достал тоненькую пачку бумаг. — Регистри- руй кражу. В управление передашь как нераскрытое.

— Так вроде у вас фигурант есть? — щегольнул осведомлен- ностью Танков.

— Передашь, как сказал! — Гуляев поморщился, тяжело вздох- нул. — Танков, у меня лицо как, добродушное? — Он растекся вдруг в простецкой улыбке.

— Как будто, — растерялся Танков.

— Тогда порядок. Велин, пригласи Рыкову, — и он опять вздохнул, словно набирая воздуха перед тяжелым погружением.

П О ПУСТОМУ отделовскому коридору процокали каблу- ки, и следователь Рыкова, маленькая молодая женщи- на, не остывшая еще с дороги, остановилась, напря- женно прислонившись к косяку двери.

— Татьяна Геннадьевна, — Гуляев увлеченно, не отрываясь, листал читанный только что перед этим журнал, — может, ты Во- робья прямо сейчас задержишь, чтоб его в ИВС пораньше отвез- ти?

— А я и в мыслях не держу его задерживать. — Небрежный гу- ляевский тон не сбил ее и не поколебал. — Я тебе еще в машине об этом сказала.

— Ну и сказала! — Гуляев бросил об стол журнал, а вместе с ним и дипломатические подходцы. — Воробей вор, и его надо посадить!

— Надо, — ехидно согласилась Рыкова. — Но только при нали- чии доказательств.

— Магазин-то он подломил.

— Может быть.

— Погоди. — Гуляев заволновался. — Его после кражи у мага- зина видели. Это раз...

— Не у самого магазина, а просто в деревне.

— При нем было две бутылки водки, и он угощал комбайне- ров. Причем водка той же партии, что украдена. Это тебе что, не доказательство?

— Да эта партия два дня продавалась. И выдавалась, между прочим, не по ведомости. Короче, ничем не опровергнуто, что он мог ее купить.

— Так опровергни! Ты же следователь. На то и существуешь.

— Попробую, — охотно согласилась Рыкова. — Но только сей- час у меня оснований для задержания Воробьева нет, и я свою шею под незаконное задержание подставлять не буду.

— Страхуешься?!

— Здоровый инстинкт самосохранения.

— Слушай, ты часом не ошиблась призыванием? Тебе бы в ад- вокаты. Ты что, не понимаешь? В деревне появился не-од-но- кратно, — Гуляев уже не произносил слова, а чеканил их по сло- гам, — су-ди-мый за кра-жи Воробьев, и тут же полетел магазин. Другие версии не идут. Мы же вместе отработывали.

— А обыск ничего не дал?

Велин издевательски хмыкнул. Гуляев сдвинул узел мешав- шего ему галстука:

— Что же он, фрайер, что ли, краденое домой тащить? Прип- рятал где-то.

— Вот найдешь, — решительно произнесла Рыкова, — тогда обещаю: задержу. При всех обещаю.

— Хо-хо-хо! — Велин даже сложил руки на животе, демон- стрируя муки от хохота. Рыкову, как и вообще всякую некрасивую женщину, он не терпел.

— Так некого задерживать-то будет! За Воробьем пять суди- мостей. — Для наглядности Гуляев показал раздвинутую пятерню. — С шестой ходкой он будет признан особо опасным рецидивис- том. И, между прочим, отлично это знает. Поэтому, как только гу- манная наша Татьяна Геннадьевна, оберегающая закон от него- дяев из уголовного розыска, его с извинениями отпустит, благо- дарный Воробышек тут же расправит крылышки и полетит бом- бить магазины в другое место. И дай бог, чтоб его не пришлось объявлять во всероссийский розыск.

Рыкова задумчиво принялась выстукивать что-то на косяке двери.

— Ну, ты что, в самом деле, зэка этого пожалела? — уловил ее неуверенность Гуляев.

— Его?! — та аж вскрикнула в негодовании.

— Так задержи! — поспешно поддержал начальника Велин. — А мы тебе за эти три дня доказательства для ареста раскопаем.

— Уж ты, пожалуй, раскопашь, — фыркнула Рыкова, и это было ее мстостью за дерзкое хохотание.

— Да нельзя такого кита не задерживать! — Возмущенный Ве- лин даже схватился за свои густые волосы и слегка их поворо- шил. — Вон молодой дежурный и тот тебе скажет.

Танков почувствовал себя неловким зрителем в цирке, кото- рого расшалившийся клоун вдруг потащил из первого ряда на манеж.

— В самом деле, Татьяна Геннадьевна, — пробормотал он. — Как же отпустить? Если вы и сами считаете, что это он. Ведь прес- тупник же.

— Ты-то еще, цыпленок... — Разгорячившаяся Рыкова развер- нулась к Танкову, но, посмотрев на его разом сморщившееся ли- цо, продолжать не стала. — Словом, так, Гуляев. Все это слова. Хочешь задерживать, делай это сам. А я с прокуратурой в объяс- нительные записки играть больше не намерена. С меня хватит — наигралась.

— Оно конечно. — Гуляев больше не скрывал презрения. — В сторонке отсидеться спокойней.

— Если у вас больше ко мне ничего нет, я пойду. Мне еще об- винительное заключение по наезду надо отпечатать.

— Вот ведьма!.. — полоснул ей вслед Гуляев, не слишком ре- гулируя тембр голоса. — Чистюли! Крысы канторские! Как рас- крывать, так их нет. А вот помешать, так откуда кто берется! Закон, закон! Используют как ширму для безделья. А закон для одного существует: чтоб общество от таких вот Воробышков защищать. И если я Воробья посажу, так этим нашему обществу окажу нео- ценимую услугу, а стало быть, действия мои на благо закона и вполне ему соответствуют. — Подведя такую роскошную идеоло- гическую базу под принятое решение, Гуляев успокоился. — Ве- лин! Тащи сюда эту контру!

И вот в сопровождении Велина и шофера-милиционера Игнатьева в дежурную часть вошел невысокого росточка пьяненький и веселенький мужичонка с могучей бородавкой на правой ноздре — гроза сельповских магазинов Юрка Воробьев.

— Ну, чего делать-то будем, тезка? — Доброжелательный Гуляев находился в явном затруднении.

— А чего такое, Юрий Дмитрич? — Воробей на глазах расстроился.

— Придется тебя сажать. Как считаешь?

— А почему ж не посадить? — не стал противиться Воробьев. — Воля ваша: надо — сажайте.

— Ты ж умный мужик, Юр! — оценил собеседника Гуляев. — Так чего ж ломаешься? Попался — будь мужчиной, имей смелость признаться.

Танков заметил, как Воробей, явно удивленный таким грубым ходом, но не желавший, видно, напрямую ссориться с Гуляевым, удержался от насмешливого ответа.

— Я, Юрий Дмитрич, трусом с детства был, — стесняясь, признался он. — Чего уж теперь с этим поделаешь?

— А вот это ты видел? — Велин уже притащил Уголовный кодекс и раскрыл его натренированной рукой перед Воробьевым. — Смотри статью. Чистосердечное признание есть обстоятельство, смягчающее вину. Черным по белому. Пиши, пока не поздно, явку с повинной. Глядишь, на суде пару лет скинут.

На этот раз Воробьев сдерживать ядовитую свою натуру не стал.

— И где это вы, Юрий Дмитрич, таких малахольных набираете? — посочувствовал он. — Да ему ж разве кражей пончиков в школьном буфете заниматься. Там пацаны очень эту книжку уважают.

Занервничавший Велин двинулся было к доставленному, однако Гуляев движением плеча отодвинул подчиненного.

— Ты в самом деле-то хоть думай, кому чего говорить, — сказал он неодобрительно. — Да Юрку сколько раз сажали, столько статью эту зачитывали. Верно я говорю?

Велинский промах Гуляев тотчас использовал для укрепления контакта с подозреваемым.

— Приятно иметь дело с умным человеком, — осторожно потрогал наживку Воробей.

— И когда ты только, Велин, работать научишься? Ко всем без разбору со своими приемчиками. Учись ты наконец в людях разбираться. А то только по бабам силен, — непедагогично отчитал начальник угро своего опера. Нахохлившийся Воробей удовлетворенно кивал головой.

— Ну вот что, Юра. — Добившись, что тот расслабился, Гуляев тут же заложил вираж для новой атаки. — Мужик ты грамотный. Поэтому кодекс я тебе читать не буду. Ты его и так наизусть знаешь. И свободу за признание не обещаю — у тебя теперь ее долго не будет. Зато другое я тебе обещаю твердо: признаешься, даешь явку с повинной — будет и по изолятору, и по зоне все как надо. Ну, ты понял. Идешь в непризнанку — на меня не обижайся.

— Зачем же так ребром-то? — забеспокоился Воробей. — У вас свой интерес, у меня свой. Чего уж так-то?

— Ты меня давно знаешь? — добавил в голосе Гуляев. Воробьев настороженно пожал плечами. — И сколько у тебя ходок было?

— Чего спрашиваешь? Пять. Последняя твоя.

— Врал я тебе когда?

Воробей молчал. Молчал и Гуляев. Танков, подавшись вперед, впитывал в себя весь этот разговор, внимательно наблюдая за ними.

— Ну так я тебе обещаю, — не дождавшись ответа, Гуляев говорил теперь, методично ужесточая голос. — Или признанка, или — вывернусь, но в трое суток доказательства для ареста будут. Понял ты меня? Но тогда уж, — Гуляев постучал пальцем по столу, — буду строг! Три минуты на размышление! — Он демонстративно посмотрел на часы и мягко, доброжелательно, как-то даже по-домашнему добавил: — Думай, Юра, — и вышел в коридор.

Смущенный Воробей вздыхал и переминался.

Велин незаметно кивнул Танкову. Тот понял. Много раз он видел, как это делают сыщики, и теперь решил попробовать сам.

— Чего ты думаешь? — почти заговорщически тихо сказал он. — Гуляй — человек слова. Сказал — сделает. Соглашайся, пока не поздно. Смотри, потом локти кусать будешь.

Воробей, у которого, похоже, за годы общения с органами развился абсолютный слух на малейшую фальшь, презрительно не обратил на него внимания, напряженно что-то прикидывая про себя.

— Ну, надумал? — Гуляев остановился у порога дежурной части.

Воробей, огорченный необходимостью расстроить уважаемого человека, удрученно покачал головой:

— Не пойдет, Юрий Дмитрич. Резона нет. Докажешь ты там, не докажешь — еще вопрос. А только я погожу себе клетку строить. Лишняя ходка мне тоже не в радость.

— В камеру его! — Гуляев нашел глазами Велина, задумчиво изучавшего в зеркальце какой-то прыщ на подбородке. — Хорош, ничего не скажешь. Еще химзавивку в салоне "Ромашка" — и можно на панель. Оформляй протокол задержания.

— Так как же? Дело же у Рыковой. Надо б у Сергея Ильича или хоть у Ганеева подписать.

— Я тебе подпишу! — Гуляев выхватил бланк протокола задержания и сверху размашисто на нем расписался. — Филиппов, общешься! Да смотри, чтоб после тебя бритвы в носках не обнаружилось.

— Уж и было-то один раз, — лениво застенялся тот.

— Воробьев! Ты знаешь, что сегодня моей дочурке пять лет исполняется?

— Так поздравляю.

— И что она сейчас сидит за столом и ждет папу?... Долго ты у меня, Воробей, будешь этот день рождения помнить. — Он посмотрел на неловко стоящего за столом Танкова: — Я возвращаюсь в район. Будет где телефон, позвоню. Что серьезное — связывайся с дежурным по управлению, Ганеева вызови. А то он что-то все домой торопится. Начальничек, прости господи. Велин! — Изящно изогнувшись сбоку у стола, оперуполномоченный заполнял кинутый ему бланк. — Запомни: случись что — не с пацана, с тебя спрошу.

Не отрываясь, тот поднял сжатую в кулак левую руку.

— Ну, будь здоров, Воробей. Удачи мне можешь не желать.

— Отчего же? Счастливого пути, Юрий Дмитрич. В аварию не попади. — Воробей шутил, но неловко, с натугой. Видно, жесткие гуляевские слова запали в него накрепко и уже зудели внутри, разрушая потихонечку первую линию обороны.

На улице затарахтел мотороллер.

— Опять у него цилиндр барахлит. — Водитель дежурного УАЗа Игнатьев, как и все, прислушивался к неровному гулу. — Как бы не застрял по грязи. По такой-то погоде. Пойду машину гляну. Совсем довели.

Отдав Танкову протокол задержания, выскочил и тотчас вбежал уже одетый в кожаное пальто Велин:

— Я на ужин. Буду звонить.

Дежурная часть опустела. Воробьев, запертый теперь в деревянной клетушке, громко именуемой камерой для задержанных, стоял, прислонившись к дверце и пытаясь заглушить в себе мысли о Гуляеве, все еще пьяный, беззлобно, со знанием дела изгалялся над молоденьким дежурным.

— Товарищ старший лейтенант, — говорил он. — Давайте по-discутируем о роли преступности в жизни нашего общества. Ведь мы как волки — санитары жизни.

Танков, уткнувшись в бумаги, не отвечал.

— Товарищ капитан, — не унимался Воробьев, — а что вы скажете о последнем клеветническом заявлении американской администрации? Это ж просто беспрецедентно.

— Товарищ майор, — доносилось из клетушки через некоторое время. — Я бы хотел выйти в туалет. Это мое конституционное право.

Усталость взяла свое: умолк наконец и он.

РАЗДАВШИЙСЯ в тишине звонок почти обрадовал Танкова. Чесноков оказался прав: звонили нечасто. Звонки приносили мелкие вопросы, частную информацию, изредка позванивали из района участковые, туманно сообщая о своем местонахождении. Танков неспешно уже снимал трубку и солидно, короче, чем положено, ронял:

— Дежурный Танков.

— Дежурный! — закричала трубка, и Танков поднял глаза на настенные ходики, только что выстукавшие двадцать два тридцать. — Он опять в дом стучит!

— Да кто это?

— С Востока, я ж говорю. Пудышина я. А он требует! Учтите, я на все пойду.

— Вы по поводу Гусарова? — сообразил Танков. — Скажите, это его дом?

— Тюрьма по нему плачет! Рано выпустили.

— Да вы ответьте: его или нет?

— Мало ли чего?! Мой это дом! Мне его посовет дал. Не пу- щу я этого пропойцу!

— Послушайте! Да послушайте вы! — Танков кричал. — Есть суд. Он все решит. Но без суда нельзя. Он же к себе домой...

— Не пуцу! Слышите? Я три года по баракам моталась. Толь- ко чуть выправились. Мое это! Сунется — вот те крест отчужу!

— Надо что-то решать, — беспомощно сказал Танков. Корот- кие гудки разносились по помещению. — Выезжать туда при- дется.

— На чем? — неприязненно резанул вошедший шофер. — Бен- зина-то нет.

— Как это нет? — поразился Танков. — Куда ж он делся? Разве вам не давали?

— Давали, — огрызнулся Игнатьев. — Двадцать литров на сут- ки не хошь? А у меня один пробег до Калугина и обратно — сто двадцать километров. Да по городу покрутился. У нас ведь все баре, пешком никто ходить не хочет, всем машину — вскочил да погнал, вот и все твои двадцать литров. В сортир бы, наверное, ездили, только вот УАЗ в коридор не пролазит.

Слушавший все это Филиппов мягко притормозил разошед- шегося шофера:

— Ладно, бензин найдешь.

— Где же это?

— Да найдешь. — Филиппов равнодушно отмахнулся, и Иг- натьев, хоть и недовольный, возражать не стал: видно, и впрямь знал тот что-то существенное о тайных его возможностях.

— Тут другой вопрос: куда ехать?

— То есть как? — не понял Танков.

— Да не проехать туда. Дороги нету. Летом еще по болоту ав- толавка проезжает, а теперь вот, в распутицу, только на дрезине. Она туда с Центрального поселка два раза в день ходит.

— Точно, — обрадовался Игнатьев. — А у меня не трактор и не вертолет. Это ж машина все-таки. Думаете, если Игнатьев, так на нем пахать можно?

— Да помолчите вы, сержант! — неожиданно для себя резанул Танков. — Решать же надо. — Он провел пальцем по оперативной карте района: — Может, по шоссе до узкоколейки? А оттуда Ве- лин с Игнатьевым по шпалам до поселка? Я бы сам, да не имею права отдел надолго оставить.

— Что ты, милый? — охладил его Филиппов. — Там же кило- метров с десять. Это ночью-то, в дождь. Да когда ж они там бу- дут? Еще и до узкоколейки час езды. Не, ты не горячись, потому как туда и впрямь сейчас если только на вертолете.

— Я в управление позвоню, — решил Танков. — Может, по- могут?

Многомудрый Филиппов вздохнул, но мешать не стал.

— Да вы что, лейтенант?! — рассердился дежурный по област- ному управлению подполковник милиции. — Не можете самосто- ятельно такой вопрос решить? Рядовая гражданская склока вок- руг избушки, а вы готовы общую тревогу объявить. Учитесь ду- мать.

— Значит, вы приказываете не ехать? — уточнил Танков.

— А ты, брат, как я погляжу, того... По обстановке решайте, — и дежурный по управлению отключился.

Пристыженный Танков положил трубку.

Слушавший весь этот разговор Игнатьев смотрел на него вполне безжалостно.

— А если до Центрального поселка, а оттуда на дрезине?

— Дрезину еще найти надо, — потянул с ответом Филиппов. — Да потом, — он вдруг решился, — ну куда в самом деле? Ну прие- хали. Дальше что? Что мы им, дом поделим? Мы даже забрать никого не сможем.

— То есть? — Танков удивился этому неожиданному обороту.

— Они ж там грозят друг другу.

— Да мало ли что? — на высоких сразу тонах вмешался и Иг- натьев. — А забирать-то не за что.

— Ты пойми, — Филиппов мягко придавил плечо дежурного, — таких звонков у нас во! — Он провел рукой поверх головы. — А

машина одна. Наша заповедь — ее при себе беречь. Вот ты щас ее погонишь — а ну что серьезное или, скажем, не дай бог убий- ство? Куда машина делась? Ах, дом делить поехала? В лучшем случае высекут.

— А чего ехать? Позвонить Карелову, и дело с концом! — Вся- кая возможность избавиться от поездки делала Игнатьева наход- чивым и инициативным.

— Правильно! — обрадовался и Филиппов. Он ткнул рукой недоумевающего дежурного. — Это командир дружины в Цент- ральном поселке. Вот такой мужик! В любое время суток. Безот- казный. Звони!

Звонок из райотдела Карелова не порадовал:

— Жаль, застали, мужики, — засмеялся он, — а то уж уходил. У племянника сын родился. Ну раз надо, так надо. Чем могу?

Сообщение Танкова его почему-то развеселило.

— А я уж перетрусил, — отсмеявшись, объяснил он. — Этих двоих знаю, он-то хоть и отсидел, да тихий, а она точно его не пустит: знаешь, такая — что ухватила, то мое. Весь поселок в стра- хе держит. Ну ничего, уладим. Ты, видно, недавно служишь, лей- тенант?

— Да.

— Понятно. В диковинку все. Привыкнешь. А насчет этих не волнуйся. Сейчас дозвонюсь. Если что, пошлю пару человек на дрезине. В самом крайнем случае, — тут он, не скрывая насмеш- ки, сделал жуткий голос, — сам поеду. Так что, считай, принято. И живи спокойно. Разберусь — доложу. В моей дружке проколов не бывает. Гуляева там случаем нет? Оно и видно. Привет ему.

Танков, не дожидаясь окончания разговора, скомкал листок с записью и бросил в урну.

— Дежурят тут психопаты всякие, — не удержался Игнатьев. Разговор, видно, был хорошо слышен.

Пристыженный Танков не ответил.

Вбежал Велин.

— Чего дергаетесь, мужики? — с порога закричал он. — Давай- те Воробья, я его в ИВС повезу. Оттуда домой. Время уже.

И хотя дежурство в отделе членам опергруппы полагалось нести до 24 часов, расстроенный Танков возражать не решился.

— Мой пламенный привет гражданину подполковнику! — Приветственно поднял руку выпущенный из клетки Воробей. — Крестный мой Юрий Дмитрич не звонил? Любопытно бы узнать, как у него дела. Теперь таких энтузиастов немного найдешь.

Велин с Игнатьевым вывели Воробьева на улицу, слышен был скрежет открываемой задней дверцы, смешок Воробья, окрик грозного Велина.

ЗАЗВОНИЛ опять телефон: “Черт, я же сводку по краже забыл передать”, — вспомнил Танков.

— С вами говорит председатель Субботинского сельсовета, — произнес взвинченный голос. — У нас вроде ЧП.

— Что значит “вроде”? — После позорной истории с Востоком Танков стал подозрительным и настороженным.

— Заперся у нас тут один в доме напротив сельсовета и палит из окон.

— Как палит?!

— Стреляет. Ранил агронома. Никого не подпускает... Алло! Вы меня слышите?

Танков вскочил с места и жестом показывал Филиппову, что- бы он задержал машину.

— Сейчас соберем опергруппу. Обеспечьте, чтоб никто не подходить к дому!

— Понял вас. Улицу с двух сторон мы уже перекрыли. Только не высказывайте на машине на площадь. Пусть шофер сельсовет сзади объедет. Мы там ждать будем. Вы уж поспешите: детишки в доме.

— Выезжаем, выезжаем, — в уже повешенную на том конце провода трубку пробормотал Танков.

Филиппов стоял рядом, непривычно напряженный. Он все слышал. — За меня! — крикнул ему Танков. И, уже подбегая к две- рям: — Ганееву позвони. Срочно!

УАЗ стоял боком к отделу, частично перекрыв мостовую. Ря- дом с водителем небрежно развалился Велин. Танков рывком впрыгнул на заднее сиденье:

— В Субботино! Быстро! Стрельба там. Один уже ранен.

Он ожидал незамедлительной реакции, но ничего не услышал.

— Бензина же нет, — привычным канючным голосом отозвался Игнатъев.

— Сольем по дороге! Остановим любую машину. Поехали! — Игнатъев глянул на Велина.

— Надо же, — отвечая на его взгляд, лениво процедил тот, — какой нам дежурный попался энергичный. Ишь как глазенки горят. Небось уж и орден на груди ощущает.

Он повернулся к Танкову:

— Зря мельтешишь, парень. Не будет тебе ордена. И благодарности тоже. Ну, пальнул кто-то случайно. Да мы приедем, они уж все спать будут. Сколько на такие сигналы езживали, — и Велин демонстративно зевнул. Игнатъев приоткрыл дверцу, собираясь выйти.

— Как дежурный по отделу приказываю ехать, — отводя глаза, приказал Танков.

Велин усмехнулся. Игнатъев, бормоча под нос что-то насчет проклятых молокососов и карьеристов и всем своим видом выражая презрение и неудовольствие, повернул ключ. Машина медленно тронулась, то и дело притормаживая, чтобы объехать оставшиеся после дождя лужицы.

— Тормози! — резанул Танков, и Игнатъев, вздрогнув, утопил тормоза до полика, отчего Велин, несмотря на малую скорость, боднул стекло.

— Ты чего орешь?! — не обнаруживая опасности, Игнатъев закрутил головой.

— Если вы, товарищ сержант, сию же минуту, со всей возможной скоростью... — Танков захлебывался от негодования. — Я отстраню вас от дежурства!

Игнатъев выругался, дернул на себя ручку коробки передач, и машина рванула с места. Теперь она, напротив, на всем ходу таранила любую яму и трещину, отчего сидящих в машине бросало в разные стороны.

— Понабрали салажни всякой, — громко зашипел Игнатъев. — Машины гробить. Завтра же рапорт напишу.

— Товарищ генерал-майор! — закричал вытанцовывающий в своей клетке на запасном баллоне Воробей. — Я требую отвезти меня в ИВС. По моей статье смертная казнь не положена!

— Это еще откуда? — в передрыге Танков о задержанном забыл начисто.

— А от верблюда. — Игнатъев сплюнул. — Хотел ведь назад в дежурку отвести, так нет, мы начальники, мы приказываем. Вот и указуй дальше.

— Поехали. — Танков безнадежно отвернулся к окну. — Чего уж теперь?

УАЗ рвался из города.

— Включите сирену, — приказал Танков, заметив, что водитель собрался притормозить перед светофором.

— Не работает, — с удовольствием отменил приказание Игнатъев.

— Тогда нарушайте. — Танков потянулся к рации. Рация была выключена.

— Не включаете, конечно, из бережливости, чтоб не пережечь?

Игнатъев презрительно смолчал.

— “Урал-2”, “Урал-2”, я Двести первый, прием!

— На приеме, — отозвался ленивый филипповский голос.

— Ганееву сообщили?

— Да занято все.

— Немедленно звоните в управление. Поднимайте группу захвата. Я буду держать связь.

Он положил трубку рации на колени.

— Цирк да и только, — сплюнул Игнатъев.

— А из Москвы спецгруппу не будешь вызывать? — Велин, до толе отмалчивавшийся, уже не скрывал неудовольствия. — Между прочим, товарищ захватчик, на такие происшествия положено в бронжилетах выезжать.

— Чего ж раньше-то молчал? — спохватился Танков. — Неуж-то возвращаться?

Машина выезжала уже из пригородного поселка.

— Ты дежурный, сам поехал, сам и решай, — отвернулся Велин. — Хотя обычно положено наоборот: сначала думать, а потом уж...

— Во-во! — обрадованно поддержал Игнатъев. — Руковод-ку-ровод. Только б машину гонять. А ты б сперва головой.

— “Урал-2”, “Урал-2”, я Двести первый.

— Да звоню, звоню.

— Пал Евгений, приготовьте для группы захвата бронжилеты. Ключ от оружейки у вас на связке.

— Это знаю. Чего ж сам-то не взял?

— Да я... Не сообразил. В общем, едем на место.

Машина спотыкалась на многочисленных выбоинах, покрывавшая измученными рессорами.

— Товарищ генерал-лейтенант, — не унимался Воробей. — А вы как его брать-то будете? Должно, снайперским выстрелом? Или вон тот ковбой долговязый приемом каратэ дом развалит?

— А ну заткнись, пакость! — Велин с таким натуральным остервенением потянулся к левой подмышке, что Игнатъев испуганно скосился, а Танков положил на его руку свою:

— Ты что, Сереж?

— Э-э, жизнью рискуешь, а тут... — Он дернул плечом и опять прислонился к стеклу.

Игнатъев прирос глазами к дороге: фары уже “выстригали” сельскую улицу.

ЗАДВОРКАМИ и огородами, дважды чуть не увязнув в грязи, заляпанный, с выключенными фарами “уазик” выскочил на унавоженный пятачок за одноэтажным зданием сельсовета. В тусклом свете покарябанного, раскачивающегося на ветру светильника толпились, должно быть, добрые две трети субботинских жителей. Одна из женщин устало, икая, всхлипывала, прислонясь к стене. Ее участливо поддерживали. Велин эффектно шагнул из темноты навстречу обрадованным людям.

— Здравствуйте, кормильцы! Оперативный уполномоченный Велин, — бодро представился он. — По какому поводу собрание? Какая повестка дня?

— Быстро! Не ожидал. — Мужчина с депутатским значком на лацкане пиджака прочувствованно потрянул ему руку. — Председатель сельсовета Захаров Виктор Мефодьевич.

— Ну так что тут у вас за паника, товарищ председатель? — Велин благосклонно дал пожать свою руку и с доброй отеческой усмешкой оглядел собравшихся. Из-под ненароком распахнувшегося кожаного пальто выглянула полированная рукоятка пистолета. — Едем по деревне — тихо. Думали — наштутились и спать разошлись. Так чего не спится, сельчане?

— Лейтенант Танков, — стоящий сзади него Танков улучил минуту, чтобы представиться.

Захаров радушно, но невнимательно кивнул, как и все, привлеченный к великолепию Велину.

— Ой, спасите! — вдруг с новой силой вскрикнула постанывающая женщина. — Ой, детишки мои!

— Да уймись ты наконец, курва! — огрызнулся один из мужиков. — Всех уже перетравила. Путаешься тут только.

— Степан! — Захаров укоризненно покачал головой. — Дети ее в доме, — пояснил он досадливо.

— В каком доме? Кто? С кем? — Велин одергивающе глянул на разгалдевшую толпу. Танков смотрел за его работой с удовольствием. Сейчас Велин был воплощением мужества и уверенности, чего, похоже, так не хватало этим растерявшимся людям. — Только не все сразу и строго по фактам.

— Ну тогда, значит, часа два назад...

— Точнее!

— Точнее б надо у секретаря нашего спросить. Она как раз сельсовет закрывала и видела, как он ее гонял.

Танков подтолкнул Велина:

— Слушай, зачем нам сейчас-то все по минутам?

— Товарищ лейтенант, — Велин заметил, что реплику услышали, — гляньте-ка лучше, как там задержанный. К вам, товарищи, торопились, даже вот задержанного не успели высадить.

— Спасибо вам, — поблагодарил кто-то в толпе.

— Ну, так что дальше?

— В десятом часу это было. Минут сорок, — уточнила одна из женщин.

— В двадцать один сорок?

— Чего? Ну да. Я как раз к корове выходила. У них дверь открыта, мат, Галина голосит, ну я так и сообразила: отсидел Будак своих пятнадцать суток. Из города, говорят, пьяным приехал.

— Да вдрызг, — уточнил все тот же молодой мужчина.

— Точно, — обрадовался вдруг Велин, — чувствую, фамилия знакома. Я ж его и сажал за семейное. Жену, что ли, избил?

— Избил! — подтвердила икающая в стороне женщина. — Так теперь и мстит, проклятый, чтоб он сдох! Только на детишках-то, на них-то!

— Ну тихо, Галина! — Захаров махнул рукой, и несколько женщин уже привычно принялись ее успокаивать.

— Словом, кто-то ему насчет жены нашептал. — Говоря так, Захаров взял Велина под локоть и осторожно отвел в сторону. Увязался следом за ними и неприглашенный Танков.

— Вообще-то бабенка еще та. — Виктор Мефодьич интимно убавил голос: — Как у нас говорят, ручная. В смысле — по рукам ходит. Раньше с бывшим директором совхоза путалась, теперь вот с агрономом.

— Это в которого Будаков стрелял? — уточнил Танков. Захаров, по-прежнему стоя к нему спиной, кивнул.

— Словом, ситуация такая. Начал ее метелить. Это у них водится. Бросить, видно, не может, но и не прощает. Ну вот она по злобе или еще как и крики, что, мол, дети не его. Он за ружьем. Двустволка в доме была припрятана. Эта-то, пока он бегал, опомнилась, уползла. Так он в доме с детьми закрылся.

— Детям сколько? — опять вмешался Танков.

— Пацан восьми лет и девка. Пяти, что ли? Пальнул вдруг из двух стволов по грузовику: кузов — в щепки, машина — в кювет. Сунулся было к дому агроном — чего полез, дурень? Так он по нему на полном серьезе и шарахнул. В плечо попал.

— Опасно?

— Да вроде в мякоть. Он в медпункте щас. Вот кончится карусель, повезем в город. Чем только кончится? — Он вздохнул. — Совсем озверел мужик.

— Как это он попал? — усмехнулся Велин, ласково поглаживая большим пальцем ненаглядную свою кобуру.

— Чего ж не попасть? — втерся все тот же нестеснительный Степан Кременчук. — Он же егерем был. Одних кабанов сколько завалил. Так что в лоб — без смысла. Мы уж мозговали. Это он щас притих, а то ведь даже на площадь не подпускает, орет, требует, чтоб курва эта вышла, а иначе грозит мальцов порешить, а себя сечь.

— Керосин у него там, — растерянно добавил Виктор Мефодьич. — Мать уж отливали. Прямо хоть штурмом бери.

— А может он, по-вашему, это сделать?

Захаров помолчал, давно, видно, этим мучился.

— Н-не знаю. Не могу поверить. Хотя вон чего наворотил. Не приведи бог такое несчастье. Да и в районе потом объясняться.

— Да может. — У Кременчука, похоже, сомнений не было. — Так он на вид спокойный, не шепотливый, только вот мозги у него к лесу передом повернутые. Не сколько раз замечал, избывает — на ней-то как на кошке, а он по три дня сам не свой. Я ж говорю: такая коза.

— Дом обложили? — строго прервал Велин.

— Как это?

— А вот так. — Велин незаметно оказался на прежнем месте и говорил громко, для всех. — Так, что надоест ему в доме отсиживаться, выйдет сейчас вот из-за угла с двумя стволами и жажнет. Может, уже стоит за углом?

Люди занервничали, кто-то из женщин охнул.

— Раззявы! — Велин задумался. Танков меж тем подошел к углу сельсовета и оттуда выглянул. Прямо перед ним была небольшая, где-то сорок на сорок, площадка, вытопанная и выезженная до последнего чахлого стебелечка, — центральная площадь. На противоположном, крутом ее конце над сельсоветом висел небольшой деревянный дом в три окна. Ни справа, ни слева от него строений или густых посадок не было.

— Специально вы бандита в такую крепость поселили? Чтоб ему отбиваться легче было? — досадливо съязвил подошедший вместе с Захаровым Велин. — Хоть сзади огородами можно подойти?

— Нет там ни огородов, ни пристроек. Дом для рабочих из города держали, а потом вот этих пустили. На свою голову.

— Мило, — оценил ситуацию Велин. Он скривился. — Маленькая загадочка из детской игры: как казакам поймать разбойника, если последнему помогает власть на местах?

— Кто ж мог знать такое? — Захаров окончательно расстроился.

— А вы что ж, так втроем и прибыли? — недоверчиво поинтересовался не отстававший от них Кременчук. — Дело-то, кажись, серьезное. Как тут втроем-то?

— Кажись, серьезное, — передразнил раздраженно Велин. — Привыкли тут, понимаешь, вороньего шума пугаться. Одна пьянь всю деревню в страхе держит.

— Пьянь-то пьянь. Это не он один, — не стал спорить Кременчук. — Да ведь пальнуть может. Эдак картечью из двух стволов — и пополам.

— Выкурим. Значит, так. — Велин повернулся к Танкову и подошедшему Игнатьеву. Танков невольно подтянулся. — Наша задача, служивые, — обложить дом. Чтоб не вышел. Ну и попробуем склонить к сдаче. Мужики с ружьями есть?

— Найдутся, — поспешно заверил Захаров.

— А чего ж, браконьеров-то полно, — подтвердил Кременчук.

— Сам небось промышляешь?

— А то.

Он хотел добавить что-то развеселое, но Велин повелительно махнул рукой и продолжил:

— Значит, обкладываем дом. Потом попробую с ним поговорить. Рупор найдется?

— Пробовали уж. — Захаров кивнул на прислоненный к бревнам большой, свернутый трубкой металлический лист.

— Не так пробовали, — отрезал Велин. — Ну, и после этого будем ждать прибытия группы захвата.

— А вы-то кто ж? — Кременчук, не любивший ироничного с собой обращения, задал вопрос со всей немалой насмешливостью, на какую оказался способен.

— А мы, — Велин осмотрел толпящихся чуть в стороне жителей, — передовая бригада группы захвата. Обеспечиваем подготовку объекта к дезинфекции.

От жуткого этого слова, смысл которого Танков, как ни напрягался, осилить не смог, народ почувствовал к Велину безграничное доверие.

— Уж побыстрее бы, ребята, — попросил кто-то. — Детишки ж в доме.

— Быстро что? Правильно, девица: кошки родятся. Игнатьев!

— Чего орешь? — Игнатьев стоял рядом с Велиным и без малейшего к нему почтения ковырял в зубах. От панибратского обращения на людях Велин поморщился и строго спросил:

— С отделом по рации связывался?

— А то сам не знаешь — не берет. Сколько раз просил: замените, замените. Как километров за пятнадцать отъедешь, так и не достает.

Велин неодобрительно покачал головой.

— Стало быть, так, Виктор Мефодьич. — Он кнул председателя сельсовета в грудь длинным и холеным, словно револьверное дуло, пальцем. — Беги в сельсовет, звони в отдел. Объясни от моего имени ситуацию. Пусть ускорят прибытие группы.

Замаявший от бессилия и теперь обрадовавшийся возможности подчиниться другому, более ответственному и знающему, увесистый Виктор Мефодьич, перепрыгивая через лужицы, припустил к задней двери сельсовета.

— Ставлю задачу. Танков, обойдешь дворами, залажешь с той стороны дома. Теперь ты, зубоскал. Кременчук, да? Поглядим, на что ты еще годен. Твоя задача...

ВЫСТРЕЛ, короткий, с мерно угасающим эхом, прервал диспозицию.

— Подходи, лярвы! Чего затихли?! — Голос был надсадный, неуправляемый. — Выводи курву на площадь! Галка! Подлая! Выходи под винтарь, а то щас...

— Папочка, не надо! — долетел из глубины дома отчаянный мальчишеский голос. — Не надо, родименький!

Заревел и голосок потоньше.

— Убьет! Убьет, зверь! — так же истошно навстречу голосам детей закричала и Будакова. — Убьет! Люди! Люди! Погань! — Она упала на землю и, катаясь по ней, откусывая ее и выплевывая, выкрикивала, выплескивала, вжимаясь ртом в траву, изошренные угрозы и ругательства.

Новый выстрел отщепил кусок бревна на венце дома.

— Милиция, сделайте что-нибудь. Убьет ведь детишков-то! — не выдержала одна из женщин. Напряглись в готовности заголосить и другие.

— Чего они делают-то? — обозлился подбегавший на выстрелы Захаров. — Чего они втроем-то? Утихните! Не до вас тут. —

Он обтер лоб, сказал тихо: — Не дозвонился, занято там. — Взял за рукав Велина, сказал, поглаживая: — Товарищ родненький, надо чего-то решать. Нельзя ж так. Детишки ведь.

— Вот-вот наши придут. — Велин посмотрел на часы. — Вот-вот должны. Игнатьев! Связался ты наконец?

— Так говорил же...

— Связывайся, мать твою! Связывайся без конца!

Танкова что-то толкнуло. Он аккуратно обогнул председателя сельского Совета, дошел до угла и, не останавливаясь, свернул за него.

— Господи! — взвизгнул кто-то.

Велин и Захаров, равно ошеломленные, одновременно подняли руки, призывая к тишине.

Танков, с трудом отрывая разом отяжелевшие ноги, сделал четыре шага и остановился напротив темных окон. Фигура его в милицмейской форме была хорошо освещена вторым, фасадным, фонарем, качающийся отсвет которого бродил по отливающей полировкой луже.

— Будаков! — неожиданно хриплым голосом, какого никогда в себе не подозревал, крикнул Танков. — Бросьте оружие! Сопротивление бесполезно! Не усугубляйте вины! — Он сам ужаснулся той казенщине, что полилась с языка. Надо было находить другие, нужные слова, но мозг, как и все тело его, парализовало от ощущения незащитности перед чернотой этих вооруженных окон. Он набрал воздуха и прерывистым, ставшим теперь тонким голосом крикнул:

— Требую вашей сдачи!

— А ну, пшел вон, парламентар вшивый! — отозвался наконец Будаков.

Теперь Танков различил его профиль в окне. Увидел он и ружье, которое неспешно, на глазах, казалось, само по себе поднималось над подоконником, пока не слилось в круглые отверстия дул, направленных на него. Эти отверстия Танков ощущал физически, так же явственно, как пот, сразу до пяток брызнувший из него и слепивший его с одеждой.

— Считаю до трех! — крикнул Будаков.

Танков продолжал стоять. Вперед он не мог шагнуть и понимал это. Прятаться опять за угол — об этом стыдно было и думать. Надо найти слова...

— Раз!

Пуля ударила в землю и, прорыв канавку, утонула в полуметре от него. Отшатнувшись, он сделал шаг назад.

— Отпустите хоть детей, не мучьте их! — крикнул Танков.

— Два!

— Беги, парень! — крикнули из-за дома.

Он повернулся и, стараясь идти нарочито медленно, сделал шаг к спасительному углу. Теперь он ощущал ружье лопатками. Дрожит, дожмая курок, палец, еще четверть мгновения, и пуля, самодельная, с неотшлифованными краями, изготовленная на секача, вплющится между лопатками. Она входит в него, ломает, корежит позвоночник, бурвит, разрывая, внутренности...

— Три!

Он прыгнул рыбкой, перекатился за угол и затаился на траве, закрыв голову руками.

Выстрела не было.

— Что, ошметок легавый? Ссышь, когда страшно?! — хрипло, с удовольствием кричал Будаков. — Это вам не мужиков по шаламанам гонять. А ну, цыц, шманки!

Танков, отводя глаза, неохотно поднялся с земли.

— Что ж тут было сделать? — Захаров успокаивающе принял его отряхивать. — Стрельнул бы он тебя в упор, да и все дела. Вишь, озверел мужик. А то б картечью порвал.

— Возьми. — Игнатьев обил о рукав поднятую с земли фуражку и сам надел на Танкова. — Чего уж теперь? Давай наших ждате.

— Мефодьич! — заорал опять Будаков. Председатель вздохнул, поднял рупор. — Тащи мою стерву! Скажи, ежели через пять минут под расстрел не выйдет, щенят еенных порешу. Мне теперь все едино.

— Опомнись ты, Генка! Дети ж твои! Чего зверствуешь-то?

— Не мои они! Нагуляла, тварь. Все, последнее мое слово!

— Его! Его! — Будакова, затихшая было на земле, всполошилась разом, заметалась, хватая за грудь то Велина, то Танкова. — От него дети! Чем хошь поклянись!

— Да нам-то ты чего? — досадливо освободился от ее цепких, перепачканных грязью пальцев Велин. — Что мы, попы? Ты вон его уговори.

— Иди, Галина, иди. Скажи что-нибудь. Договорись как-то, — подтолкнул ее к углу и Захаров.

Будакова медленно подошла к углу, оглянулась. Ей успокаивающе закивали.

— Гена, — тихо позвала она. Откашлялась. Крикнула тонко: — Ге-ена! Гена, прости! Чем хошь клянись, твои дети! Со зла сказала. Слышишь? Отпусти их, не мучь. Твои ж они! Ну пошутили, и будет! Чего людей смешить. И так уж нагородил!

— Пошутили! — Он будто бы только и ждал этого неудачного словечка, чтобы намертво в него вцепиться. — Это верно! Нашутила ты со мной препорядочно! Все во мне перековеркала. Нет тебе веры! А ну выдь из-за угла, если честная. Вместе пошутим! Ну, чего ж ты?! А-а, знает кошка...

Будакова повернулась:

— Что ж мне теперь? И впрямь под ружье?

— Да погоди, погоди ты, Галина! Вот, ей-богу, удумала. — Захаров встряхнул ее за плечи. Отвел глаза. — Погоди. Придумаем что-нибудь. — Он передал ее женщинам, подошел к стоящим кучкой милиционерам: — Надо чего-то решать, товарищи! Ей-богу! Хотя штурмом бери! Ну не посылать же бабу... И малых не оставишь. До крайности ведь мужик дошел.

— Сколько мы здесь? — Велин глянул на часы, встряхнул, подгоняя. — Почти полчаса. Вот-вот наши подъедут.

— Чего там вот-вот! — грубо оборвал Игнатьев. — Да раньше чем через час не объявятся. Пока их по ночи соберут, пока вооружатся. Дай бог через час.

Из темноты подбежал подросток.

— Кто здесь Танков? — крикнул он. — Вас дяденька зовет, который в машине.

— Что вам, Воробьев? — Танков недовольно подошел к решетке. — Опять хотите осуществить конституционное право — в туалет? Так я его нарушу: не до вас.

— Слышь, парень. — Воробей прижался к дверце, зашептал: — Дай я его возьму!

— Чего возьмешь?

— Этого в доме. Ну что глядишь, как пень? Мне один черт. Гуляй ведь и верно докопает: сам не найдет, так Любку "развалит". А мне ж зарез. Может, возьму, так скостится? А чего? Рвану через площадь. Глядишь, промажет. А там уж кто кого.

— Спасибо, додумался, — поклонился Танков. — Мне только еще не хватало вас угробить. Сами возьмем.

— То-то гляжу, здорово у вас это получается. Мнетесь тут по углам.

Танков повернулся, быстро подошел к нервно расхаживающему Велину.

— Будакова! — строго позвал он, и та, тихо бившаяся головой о бревно дома, тотчас подбежала.

— Справа боковое окно есть?

— А?.. Есть, есть!

— Так чего есть? — Кременчук постучал по ее лбу. — Да оно в той же комнате, где он сам. Незамеченным не пролезешь. Пытаться надо через левое, там горница.

— Окно закрыто? — Танков спрашивал теперь быстро, целенаправленно.

— Тебя, дура, спрашивают, на шпингалеты закрывала? — перевел вопрос Кременчук.

— На личину. Оба. Осень ведь.

— Это ж разбивать надо, — включился подошедший Захаров. — Услышит, выскочит — и в упор.

— Так это, — радостно замахала руками Будакова. — Форточку я, кажись, не закрыла.

— Кажись! — передразнил Игнатьев. — Точно знать надо. Эх, баба и есть баба.

— Если сбегать туда, сколько выйдет?

— Метров триста, — прикинул Кременчук, — а там уж по пущиру на рыбок.

— Не успеем. — Танков сощурился: — Сережа, Игнатьев! — Они отошли метров на десять. — Может, я чего не понимаю, — замылся Танков.

— Не тяни.

— Предлагаю. — Танков помолчал. — Один начинает переговоры — отвлекает, второй перекрывает правое окно, чтоб не

ушел, третий... Словом, надо попробовать через форточку. Правое окно, я думаю, надо подстраховать Василию Кузьмичу.

— Ладно, сделаю, — непривычно покорно кивнул Игнатев. — Что ж, не понимаю, какое дело? — Он отошел в гущу людей, и среди них началось оживление.

Танков облизнул губы:

— Сергей, ты как, одобряешь решение? Если есть другое, лучше, скажи.

— Так чего? — Велин пожал плечами. — Ты дежурный по отделу. Стало быть, сегодня мой руководитель. Решил — мое дело подчиниться.

— Ну да. — Танков помялся. — Как мы с тобой поделимся?

— Ну оратор ты, как я погляжу, никакой. — Велин усмехнулся. — К тому же он меня знает, попробую уломать. В общем, переговори я на себя возьму. Потом ты потоньше. Так что если в форточку, так шансы только у тебя.

— Ну и ладушки. — Танков вздохнул. — Раз так, начинай, а то пять минут уже истекают.

— Я ж здоровый. Не пролезу.

— Так верно.

— И уговорю его скорей.

— Конечно, ты умеешь.

— Ну а как ты там будешь, тут не сомневайся. Напрямую через площадь рвану. Ох, нарушаем мы инструкцию. Обложить бы положено и ждать. — Велин озабоченно покачал головой. — Да ладно, раз уж ты решение принял.

Танков повернулся было к переминавшемуся в нетерпении Кременчуку, но, поколебавшись, вернулся.

— Передумал?

— Слушай, — смущаясь, боясь, что их услышат, попросил Танков. — Ты посмотри, как у меня пистолет.

Он вынул пистолет из кобуры и протянул Велину.

— Чего пистолет? — Тот недоуменно покрутил оружие на ладони.

— Ну, это... — Танков оглянулся. — С предохранителя как снять? Забыл я.

— Чего?! — Велин громко хохотнул. — Оружие, что ли, не держал?

— Да я и был-то всего на офицерских сборах. Так получилось. Ты только покажи.

— Ясно. — Велин громко, призывно вздохнул, покрутил было головой, собирая слушателей, но какая-то мысль удержала его, и он только тихонько выругался: — Предохранитель! Он у тебя и заряжен-то не был. Гляди, теперь патрон в патроннике.

— Где?

— Там, где надо, раззява. В общем, собачку спустишь. Вот она. И можно стрелять.

Танков осторожно принял пистолет, сунул в кобуру.

— Только учти! — остановил Велин. — Без предупреждения стрелять не имеешь права. Сначала в воздух. Иначе...

Танков и заждавшийся Кременчук побежали.

— Счастливо, сынок! — негромко пожелал вслед Захаров. Многие женщины крестили бегущих.

Быстрыми шагами шел к рупору Велин...

О ГОРОДАМИ, падая, перемахивая через палисадники, а кое-где ломая их, Танков и Кременчук перебежали к стынущему пруду, где залегли в густой осоке. До заветного окна отсюда было метров сто тридцать потоптанного луга. В тишине деревни разнесся искаженный металлом голос:

— Внимание! Будаков! С тобой говорит оперативный уполномоченный уголовного розыска Велин! Выслушай меня, и выслушай внимательно! Сейчас ты собираешься совершить непоправимую ошибку! Я не буду давить на твою совесть, я просто объясню, что будет, если ты пойдешь на это. И слушай изо всех сил, потому что шагнуть на роковой путь ты всегда успеешь!

— Толково говорит, — оценил Кременчук.

Танков, отдыхая, молчал. Он боялся растерять ту решимость, которую с трудом собрал после недавнего позора.

— Ну, все, — прошептал он. — Спасибо, дальше я один.

— Я с тобой, лейтенант, — заупрямился механизатор. — Не дело одного бросать. Да и не сладишь ты в одиночку. Он мужик здоровый, — только тут Танков разглядел в его руке небольшой ломик.

— Нельзя, Кременчук, нельзя.

Не вставая с земли, он содрал с себя китель и рывком, пригнувшись, а потом и во весь рост, не петляя и не сворачивая, побежал к окну. Почувствовав дыхание сзади, махнул отгоняюще рукой, но продолжал бежать, с надеждой ухватывая клочки фраз, непрерывно выкрикиваемых Велиным.

— Ответь же, ответь, — бормотал он.

Добежав наконец до стены, склонился к траве и натужно, закрывая рот, отдышался. Рядом глотал воздух Кременчук. Танков поводил перед ним пальцем: "Тише, пожалуйста, тише". Велин меж тем веско перечислял смягчающие вину обстоятельства, особенно напирая на явку с повинной. Будаков упорно отмалчивался, и, как ни прислушивался под окном слегка отдышавшийся Танков, в доме было тихо.

Наконец, выдохнув, лейтенант решился. Подняв руку, осторожно, с надеждой подтолкнул от себя пересохшую, с отслаивающейся краской раму. Она не подалась. Кременчук, сделавший то же самое, покачал головой: "Бесполезно". Оставалось встать во весь рост, дотянуться до форточки и надавить — дай бог не заперта. Сообразительный Кременчук тотчас, подсев, сложил замок руки и медленно принялся поднимать вставшего на них Танкова.

По мере того как голова и грудь все полнее вписывались в мрачный квадрат окна, Танков с нарастающим страхом вглядывался в черноту дома, из которой, быть может, давно уже с ухмылкой разглядывал его Будаков. Вот он опять поднимает ружье, заряженное картечью. Как там Захаров сказал — дай бог не заперта. Его, Мишку Танкова, и пополам? В двадцать два года — пополам? Спокойно, спокойно, спокойно.

"Хорош", — показал он рукой вниз и осторожно надавил на наружную сторону форточки. Она чуть слышно скрипнула — и скрип этот отдался в нем пугливым эхом. Наружная створка уперлась во внутреннюю и под нажимом руки приоткрыла ее.

— Чего там? — шепнул снизу Кременчук, которого под тяжестью ноши начало слегка водить.

Танков успокоил его ладонью. Он решался. Можно было попытаться разбить рукояткой пистолета стекло и впрыгнуть, но высокочит и Будаков, а глаза со света ничего не увидят.

— Быстрее, — попросил Кременчук.

Танков вытащил из кобуры пистолет, осторожно, как показал Велин, снял с предохранителя и с вытянутыми вперед руками, подпихиваемый снизу Кременчуком, принялся втискиваться в форточку. Прошли руки, голова, шея, вплотную самое трудное — плечи. Теперь он висел, пытаясь дотянуться руками до подоконника, и, медленно, осторожно подтягиваясь, втискивал остальную часть тела. Кременчук, приподнявшись на цыпочки, придерживал ноги, и все-таки одна сорвалась: тяжелый форменный ботинок отчетливо ударил по наружному стеклу.

Танков замер. Он понял ошибку. В обуви, в непригнанной форме у него не было шансов проникнуть бесшумно. Надо было бить стекло. Сейчас он висел, перевесившись вполонину, едва касаясь кончиками пальцев подоконника, сжимая в правой руке бесполезный в эти мгновения пистолет, и в ужасе ждал, что из темноты подойдет сбоку Будаков и... Страх, дотоле сдерживаемый, расплозился по нему. Он так явственно ощутил занесенный над собой топор, как раньше кромсающую тело пулю. Ужас охватил Танкова... Его передернуло, и одновременно он почувствовал под одеждой мерзкую сырость. Он рванулся вперед. Забыв об осторожности, с хрустом протискивался сквозь раму, извиваясь, будто червяк на крючке. Наконец неловко перевалился через подоконник и, лишь слегка смягчив удар, упал на пол. Тут же вскочил и на носках, но отчаянно скрипя новыми ботинками, отбежал в самый темный угол у противоположной стены, с отчаянным звоном свалив к тому же по дороге какой-то таз.

За дверью в комнате слышен был звон посуды, всхлипы детей, издали доносился хрипнувший голос Велина:

— Сам-то подумай. Пока у тебя только хулиганство, ну дадут года три, может, еще и условно, а если и впрямь на такое дело решишься — да это ж вышак без разговора.

"Не может быть, чтоб не слышал, — затаившись в углу, не верил Танков. — Что ж не вышел? Или навел стволы на дверь и ждет?"

Он явственно видел напряженно прильнувшую к окну фигуру Кременчука. Намокшие брюки прилипли к телу и неприятно покалывали. Теперь оставалось рывком ворваться в комнату. Он

подошел к двери — глаза уже привыкли к темноте — и обхватил ручку, моментально заскользившую под его ладонью. Но, дважды пережив ужас смерти, никак не мог решиться на это в третий раз и только покачивался, скользя левой рукой по косяку. Наконец, почти ничего уже не соображая, единственно желая хоть чем-то все это кончить, он рванул дверь и, боком проскочив косяк, вжался спиной в печь справа от входа, нервно вода перед собой пистолетом. Прямо напротив него, за столом, сидел крупный, с отечным небритым лицом мужчина лет сорока и в упор его разглядывал. Сбоку от него — стволами вверх — стояло прислоненное к табурету ружье. Детей Танков не видел, но сзади, за печью, с облегчением услышал взволнованное шушуканье.

В тот же миг раздался звон: Кременчук крушил левое окно. Прервался на полуслове и Велин. Боковым зрением Танков увидел, как, отшвырнув рупор, выдергивая на ходу пистолет, крупными прыжками пересекал он площадь. За ним, отстав, бежали несколько мужчин с ружьями.

— Руки вверх! — слотнув, выдал Танков.

Равнодушный к грозному его предостережению, Будаков налил себе из початой бутылки водки полный стакан, кивнул насмешливо на окно: “Ишь жмет, оратор” — и залпом выпил.

Теперь надо было подойти и забрать ружье, но заставить себя сделать еще одно усилие Танков уже не мог, а потому молча стоял, нелепо выставив перед собой оружие, которое сейчас у него из рук можно было разве что выломать.

— В первый раз под пулю? — понятно усмехнулся Будаков. — Вот так, лягаш. До чего бабы-то доводят. А я ведь ее и впрямь пристрелить хотел. Стерву эту. А малых бы не тронул. Что я, кровосос? Да ты подбери губы-то, а то увидят.

Вбежал Кременчук, огляделся, схватил ружье. Хрустнула под ударом входная дверь. Ворвался Велин, с лету, отбросив ногой табурет, подскочил к Будакову, аппетитно сунул в лицо дуло так, что зубы хрустнули о сталь:

— Смотри, тварь! Это тебе за детишек.

Будаков оказался приятным к спинке стула и расширяющимся от страха глазами следил за велинским пальцем, которым тот медленно отжимал курок.

— Не надо! — испугался Кременчук.

— Велин, не смей, — шепотом потребовал Танков. — Он сдался. Он сам сдался...

ТАНКОВА трясло. Трясло все сильнее, и, как он ни старался, ничего не мог с этим поделать. Из своего угла он наблюдал, как Велин с вошедшим Игнатьевым зашелкивали на запястьях задержанного наручники, как влетела в комнату Галина, с разлету прорвалась к мужу и грязными ногтями пропахала на его лице четыре борозды, моментально наполнившихся резво бегущими ручейками.

Будаков даже не попытался отклониться. Он стоял и с тоской смотрел на жену.

— А отмучились, кажись, мы с тобой, Галина, — негромко сказал он. — Видать, все к тому и шло...

Она, еще за секунду перед тем рвавшаяся к нему и с трудом удерживаемая двумя здоровыми мужчинами, разом затихла и задумалась, словно мысль эта оказалась для нее новой и неожиданной. Она села на первый же стул и только тут приласкала подбегавших детей.

— Сам напрягся, — резко бросила она, но не было в ней ни злобы, ни уверенности.

— Пошли, — подтолкнул Будакова Велин. Тот тронулся и остановился, глядя на затихшего в углу Танкова.

— Бог, видать, над тобой, парень, — покачал он головой. — Ты когда в форточке брыкался, я ведь над тобой с молотком стоял. Все решал. Видать, есть твой Бог.

И тут Танков нутром припомнил ощущение нависшего топора. Его судорожно, будто током, перетряхнуло, и возникшая тошнота стремительно подступила к горлу. Зажав рукой рот, он высочил в дощатый туалет и там, уже опорожнив желудок, долго, без слез, всхлипывал. Отсюда услышал и вой сирены. Он вошел в комнату, надел заботливо принесенный кем-то — Кременчуком, конечно, — китель, как мог, оправил одежду и вышел из пустого, никому теперь не интересного дома.

На площади возле двух “Волг” с распахнутыми дверцами прохаживались, весело перешучиваясь, человек пять здоровых

парней, упакованных в тяжелые бронежилеты. На боку у каждого покачивались подсумки. Плечи оттягивали автоматы Калашникова. Это была управленческая группа захвата. Чуть в стороне стоял заместитель начальника областного угро подполковник Силин и внимательно слушал азартно жестикулировавшего перед ним Велина. Здесь же, ковыряя носком сапога землю, топтался и председатель сельсовета.

Танков вздохнул, незаметно скосился на свои брюки и, всем телом ощущая мерзкую сырость, подошел к стоящим.

— Товарищ подполковник, — негромко, почти в спину доложил он. — Дежурный по райотделу лейтенант Танков.

Силин, повернув вбок голову, глянул на лейтенанта. На лице его отразилась та степень неудовольствия, при которой еще можно сдерживаться, но которую нельзя скрыть.

— Как я должен понимать случившееся? — Силин сделал паузу. — Как могло получиться, что группа выехала на задержание... Вы хоть осмысливаете это слово — за-дер-жа-ни-е?! Во-о-ру-женно-го! Преступника!

“Так вот откуда у Гуляева эта манера чеканить слова”, — нехотяти подумалось Танкову.

— Шофер-милиционер без оружия, — продолжал рубить воздух подполковник, — все без бронежилетов. Вдобавок к тому же в малочисленном составе. Да еще с задержанным в машине. Это что — выезд на происшествие или на пикничок с девочками?! — Он сорвался-таки на крик.

— Я боялся, что опоздаем, товарищ подполковник, — промямлил Танков. — Я думал, как быстрее. Передали, что дети.

— Оправдываться не надо! — будто только того и ждал Силин.

— Виноват.

— Что за бардак здесь был, мне уже доложили.

— Сергей Константиныч, — со снисходительной участливостью вступился Велин. — Танков еще совсем неопытный. Первое дежурство.

— Детишек спас. — Растерявшийся Захаров никак не мог сообразить, что здесь происходит.

— Оставьте вы!.. — раздраженно отмахнулся Силин. — Людей спасать — это наша профессия. А с руководством отдела мы завтра разберемся, почему вот таким, — он сверху донизу провел рукой вдоль фигуры Танкова, и тому показалось, что рука многозначительно задержалась на брюках, отчего он еще гуще покраснел, — доверяют судьбу района. Молите Бога, лейтенант, что вас еще не ухлопали. Полез как слон в посудную лавку! Насмотрелись, понимаешь, детективов... По машинам! — крикнул он. — Этого забираем с собой. — Будаков уже сидел в одной из “Волг”, сплюснутый с двух сторон объемистыми операми. — Там дежурный следователь, сразу и оформим, а завтра передадим в прокуратуру. — Он сделал знак Танкову отойти в сторону: — Приедете в отдел, не забудьте сразу передать сообщение.

— Есть, — еле слышно ответил Танков.

— Сколько лет в органах?

— Так уже... почти три месяца, — растерялся лейтенант.

— Уже... почти... — Силин качнул головой. — Интересно начинаете, — неожиданно хмыкнул он. — Завтра доложу генералу. Здорово перетрусил?

Танков хотел ответить что-то бодрое, но слишком свежи были воспоминания, и он молча кивнул.

— А вообще учиться надо. Второй раз такое не проскочит. Здесь дрессировка нужна. До свидания, лейтенант.

Уже садясь в машину, Силин придержал дверцу.

— Велин, — раздумчиво припомнил он. — Мне докладывали, что вы подавали рапорт о переводе в другую службу.

— Был грех, — громко смутился Велин. — Жена, злыдня, все подбивала. Прихожу поздно, ревновала. Беспочинно, конечно, товарищ подполковник. Но теперь я тверд — никуда.

— В течение трех суток, — предельно сухо потребовал Силин, — вы должны подать аналогичный рапорт. Я подпишу.

— Но почему? — Велин оторопел.

— Размеры у вас крупноваты. В форточку не пролезаете. Три дня! Поехали, — и Силин захлопнул дверцу.

Водители “Волг” с лихостью, принятой среди управленческих шоферов, резво, безжалостно “пожирая” шины, развернулись и помчались, заливая село дальними огнями фар.

Велин уже сидел в УАЗе. Пошел к машине и ошеломленный Танков. Ему кивали, говорили что-то ласковое, благодарственное. Остановил его Виктор Мефодьевич.

— Ты вот что, — сказал он. — Ты не унывай. Мне этот ваш подполковник не понравился. А то, что ты сделал, — это, я тебе скажу, подвиг. И я завтра же проинформирую район. Если надо, письмо вашему министру напишем. Защитим, словом.

— А не надо меня защищать, — словно отходя от заморозки, улыбнулся Танков. — Все хорошо.

Он пожал руку Захарову и залез на то же заднее сиденье.

Заглянул Кременчук:

— Держи, лейтенант. Это я из ружья вынул. — На глазах Танкова он выковырял ножом пыж и высыпал тому на ладонь горку рублевого свинца — картечь. — На память тебе.

— Разрешите трогаться, товарищ дежурный? — Игнатьев включил зажигание.

Старчески побряхтывая на ухабах, “уазик” потащился за молоденькими “двадцатьчетверками”. Завезли домой непонятно молчаливого Велина.

— Будешь писать рапорт, не забудь фразу: “Захватил вооруженного преступника”, — посоветовал он, выходя.

— Так Будаков ведь и не сопротивлялся...

— Салага ты еще. Набрали вас тут... Пиши, как сказано. — Велин с силой захлопнул дверцу.

В ОЗЛЕ самого отдела Танков вспомнил о притихшем сзади Воробьева:

— Его ж в изолятор отвезти надо.

— Не поеду! — категорически отрезал Игнатьев. — Как хошь, товарищ дежурный, хоть снимай, хоть как, а не поеду. Это ж в два конца километров двадцать, а мы и так доехали на одном желании. — Стрелка уровня бензина и впрямь зашкаливала за ноль. Усталый и измотанный, Танков смирился.

Через полчаса в отделе все стихло. Устроились на стульях в комнате информирования Игнатьев и Филиппов, храпел беспокойно за решеткой, прямо на полу Воробьев. В полной тишине сидел за столом Танков. Еще долго он то делал записи в многочисленных, путанных пока для него журналах и тетрадях, то отвечал на уточняющие вопросы дежурного по управлению. Потом, возбужденный, ходил возле стола, улыбаясь чему-то или стыдливо потряхивая головой. Наконец присел за стол и тут же заснул, положив голову на раскрытую книгу учета происшествий. Во сне он постанывал и улыбался.

Густая осенняя ночь уже блекла и медленно, разводами преобразовывалась в нерадостное, тяжелое утро, когда раздался резкий в такой полной тишине звонок в дверь. Танков встряхнулся и, пытаясь снять помятость после неудобного ночлега, потер щеки и пошел открывать. На крыльце стояла женщина лет сорока пяти в вытантовой, изъеденной молью кофте. Правый чулок у нее был спущен, и резинка, о каких Танков думал, что их давно не носят, волочилась по асфальту. О беспорядке в своей одежде она, похоже, не догадывалась либо просто не обращала на это внимания.

— Я с поселка Восток, — мимо молчавшего Танкова она вошла в коридор. Достала из-за пазухи паспорт и протянула его: — Куда здесь?

— Чего вам надо? — Танков разглядывал диковатую пришлицу, а в голове некстати вертелось: “Отцвели уж давно хризантемы в саду...”

— Так сюда мне.

Они стояли теперь в дежурной части, и женщина показывала рукой на решетку.

— Куда “сюда”?! Вы хоть знаете, для кого это?

— Так... для преступников всяких. Что я, дура совсем? Я ж говорю, Пудышина я. Ушибла-таки я его. Помните, звонила?

Танков, еще у двери начавший понимать, в чем дело, сглотнул прорезиненную сюнгу:

— Так, может, мимо?

— Чего там мимо? — Она с состраданием посмотрела на него. — Прямо топором по голове. Главное ж, предупреждала: не лезь, не пущу. По-хорошему предупреждала. Мой дом! — Она прервалась, села на стул и всхлинула: — Довел-таки. Детишек жалко. К соседке отела, а сама с ночи прямо по рельсам. — Она вдруг заговорщически погрозила Танкову пальцем: — А ведь я тебе говорила. А ты не приехал.

— Подвинулась баба, — констатировал прилипший к решетке Воробей. — Видать, и впрямь убила.

А Танков и не сомневался. Поэтому опустился на стул и сидел так несколько минут, рисуя крестики на листе бумаги. Потом, не глядя на диск, набрал нужный коммутатор, дождался недовольного ответа.

— Соедините с квартирой Карелова в Центральном поселке.

— Совесть бы поимели, — возмутилась телефонистка. — Пятый час всего. Дайте хоть поспать человеку.

— Хватит, отоспался, — безжалостно перебил Танков. — Соединяйте! Это из районной милиции.

Долго слушал он гудки.

— Да спят они, — прикинула телефонистка.

— Продолжайте!

— Чего ж продолжать-то? Давно б взял.

— Слушаю, — буркнул вдалеке низкий мужской голос.

— С вами говорит дежурный по райотделу лейтенант Танков.

Как в отношении сигнала с поселка Восток?

— Какого еще поселка? Ах да... Нормально, а как же? Съездили — пресекли. Я ж говорил тебе, лейтенант, паникуешь. Ты что, из-за этого в такую рань звонишь?

— Сами ездили?

— Ну, не сам. Поручил своим дружинникам...

— Поручил съездить или выяснить по телефону?

— А чего случилось-то?

— А то, что сегодня ночью Пудышина топором убила Гусарова.

— Что?! Это... не может быть. Кто вам сказал?

— Сама сказала. Сидит здесь передо мной. Сволочь ты.

— Погодите. Погодите, лейтенант! Это еще выяснить надо.

Она ж с приветом, наговорит всякого. Я сейчас же лично выезжаю. Немедленно. И сразу звоню. Вы меня слышите?! Немедленно!

— Чего уж теперь! — Танков равнодушно бросил трубку. Из-под разрисованного листа достал другой, чистый, в середине которого аккуратно, старательно обводя буквы, вывел: “Рапорт”.

На стуле скулила, рассказываясь, пожилая женщина в спущенном чулке.

ИЗ КНИГИ учета происшествий. **“13 октября, в 20 часов 40 минут, в селе Субботине Будаков Геннадий Семенович, 38 лет, несудимый, разнорабочий совхоза “Рассвет”, находясь в нетрезвом состоянии, на почве ревности избил жену, Будакову Галину Ивановну, 35 лет, рабочую того же совхоза, после чего заперся в доме и, угрожая убийством двух малолетних детей и самоубийством, открыл огонь по прохожим. В результате причинено проникающее пулевое ранение Антонову Борису Николаевичу, 44 лет, главному агроному совхоза “Рассвет”. Выездом на место опергруппы преступник задержан и водворен в ИВС. Возбуждено уголовное дело”.**

Из официального ответа начальника управления внутренних дел на заявление...

Копия: в областную газету.

“Уважаемая гражданка Павлова! Проведенным служебным расследованием факты, изложенные в Вашем письме в газету, полностью подтвердились. Сотрудники органов внутренних дел, не обеспечившие своевременный выезд на место происшествия, что привело к убийству Вашего племянника Гусарова К.Н., наказаны в дисциплинарном порядке: заместителю начальника райотдела капитану Ганееву объявлен выговор. Начальнику уголовного розыска капитану Гуляеву объявлено о неполном служебном соответствии. Дежурный по райотделу лейтенант Танков из органов внутренних дел уволен”.

Александр Николаевич Жуков родился в семье офицера в предгрозовом 1939 году в городе Гайсине Винницкой области. Оба его старших брата тоже стали военными. Один, как и отец-фронтовик, — танкистом, другой — летчиком. И сам Александр неплохо разбирается в военном деле — окончил МВТУ им. Баумана, дорожит погонями капитана. Ныне он известный московский поэт, бард, сатирик и юморист. В войсковом строю находится его младший сын, Дмитрий — старший лейтенант, начальник отдела многотиражной газеты Московского военного округа внутренних войск "Зоркий часовой".

В минувшем году в столице вышли сразу две поэтические книги Александра Николаевича "На восходе осеннего дня" и "Вежливость мудреца". Знакомство наших читателей с Жуковым, сатириком и юмористом, состоялось в прошлом месяце. Сегодня мы выносим на ваш суд его "серьезное" творчество.

ОТКРЫТЫЕ ЛИЦА

Я разучился радоваться.
Боже!
Я не умею жить текущим
днем.
Вокруг светло и радостно.
А всё же
я снова, снова думаю
о том,
что ждет нас впереди.
Во тьме кромешной
не разглядеть грядущие
года.
Быть может, я,
неверующий, грешный,
боюсь, Спаситель,
Твоего суда?
Суди меня за то,
что я не слушал...
А слыша,
славу петь Тебе не стал.
А Ты вложил в меня
живую душу,
а я Твоих надежд не угадал.
Суди меня за то,
что был незрячим
и разделить не мог добра
и зла,
концы бесславных дел
порою пряча
в ту реку, что всегда
к Тебе текла.

НА ГОРБАТОМ МОСТУ

Ветеран продает ордена,
чтоб не кланяться
ради Христа.
Что ж молчишь ты,
родная страна?
Или совесть твоя нечиста.

Этот орден его — за Москву,
а другой — за рейхстаг,
за Берлин.
Он стоит на Горбатом мосту
без друзей боевых,
сам-один.

Этот друг его
пал под Москвой,
и упал у рейхстага другой.
И стоит ветеран сам не свой,
вечный пленник
Второй мировой.

Он сберег тебя,
Родина-мать.
А друзей не сумел уберечь.
Сколько минуло лет,
и опять
он услышал немецкую речь.

Он стоит на Горбатом мосту,
перед Богом и Родиной чист.
Этот орден его, за Москву,
покупает седой интурист.

Гладколицый, сухой господин,
как и он, ветеран по годам.
— Если хочешь,
бери "за Берлин".
А Москву я тебе не отдам.

Вперед! Вперед! —
торопит время.
Ты слышишь зов его трубы?
Скорее!
Каждое мгновенье
как гиря на весах судьбы.
И снова
в суете дорожной,
боясь от времени отстать,

летишь за ним,
как будто можно
неуловимое поймать.
Как бы вдоль линии
прицельной,
всегда вперед,
вперед
летишь на скорости
предельной,
как будто бы
идешь на взлет.
И до последнего итога,
покуда не поглотит мгла,
тебе навстречу мчит дорога —
две стороны —
как два крыла.

РОМАНС

За окном тишина.
Отчего же не спится?
Белый снег на полях
одеялом лежит.
Снова память моя —
одинокая птица —
Над моею судьбой
всё кружит и кружит.

Высоко-высоко
Над грядущим и прошлым
беспокойная птица
кружит в вышине,
над осенней тропой,
бурым цветом поросшей,
над холодной землей,
но навстречу весне.

Вижу Ваши глаза —
или это мне снится?
На восходе весны

так сияют они!
Или память моя —
беспокойная птица —
возвращает назад
улетевшие дни?

За окном тишина —
ни метели, ни скрипа.
Спит под снегом земля,
не разбудит рассвет.
Так зачем мое сердце
так нежно открыто,
если рядом с моим
сердца Вашего нет?

Всю весну я ходил
мимо окон,
где так ясно сияли огни
в этом доме,
большом и высоком,
что воздушному замку
сродни.
Там смеялись, шутили,
играли,
танцевали,
садились за стол...
Но меня в этот дом
не позвали.
Был я рядом,
да мимо прошел.
Нежный голос,
так странно знакомый,
призывая, чаруя, маня,
пел за окнами
светлого дома,
пел один среди всех —
для меня.
Но весна миновала, и лето
миновало, пошло на закат.
И не стало высокого света —
в светлом доме
огни не горят.
Тихо в доме,
приспущены шторы.
Кто-то умер?
А может, больной?
И как раньше,
как в светлую пору,
обхожу этот дом стороной.
В темном доме,
высоком и строгом,
отзвенели той песни слова.
Кто-то в черном стоит
у порога —
может, дочка,
а может, вдова.

ИМЯ

Мне говорят:
"Ты жуковат".
А у меня обиды нету.
Недаром тыщу лет назад
наш предок дал нам имя это.
И прижилось,

и в кровь вошло,
в роду присутствуя незримо,
И сквозь века ко мне
пришло.

И слава Богу, что не мимо!
Что, как Петров, как Иванов,
моя фамилия на свете.
Лукавый лик моих дедов
сияет через тьму столетий.
Как продолжение его,
в глазах у сына моего
я вижу тот же взгляд
лукавый.

Пускай владеет им по праву,
пускай умножит во сто крат
того, кого уж нет в помине,
и будет горд, коль говорят,
что он оправдывает имя!

Птица пела,
и светлели тени.
Птица пела,
и метался мрак.
Но сказал знаток
по части пенья,
что она поет совсем не так.
Глупая,
послушалась совета
и запела (позабыв свое),
то, что было пето-перепето
птицами другими до нее.

На весеннем рассвете,
в апреле,
под капель и журчание вод
я вернулся в ушедшее время,
что во мне неизменно живет.
Я прошел по годам
отшумевшим,
по весенним цветущим садам
меж родных и знакомых
умерших,
что живут, неумершие, там.
Возле яблони старой,
той самой,
что у дома
с дощатым крыльцом,
повстречался со старенькой
мамой,
с постаревшим, но бодрым
отцом.
Погружаясь в заботы былые
с высоты настоящего дня,
я спросил их глазами:
"Родные,
как живется вам здесь
без меня?"

И глазами в глаза мои прямо
заглянула и взгляд отвела...
Ничего не ответила мама —
до калитки со мною прошла.
И, прощаясь со мною,

прижалась,
за короткий приход не виня,
улыбнулась
(иль мне показалось?)
и крестом осенила меня.

Ветер шумит.
Оттого ли не сплю,
что, дотянувшись из сада,
яблоня веткой скребет
по стеклу?
Яблоня, что тебе надо?!
Все понимаю.
Бессилен помочь.
Лето кончается.
Поздно.
Ночь над землей,
августовская ночь.
Зреют осенние звезды.
И остается — ветвями махать,
сыпать листву вдоль забора.
Горько,
что нечего людям отдать
в эту осеннюю пору.

Хмарь осенняя
все еще длится,
и дождям еще долго идти.
Но все чаще
открытые лица
попадают мне на пути.
Я еще обольщаться
не смею,
но уже допускаю на миг:
если лица у встречающих
светлее,
то светлее и души у них.
Я уже не тоскую,
как прежде.
Над разводами грязи и луж
прохожу, озаренный
надеждой,
меж высоких и низменных
душ.
Я таким никогда еще
не был,
светлоликим —
в сырой полумгле.
Души светлые тянутся
к небу,
души темные тянет к земле.
Я надеюсь, что муть
остоится,
и в осадок опустится зло,
и возвысятся светлые лица,
чтобы стало в России
светло.
И да будет в России светло!

**Самсон
АГАДЖАНИЯН**

УДАВ

Рассказ

РАСПАД Советского Союза застал меня в Средней Азии. Отслужил я тогда во внутренних войсках свой положенный двадцатипятилетний срок, и когда начальник ВВ Казахстана предложил мне присягнуть, теперь уже на верность казахскому народу, я написал рапорт на увольнение. Меня тянуло к родным краям, откуда мальчишкой был призван в армию. Семью отправил самолетом, а сам на машине поехал вдогонку. Мой путь начинался от столицы Казахстана Алма-Аты, потом шел через пески Каракумов, степи Киргизстана, полупустыни Мангышлака, далее — на Гурьев, Астрахань, Элисту, а там рукой подать до Краснодарского края.

По карте все просто, а на деле — пять тысяч километров, из них три тысячи — по пустыне и безлюдным степям.

Разгула преступности на дорогах в ту пору еще не было, и об опасностях этого рода я не задумывался. Ехать по асфальтированным дорогам Средней Азии хорошо, это расстояние я преодолел за световой день. А дальше — асфальт кончился, впереди — ровная степь, а на ней — десятки разветвленных дорог.

Ехать по пустынной степи — жуткое удовольствие: на сотни километров ни одной живой души, одним словом: “Учкудук — три колдца!”.

Иногда дорога разветвлялась на несколько. Приходилось останавливаться и почесывать затылок: какую выбрать? Один раз дорога так раздвоилась, что я не решился ехать дальше. До Мангышлака, по моим подсчетам, оставалось еще километров шестьсот-семьсот, и только на такое расстояние хватало бензина. Любое отклонение от маршрута рискованно. И я решил подождать попутную или встречную машину. Погода была под стать пустыне в летнее время — невыносимая жара.

Армейская служба меня многому научила, и я не обращал на это внимания. Сидя в машине, я постоянно оглядывался по сторонам, бросая взор на горизонт, в надежде увидеть пыль от приближающейся машины. Но время шло, а пустыня по-прежнему была молчалива и мертва.

Самсон Карапетович АГАДЖАНИЯН — полковник в отставке, ветеран внутренних войск. В 1968 году он закончил Орджоникидзевское военное командное училище им. С. М. Кирова. Многие годы служил в Казахстане, последняя должность — командир полка.

Что касается литературы, то, по его собственному признанию, “писателем стал благодаря журналу “На боевом посту” и его тогдашнему начальнику отдела литературы Ивану Трофимовичу Козлову. В 1987 году мой рассказ “Отпуск” победил в конкурсе, а я был приглашен на семинар литераторов внутренних войск. После увольнения в запас занялся литературным трудом, написал десять книг. Практически все опубликованы. Одна из последних — “Жена офицера” увидела свет в Краснодарском издательстве три года назад”.

Незаметно наступили сумерки, жара спала. В надежде, что завтра обязательно появится машина, я постелил плащ-палатку на песок и крепко заснул. Проснулся от обжигающих лучей солнца. Стал ждать. Лишь к исходу дня увидел вдали столб пыли. Радости не было границ. Машина приближалась, это был "Москвич". За рулем сидел мужчина, рядом — женщина. Руку я не поднимал, было бы глупо это делать, даже в мыслях я не допускал, что он может не остановиться. Но он проехал. Ошарашенный этим, я безмолвно смотрел вслед удалявшемуся автомобилю. А из машины на меня глядела пара детских глазенок.

Когда машина была уже на определенном расстоянии, я пришел в себя и рванул вдогонку.

— Эй, товарищ, господин, черт тебя побери, ты подскажи, по какой дороге мне ехать?

Скорость моя была приличная, еще немного, и я бы догнал "Москвич". Но водитель надавил на газ, и машина, вилля по песчаной дороге, обволакивая меня пылью, понеслась прочь. Я остановился и возмущенно посмотрел вслед. Происходящее в голове не укладывалось. Лишь немного успокоился, когда в адрес этого "товарища" или "господина" высказал самые дикие и непристойные слова, при этом попросив Всевышнего, чтобы у него спустились оба колеса. Почему оба? Потому что у любого водителя, едущего в такую даль, есть запаска. Одно он заменит, а со вторым помучается, чего я ему и пожелал.

Вообще это выглядело дико. В пустыне, впервые за двое суток встретил живое существо в человеческом облике, а оно проехало мимо. Дикая перестройка дошла и до пустыни.

Я двинул по той дороге, по которой он приехал. Обида, что он не остановился, не проходила. Разговаривая сам с собой, отмахал больше двухсот километров. Все чаще стал поглядывать на спидометр: бензина верст на триста еще хватало. По карте до Джетыбая Мангышлакской области было около двухсот километров. Теперь главное — не заблудиться. Смеркалось. Я решил не рисковать и дожидаться утра. Постелил плащ-палатку на горячий песок, лег, заложив руки за голову, окинул взглядом звездное небо. Вечерняя прохлада и удивительная тишина склоняли ко сну. Но из головы по-прежнему не выходил дикий поступок того водителя, который проехал мимо и не протянул руку помощи. Проснулся от прикосновения нежных лучей солнца. Утренние лучи действительно нежные и ласковые. Это к середине дня они становятся безжалостными, словно мстят людям за их равнодушие и неуважение друг к другу.

Проехал километров десять, дорога вновь раздвоилась. Опять головомолка. Вышел из машины, посмотрел, какая из них более накатанная. Решил двинуть по той, которая поворачивала вправо, но не проехал и сотни метров: какая-то невидимая сила заставила меня развернуться. Сердцем чувствую, что качу не туда, но продолжаю ехать. Километров через пятьдесят увидел вдали темное пятно. Вначале подумал, что это верблюд, но по мере того, как приближался к нему, оно разрасталось. И когда я четко увидел очертания дерева, то не поверил своим глазам. Но еще больше изумился, когда заметил маленький ручеек. Он выбегал из-под песка, протекал несколько метров и снова прятался в песок. Чудо природы! Я опустил на колени и набрал в ладонь воды. Она была прохладная и чистая как слеза.

Неожиданно сверху до меня донесся тяжелый вздох. Я замер. Ощущение было такое, что на меня кто-то смотрит. Стало не по себе. Переборов страх, я встал и поднял голову, с опаской глядя на дерево. В кроне, кроме листьев, ничего не заметил. "Послышалось", — подумал я и рукой стал отбрасывать песок, чтобы накопилась вода. Сделав лунку, опустил туда ноги.

Прикрыв глаза, я блаженно отдыхал. Вновь слышу сверху вздох, четкий и ясный. Сомнений не оставалось: с дерева на меня кто-то смотрит. Меня вновь сковал страх. С трудом переборов его, я приподнял голову, внимательно посмотрел на дерево и тут же увидел голову, напоминавшую огромного сома.

"Удав!" — молнией промелькнуло в сознании. Наши взгляды встретились. От страха мой мозг отключился, и не было сил, чтобы оторваться от змеиного взгляда. Время и само понятие "жизнь" исчезли. Сколько это длилось, я не помню. Но когда удав стал шевелиться и сползать с дерева, я пришел в себя, всколыхнул как ужаленный и поспешил к машине, достал из багажника саперную лопатку и приготовился к бою. Удав наполовину сполз с дерева, его тело зависло метрах в трех от земли. С лопатой я чувствовал себя более уверенно и прежнего страха уже не испы-

тывал, но на всякий случай открыл дверцы и приподнял стекло, в готовности укрыться в машине. Немного погодя удав зашевелился, его голова начала медленно опускаться к земле.

Он был огромный: метров пять-шесть длины и очень толстый. Приподняв голову, он уставился на меня. Ноги мои стали ватными, я понял, что саперной лопаткой мне его не одолеть.

— Если двинешься ко мне, получишь лопатой по голове, — эти слова я, казалось, прокричал, но мой голос затерялся где-то в глубине души. Во рту все пересохло.

Страх, что он кинется на меня, заставил принять самое благо-разумное решение: я заскочил в машину. Теперь я был в безопасности и смотрел на него куда спокойней.

Он медленно пополз в мою сторону. Через заднее стекло я наблюдал за ним. Вот он уже в шаге от автомобиля, вот уже заползает под него. Жду, когда выползет, сижу ни живой ни мертвый. Неожиданно перед глазами возникла его голова, и я непроизвольно зажмурил глаза. Тело вновь окаменело. Да лучше бы на меня тигр напал, чем эта змея! Возникла мысль включить зажигание и уехать, но даже это я не мог сделать. Не знаю, сколько прошло времени, прежде чем я открыл глаза. Удава на лобовом стекле нет. Поворачиваюсь: свернувшись в круг размером с колесо от ЗИЛа, он лежит у ручейка.

Страх окончательно отпустил меня, и я уже осмысленно смотрю на это чудо природы. А прозрачная вода фонтанчиком бьется из-под песка, ужасно хочется пить. В машине у меня есть вода, но мне хочется попить именно из ручейка! Я приоткрыл дверцу, высунул голову:

— Эй, дружище! Отползи в сторону, я воды попою!

Не шевелится. Я посмотрел на часы: пора ехать. Жалко расставаться с ним, но надо. Завел машину, напоследок посмотрел на это чудо природы и громко крикнул:

— Прощай!

ОТЪЕХАЛ, посмотрел в зеркало: удав лежит. Я думал, что на прощание он хоть голову поднимет, но змея оставалась неподвижной. Через несколько километров как-то неожиданно мне в голову пришла идея: отвезти его в змеиный питомник — террариум, пусть народ полюбуется. Развернул машину, подъехал к дереву. Смотрю, удав лежит в такой же позе, не реагирует. Выхожу...

Несколько раз я останавливался, но желание увезти его пересиливало. Главное — накинуть мешок ему на голову, чтобы не укусил. То, что он не ядовит, я знал со школьной скамьи, опасался другого: как бы он меня не оплел кольцом.

И вот стою в шаге от змеи и смотрю как загипнотизированный. Сверху глаз его не видеть, и это главное. Медленно опускаюсь на корточки, ноги и руки предательски дрожат. Был момент, когда стало не по себе и я чуть не упал.

Медлить опасно. Я накинул мешок на голову удаву. Все остальное руки делали механически. То, что его тело пошло кругами, а мои ноги очутились в жестком кольце, меня не волновало. Главное — запихнуть змею в мешок!

Удав не хотел терять свободу и отчаянно сопротивлялся. Но и мне было некуда отступать. Мысль о том, что он может вырваться из моих рук и отомстить, удваивала мои силы. Наконец я победил, и удав оказался в мешке. Крепко завязав его, я поднял ношу. Ого, килограммов сорок, если не больше! Положил мешок в багажник, ополоснул напоследок в ручье лицо и руки, тронулся в путь.

Жара стояла невыносимая. Еду, а из головы не выходит: не задохнется ли змея от жары? Остановился, открыл багажник. Посмотрел на мешок: не шевелится. Притронулся рукой:

— Ты живой?

Молчит. Стою и думаю: что делать? "Надо развязать", — промелькнула мысль. Развязал. Так и есть — удав неподвижен. Неужели все-таки задохнулся?

Я вновь толкнул чешуйчатое туловище. Зашевелился. Облегченно вздохнув, я захлопнул багажник и уже собрался вновь усесться за руль, но тут же задумался: а вдруг он выползет из мешка?

Я открыл багажник и сложил на внутреннюю перегородку коробки, чтобы он не дай бог не заполз в салон.

Проехав километров пятьдесят, я оказался на развилке дорог и понесся по той, что была накатана. Еще через километров двести, я увидел впереди двугорбого верблюда. Стало веселее. Еще немного — и прощай пугающая пустыня! В голове начала вырисовываться

вываться картина, как я привезу змею в Краснодар и как будет удивлен обслуживающий персонал террариума. Интересно, за него деньги дадут? Впрочем, нет, денег не надо. Я подарю!

Довольный таким решением, я улыбнулся, и тут же кто-то крепко схватил меня за горло.

БРОСИВ руль, я схватился за шею. Руки мои наткнулись на что-то крепкое. Взгляд упал на зеркало, и прямо над своим ухом я увидел его глаза. То ли от страха, то ли от нехватки воздуха я лишился чувств. Придя в себя, приоткрыл глаза, посмотрел в зеркало и вновь увидел его. Сидишь живой ни мертвый. Слышу тяжелый вздох. Тело змеи задвигалось, кольцо вокруг шеи сжалось. Инстинктивно хватаюсь за горло, пытаюсь освободиться, но он давит еще сильнее.

Я вновь провалился в темноту. Пришел в себя, глянул в зеркало. Встретились глазами. Страх нет, да и какой там страх: мысли, как и тело, парализованы.

Удав глубоко вздохнул. Я не делаю больше попыток освободиться. Жду, что будет дальше. С трудом оторвав от него взгляд, закрываю глаза, и тут же — вздох и кольцо опять придавило мою шею. Открываю глаза — кольцо ослабло. Посмотрел на него — глаза удава, словно человеческие, глядят на меня.

— Ты хочешь, чтобы я отвез тебя назад? — непроизвольно вырвалось из моих уст.

Вздох, и кольцо, чуть придавив мою шею, тут же отпустило. Я догадался, чего он хочет, но, глянув на спидометр, понял: не доеду — бензин на исходе.

— Мне надо заправиться, — вновь обратился я к удаву.

Он смотрит на меня, я — на него.

— Ты понял, что я сказал?

Молчит. Я включил зажигание, дал задний ход, выехал на дорогу и поехал прямо, но тут же он так вновь придавил мою шею, что потемнело в глазах. Я резко затормозил. Кольцо ослабло.

— Ты можешь понять, что мы не доедем? Надо ехать прямо до Джетыбая, там заправимся, и я тебя отвезу обратно.

Молчит. Черт побери, я с ним разговариваю, как с человеком! Такое ощущение, что я не в своем уме, а может быть, это все вообще мне снится? Рукой притрагиваюсь к шее, пальцы коснулись его тела, и мне вновь стало плохо. Глаза мои сами собой закрылись, но тут же последовала его ответная реакция. Открыв глаза, завел машину и покотился прямо. На этот раз удав разозлился не на шутку. Он злобно зашипел возле моего уха. Задыхаясь, я развернул машину и поехал обратно. Заглянув в зеркало, самого себя не узнал: глаза у меня так блестели, что стало жутко. Еду и жду, когда он вновь придавит, но ничего подобного не произошло. Тут-то я окончательно убедился, что он хочет домой...

Понять-то я понял, но бензин на исходе. А если я остановлюсь, он меня окончательно задушит.

Я вновь посмотрел на него:

— Если ты такой умный, то должен понять, что мы не доедем — машину необходимо заправить. Поэтому надо ехать назад... Ну, чего молчишь?

Проехав еще немного, я притормозил. Он понял мои намерения и слегка придавил. Убедившись, что с ним бесполезно спорить, решил ехать до тех пор, пока не загложет движок. За годы своей службы я всякое повидал, не раз смотрел смерти в глаза, но такого жуткого страха мне еще не доводилось испытывать. И страшно становилось не от того, что умру, а от того, что эта змея умеет мыслить!

ПРОЕХАЛИ еще километров сто, мотор заглох окончательно. Все, бензин на нуле. Удав окончательно придавил меня.

— Бензин кончился! — зло заорал я. — Если не веришь — смотри! — Я попробовал включить стартер, который надрывно захихал. — Ты понял?! Бак пустой!

Удав смотрит на меня своими умными глазами. Жду, когда еще раз придавит меня, но он лишь кладет свою огромную голову мне на плечи. Пот с меня уже не течет, видимо, весь вытек. Эх, жаль, нет видеокамеры, вот это были бы кадры так кадры! Если останусь жив и расскажу кому-нибудь — засмеют.

А время идет. Страшно хочется пить. Вся надежда на встречную машину.

То ли от пережитого страха, то ли от жары незаметно для себя я впал в дремоту. Пришел в себя, когда чешуйчатое туло-

вище вновь сдавило мою шею. Открываю глаза и вижу вдали столб пыли. Радости, однако, никакой: увидев меня с таким "другом" на шее, любой водитель, не останавливаясь, промчится мимо.

Я хотел было открыть дверцу, но удав вновь стиснул шею.

— Мне надо выйти, а то машина проедет.

Молчит.

Вновь делаю попытку, и снова сжимается кольцо.

— Тебе же хуже! — зло бросаю я.

Приблизившаяся машина сбавляет скорость и останавливается в нескольких метрах от моей. В салоне, кроме водителя, женщина с ребенком. Мужчина вылезает наружу и направляется было ко мне, но тут же словно ужаленный отскакивает назад. Лицо его побелело, вытаращив глаза, он смотрит на меня и медленно пятится. Понимая, что он вот-вот заскочит в машину и даст по газам, кричу:

— Пожалуйста, не уезжай!

Он остановился и вопросительно посмотрел на меня.

— У меня кончился бензин, — начинаю торопливо объяснять ему я. — Вот, держи деньги, а в багажнике пустая канистра.

Из автомобиля показалась девочка. Мужчина тут же заорал не своим голосом:

— Юля, немедленно в машину!

Девчонка испуганными глазенками смотрит на отца. Следом из машины выскочила женщина, схватила дочь и втолкнула в салон. Мужчина продолжал молча смотреть на меня. Видимо, он понял, что я в опасности.

— Помочь? — шепотом спросил он.

Я лишь успел кивнуть головой, как змеиное кольцо в который раз сдавило шею. Задыхаясь, я успел крикнуть:

— Не надо, слышишь?! Ты только бензина дай!..

Вновь попятившись назад, он добрался до своего автомобиля, достал из багажника канистру и хотел подойти к моей машине, но не решился и поставил емкость на землю. Продолжая опасливо поглядывать в мою сторону, вернулся за руль.

— Возьми деньги! — крикнул я, но он, словно не слыша, так рванул с места, что из-под колес фонтаном полетел песок.

КАК выйти из машины? Я вновь взглянул в глаза удаву. — Мне надо заправить бак. Может, отпустишь?

Молчит. Осторожно открываю дверцу, жду, когда придавит. Выхожу из машины, он тут же обхватил мое туловище в кольцо. Такой длинный, что по земле еще на пару метров его хвост за мной волочится. Вылил бензин в бак. С трудом сел обратно. Поехал. Теперь главное — не проморгать развилку.

Еду и внимательно посматриваю на дорогу. По моим расчетам, я уже должен подъехать к ней. Но ее все нет. В одном месте мне показалась, что это как раз здесь. Я повернул направо, но он тут же придавил. Посмотрел в зеркало. Его взгляд направлен на дорогу. Я понял значение его взгляда. Еду и жду, когда "скажет", где надо поворачивать. И не ошибся. Он придавил, и я увидел развилку, повернул направо.

Голова его сползает с моих плеч, тело складывается кругами на сиденье. Лег полностью, голова посередине. Глаза направлены на дорогу. У меня созрел план: как только подъеду к его жилищу, выскочу из машины, чтобы не успел меня схватить.

Впереди показалось дерево. Он увидел свое жилище, поднял голову. Страх, что удав может мне отомстить, возростал. В нескольких метрах от ручейка я остановил машину, посмотрел на него. Наши глаза встретились.

Голова его приближается к моему лицу. Все, больше нет сил вынести это жуткое представление! Обреченно закрываю глаза. Он перестал шипеть. Я ждал своей участи. У него была такая огромная пасть, что в нее запросто провалилась бы моя голова.

Неожиданно моего лица коснулось что-то мягкое. Я замер, не дышу. Слышу его громкое шипение. Сил нет, чтобы открыть дверцу и выскочить. Мозг, который не раз выручал меня из опасности, словно отключен.

Скользкий змеиный язык вновь коснулся моего лица. Мои глаза невольно открылись, и мы посмотрели друг на друга. Страх я не ощущал, да какой там страх, если тело помертвело! Я увидел осмысленный взгляд, чувствую, что он думает, как со мной поступить.

Раскрыв пасть, он сильно зашипел. Я невольно зажмурился. Промелькнула мысль: все — мне конец! Шипение прекратилось. Я открываю глаза. Он смотрит на меня. Станный взгляд, словно что-то хочет сказать. Моя рука невольно тянется к ручке дверцы. Открываю. Он издал громкое шипение, опустил голову и пополз через мои колени на землю. Наконец и его хвост очутился на земле.

Еще не вполне веря в происшедшее, я машинально захлопнул дверцу, приподнял стекло. Змея подползла к дереву, повернула голову, посмотрела на меня и медленно полезла по стволу вверх.

Придя в себя, я круто развернул машину и, поднимая песчаную пыль, понесся прочь...

ПРОШЛО много лет, но этот случай не выходил из головы. С каждым годом возрастало желание увидеть его. Я внушал себе, что это мне только приснилось, пригрезилось, что это мираж — обычное дело для пустыни. Но сам себе не верил и ничего не мог с этим поделать. Удав словно звал меня.

Об этом случае я рассказал друзьям, в ответ одни лишь ухмылки да неумные шутки. И, чтобы развеять сомнения, я поехал.

До города Актау (бывший Шевченко), областного центра Мангышлака, добрался без проблем. Потом до Джетыбая и от него по пустынной дороге в сторону Каракалпакии. Что удивительно: я не боялся заблудиться, словно по этой дороге ездил

не раз. И нужную развилку нашел без проблем. Ощущение было такое, как будто он сидит рядом и показывает дорогу.

Когда вдаль показалось одинокое дерево, облегченно вздохнул: случившееся тогда — не умопомрачение, а правда. Теперь главное — увидеть ЕГО или ЕЕ. Не доезжая до дерева, я остановился, вышел из машины и тут же почувствовал волнение и вместе с ним страх. Ноги стали ватными. Во рту неожиданно пересохло. Возникло желание немедленно уехать.

Пятясь назад, сел в машину. Пальцы вцепились в ключи, хочю завести, но не могу. Я вышел из машины и громко позвал: — Ты где?

Вижу, ветви зашевелились. Сердце бешено бьется в груди. В висках отбойным молотком пульсирует кровь. Вниз свисает голова. Наши глаза встретились.

“Нет, это не он!” — промелькнула мысль. И в знак подтверждения моих слов удав, сползший на землю, равнодушно зашуршал по песку в сторону от ручья.

“Может, это его дитя?” — промелькнуло у меня в голове. Я ждал, когда опустится и старый удав, но его все не было. Тогда я подошел к дереву, поднял голову, с надеждой посмотрел на ветви и не увидел ничего.

“Наверное, умер”, — грустно подумал я, подсел к ручью, набрал в горсть воды, выпил. Она была по-прежнему холодна и вкусна. Садясь в машину, на прощание окинул взглядом дерево. На душе было грустно. И ощущение такое, как будто потерял что-то очень дорогое...

* Почтовый ящик

“Уважаемая редакция! Пишет вам Найдич Алена Владимировна, внучка Михаила Яковлевича. Благодарю вас за журнал со стихами деда. Жаль, что он не дождался его при жизни. Он скончался 27 февраля после тяжелой и продолжительной болезни, полупарализованный. Но до последнего часа пытался работать. У него остались нереализованными кое-какие творческие планы. Мы с бабушкой сейчас разбираем его бумаги, рукописи. У него было много мыслей, которыми он хотел поделиться с молодежью на страницах наших изданий, в том числе журнала “На боевом посту”, с которым был связан долгие годы...”

Вот такое письмо получили мы из Екатеринбурга...

Выполняя волю нашего давнего автора, замечательного поэта-фронтовика М.Я. Найдича, к сожалению, немного не дожившего до славного 60-летия Победы, публикуем сегодня его корреспонденцию.

С ПЕСНЕЙ ПО ЖИЗНИ

Не так давно в журнале “Новый мир” появилась статья о творчестве Владимира Высоцкого, — по-моему, лучшее, что сказано об этом удивительном человеке. Всё, казалось бы, прекрасно, но автору статьи почему-то захотелось по дороге ударить незаслуженно и пошло... композитора Василия Павловича Соловьева-Седого, столетие которого не за горами.

Вспоминаю, весной сорок четвертого, тяжело опираясь на костыли, вышел я из госпиталя и медленно двинулся по проулку. Было это в областном городе Уральске (Западный Казахстан), но и здесь, в глубоком тылу, всё дышало войной и ожиданием окончательной победы. Привычными и озабоченными глазами глядели люди на нас, костыльников. Внезапно я увидел пожилого человека с погонями полковника. Он был бледен, дышал прерывисто.

— Вам плохо? — остановился я.

Полковник строго взглянул на меня, за-

тем приложил к губам палец: потише, дескать. И слегка повернул голову в сторону, к особняку. А там сквозь распахнутые окна лилась завораживающая мелодия, песня. С первого раза, да еще на расстоянии, она мне не запомнилась целиком, но припев — “Соловьи, соловьи, не тревожьте солдат. Пусть солдаты немного поспят” — сразу же врезался в душу. И еще две строки:

А завтра снова будет бой.

Уж так назначено судьбой.

Вдвоем мы двинулись дальше, и, не вдаваясь в подробности, полковник поведал мне, что впервые услышал эту песню там — и неопределенно махнул рукой, но было ясно, что имеется в виду передний край, — и с тех пор: “Ничего не могу с собой поделывать; берёт за душу!”

— Это же как прямое попадание в сердце! — попытался пошутить я.

Но он не принял моей шутки:

— Вот именно! Прямое!

Тогда впервые я по-настоящему заинтересовался творчеством В.П. Соловьева-Седого, в то время депутата Верховного Совета СССР, лауреата Сталинской премии. Его песни “На солнечной поляночке”, “Пора в путь-дорогу”, “Вечер на рейде” (“Споёмте, друзья, ведь завтра в поход...”), многие и многие другие легко, сразу же, без особых усилий запоминались, становились любимыми. Конечно, были и у других авторов удаchi — замечательные песни “Тёмная ночь” Богословского и Агатова, “Землянка” Листова и Суркова и т.д. и т.п. Но почему-то именно Соловьеву-Седому хочется мне сейчас сказать: “Спасибо!”

*Дул ветер и качались занавеси,
растерянно метался сизый дым.
И петухи совсем по-деревенски
с утра кричали под окном моим.
А дни, один другого интересней,
упорно шли походкой молодой.
О, как тогда любил я ваши песни,
Василий Палыч Соловьёв-Седой!
Они вели дорогой полевою,
вели туда, где расступалась мгла.
И юность, опалённая войною,
по той тропе нетерпеливо шла.
И всюду: на полянах, на пригорках —
шумело море осмелевших трав.
А мы еще ходили в гимнастёрках,
едва погоны полевые сняв.
Хотелось верить,
что любовь воскреснет
и зазвенит на сотни голосов.
И были соловьи — из вашей песни;
и были соловьи — из всех лесов.
Я знал: куда-то выйдем,
кем-то станем.*

*Но жаль, что, проводив свою зарю,
с таким непоправимым опозданием
я вам сейчас спасибо говорю...*

Михаил НАЙДИЧ

ПРИГЛАШЕНИЕ К РАЗГОВОРУ

СПОЛКОВНИКОМ запаса Вячеславом Шаравовым меня познакомил ветеран нашего журнала поэт Евгений Ерхов. В ту пору в Объединенной редакции МВД у Шаравова выходила первая поэтическая книжка "Люблю и верю", которую Ерхов редактировал. "Присмотрись к нему, — посоветовал Евгений Иванович, — человек он открытый. И стихи пишет такие же. Пусть не все в них одинаково хорошо — мастерство еще не наработано в полной мере, но подкупает откровенность, неподдельная любовь к Родине, к неброской чарующей природе, к простым людям. Сам он деревенский, тверской, смолоду работал в подмосковном Клину, потом почти тридцать лет служил в армии и у нас в МВД".

С той поры прошло десятилетие, и вот передо мной новая, точнее, очередная и в чем-то, наверняка, веховая книга Вячеслава Ивановича Шаравова "Разговор по душам" (М., "Русский мир", 2004). В ней он представлен не только стихами и текстами песен, но и прозой — рассказами, историями, воспоминаниями. Это уже не начинающий поэт, а уверенно работающий со словом литератор, член Союза писателей России.

Разговор о поэзии мы пока оставим в стороне (в одном из очередных журнальных номеров познакомим вас со стихами полковника Шаравова), а вот о его прозе хочется сказать отдельно. "Нам надо еще много учиться душевному разговору друг с

другом, открытому и сердечному", — замечает Вячеслав в самом начале книги. И надо сказать, перебирая его бесхитростные зарисовки о житейских ситуациях, о людях, с которыми удалось познакомиться, чувствуешь стремление пригласить своего читателя именно к душевному, открытому и сердечному разговору. Разговору, который и нужен, и полезен. Впрочем, судите сами.

— Помню, когда после училища прибыл в полк, — вспоминает Шаравов, — сразу поставил себе задачу: служить так, чтобы взвод стал отличным. Технику я знал хорошо. С людьми тоже работать умел, недаром последний курсантский год был командиром отделения. А это уже давало командирскую практику. Во взводе было двадцать восемь солдат и сержантов срочной службы, четыре боевые машины и класс с учебной аппаратурой. Какие тут могли быть проблемы, решил я. Подготовлю всех солдат до уровня специалистов первого класса, подниму строевую выучку до уровня курсантов в училище, подтяну физическую подготовку. Мужики ведь все, и спортивная закалка для них дело нужное. Сам я интерес проявить должен.

С этого и начал. Любое занятие, тренировки у меня проходили ответственно. Старались и сержанты. Бывало, проверю, как они подготовлены к проведению занятий, и сам же отмечая, что все ими учтено, как и должно быть. Контролировал постоянно и спрашивал порой с нерадивых довольно строго. Уже к первой итоговой проверке надеялся на высокие результаты.

Но на деле оказалось не совсем так. И по физической подготовке до пятерки не дотянули, и на строевой не особо отличились, а песню спели и того хуже. Даже по специальной подготовке некоторые солдаты умудрились тройки получить, хотя до проверки показывали довольно высокие результаты. Я анализировал, как говорят, изучал причины. Все думал: как же так? Сам отчитался отлично, командир отделений вроде бы тоже не подвели, а вот солдаты сдавали проверку без энтузиазма...

Сидел однажды в курилке, рассуждал, но самых что ни на есть истинных причин случившегося не находил. А главное, самолюбие заело. Расхвастался вроде и в роте, и в батальоне, что взвод мой будет лучшим, а тут дудки... В момент этого сосредоточенного раздумья ко мне и подошел рядовой Константинов. Парень он был толковый, к делу относился ответственно и среди сослуживцев пользовался авторитетом. До армии закончил педагогический техникум. Он знал, что и я до училища закончил техникум, и ему это нравилось. Вроде бы он в чем-то считал себя равным взводному.

— Я знаю, товарищ лейтенант, почему вы не в настроении. Проверку сдали мы плохо.

Ну, думаю, Константинов, психолог из тебя получится. Угадал.

— Да, наверно, ты, Виктор, прав.

Закурили.

— А вы знаете, товарищ лейтенант, в чем причина нашей неудачи?

— Да вот догадываюсь, а так ли это?..

— Вся причина, — продолжал солдат, — в вашей необоснованной требовательности и недоверии к нам. Вы хотите, чтобы все все делали, как вы. Но ведь солдаты люди разные. Кто-то может вам подражать, а кто-то нет. И

вы всегда нас ругаете. А ведь если бы хоть раз похвалили, может, по-другому вышло.

— Так хвалить надо за что-то, — попытался я возразить Константинову. — За хорошие дела я ведь поощряю.

— Да вот не совсем так. Чаще все только спрашиваете и наказываете.

Мне хотелось возразить ему. Но на деле выходило именно так. Сержантская практика нередко заносила меня не в ту сторону. И по всему выходило, что Виктор был прав. Ребята во взводе молодые, и им больше требовалось ободрения их действий, а не огульного спроса и наказания.

Мы докурили и, кажется, недовольные друг другом, разошлись.

Как ни был я упрям, но замечания солдата убедили, что к ним надо прислушаться. Медленно, иногда даже против собственной воли, стал я доверчивее к подчиненным, стал понимать, что они могут, а что надо потребовать. С теми солдатами, кто трудно усваивал предметы, занимался дополнительно. После очередных учений, когда в мой адрес не было замечаний, всему личному составу взвода объявил благодарность. Так вроде бы и не учили, но настроение подчиненных заметно поднялось. Комфортнее почувствовал себя и сам. То все строго официально и серьезно получалось, а тут и сами отношения людей во взводе, и со мной, как с командиром, стали доверительнее. Работать мне вроде бы и труднее, но уверенности, что поступаю я правильно и с делом справлюсь, прибавилось. Так оно и случилось. На очередной контрольной проверке и на последующей мой взвод стал отличным. По солдатам было видно, что они так же, как и я, переживали и за свои поступки, достижения и недостатки, и за меня, своего командира. Хотелось не подвести друг друга. А это и стало основой успеха.

Когда Константинов уезжал из полка, отслужив положенный срок, я уже был командиром роты. Расстались мы тепло, по-дружески. Науку подчиненного я усвоил на всю жизнь.

А вспомнилось об этом по такому случаю. После службы довелось работать с одним руководителем. Создавал он впечатление деятельного человека и много знающего. На самом деле это было не совсем так. Требовать и исполнять — не одно и то же. Он же с подчиненных, как говорят, три шкуры сдирал, но дело к лучшему не двигалось. Наоборот, отдельные проблемы даже усугублялись. Руководитель вместо того, чтобы определить причины происходящего, становился еще жестче, не только не уважал подчиненных, не доверял им, но порой и незаслуженно оскорблял. Бывали случаи, когда на совещаниях люди падали в обморок, попадали в больницу с сердечным приступом. И пожаловаться на него в таком случае было некому, ибо сама чиновничья братия всегда отличалась заячьей трусостью. Все боялись: а вдруг уволит...

Ситуация эта происходила не в прошлое "тоталитарное", как принято выражаться сегодня, время, а сейчас, в период "безбрежной" демократии. Найдись в окружении горе-руководителя такой знаток психологии человеческих отношений, как рядовой Константинов, глядишь, и дело бы делалось более эффективно, и люди бы так не страдали.

**Полковник Евгений АРТЮХОВ,
начальник отдела литературы**

Нынешний год — год столетия со дня рождения Якова Захаровича ШВЕДОВА (1905–1984) — поэта, широкую известность которому принесли песни. Его "Орленок" наряду с "Каховкой" М. Светлова и "Партизаном Железняком" М. Голодного стал одной из самых знаменитых и любимых народом песен о революции. Его "Смуглянка", "Рос на опушке рощи клен" и сегодня часто звучат с эстрады.

Родился поэт в Тверской губернии, в деревне Пенья, работал в Москве на заводе Гужона (нынешнем "Серпе и молоте"). В годы Гражданской войны — боец ЧОНа. Затем учеба на рабфаке Института искусств им. А. Луначарского, выход первой поэтической книжки в 1928 году, участие в работе первого Всесоюзного съезда писателей. В годы Великой Отечественной — спецкор газеты "За победу" 40-й армии.

СМУГЛЯНКА

Как-то летом на рассвете
Заглянул в соседний сад,
Там смуглянка-молдаванка
Собирает виноград.
Я краснею, я бледнею,
Захотелось вдруг сказать:
"Станем над рекою
Зорьки летние встречать".

Раскудрявый клен зеленый,
лист резной,
Я влюбленный и смущенный
пред тобой.
Клен зеленый, да клен кудрявый,
Да раскудрявый, резной!

А смуглянка-молдаванка
Отвечала сразу в лад:
"Партизанский молдаванский
Собираем мы отряд.
Нынче рано партизаны
Дом покинули родной.
Ждет тебя дорога
К партизанам в лес густой".

Раскудрявый клен зеленый,
лист резной,
Здесь у клена мы расстанемся
с тобой.
Клен зеленый, да клен кудрявый,
Да раскудрявый, резной!

И смуглянка-молдаванка
По тропинке в лес ушла.
В том обиду я увидел,
Что с собой не позвала.
О смуглянке-молдаванке
Часто думал по ночам.
Вновь свою смуглянку
Я в отряде повстречал!

Раскудрявый клен зеленый,
лист резной,
Здравствуй, парень,
Мой хороший, мой родной!
Клен зеленый, да клен кудрявый,
Да раскудрявый, резной!

Мы издаем для вас:
журнал "На боевом посту",
газету "Ситуация",
сборник учебно-методических
материалов
"Войсковой вестник"

Индекс на подписку:
"На боевом посту" — 73 175
"Ситуация" — 50 157
"Войсковой вестник" — 73 515

Адрес редакции:

111250, Москва, Красноказарменная, 9а
Телефоны: 361-81-71, 916-28-78, 916-27-89

Факс: 917-72-66

E-mail: a_u_bannikov@mail.ru

Ваш журнал о внутренних войсках

Оформить подписку на наши издания можно во всех отделениях связи Роспечати